

41608

Б.Х.Тодаева

ЯЗЫК МОНГОЛОВ Внутренней Монголии

Очерк диалектов

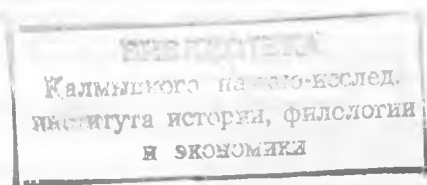
Т 53
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

Б.Х.Тодаева

Язык монголов Внутренней Монголии

Очерк диалектов

се

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

Ответственный редактор

Г.Д. САНЖЕЕВ

В работе дано описание трех диалектов Внутренней Монголии. Описание базируется на материалах, собранных автором в полевых условиях. Используются также данные других экспедиционных групп, работавших в различных местах поселения монголов.

Исследование является продолжением книги того же автора «Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь» (М., 1981).

Т $\frac{4602010000-137}{013(02) - 85}$ 154-85

ВВЕДЕНИЕ

Объектом нашего исследования являются говоры и диалекты Внутренней Монголии, носители которых, монголы Автономного района Внутренняя Монголия, уже несколько веков проживают в пределах Китая.

Изучение говоров восточной части Внутренней Монголии связано с именем известного русского монголоведа А.Д. Руднева, опубликовавшего в 1911 г. «Материалы по говорам Восточной Монголии». Летом 1903 г. А.Д. Руднев по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии ездил в Восточную Монголию. Он писал: «Посещены Харбин, Цицикар, Куан-Чэн-дзы, Мукден... и совершена экскурсия из Фулярди в ставку Дурбут-бэйсэ и его монастырь и обратно на ст. Сяо-Хэ-дза. На обратном пути заехал в Гусино-озерский, Джидинский дацаны и в Ургу. Эта экскурсия дала мне главный, основной материал для настоящей работы» /7, с. ххii/. А.Д. Руднев писал, что о восточных монголах знают чрезвычайно мало. Известно лишь, что в их языке аффрикаты *ч* и *ц* употребляются в тех случаях, где письменным монгольским *с* и *у* соответствуют халха-ургинские *ц* и *з*, и что имеются различия в лексике. И, наконец, что будто бы «восточные монголы все окитаены и забыли свой язык» /7, с. 229/. В связи с последним тезисом автор отмечает, что, несмотря на многовековую китайскую колонизацию, восточные монголы сохранили свой язык, поскольку лексический состав его остается монгольским, и что многие из них не понимают по-китайски.

А.Д. Руднев устанавливает две группы говоров: 1) дурбут-бэйсэ, северный горлос и джалайт, 2) все остальные восточные — джасту, уджумчин, ордос и др. По поводу последних А.Д. Руднев писал: «В языке остальных восточных монголов я не замечал различий, которые бы дали мне право выделять еще другие подгруппы» /7, с. 230/. Отличительной чертой первой группы говоров он считал наличие в них согласного *т*, соответствующего письменному монгольскому, халха-ургинскому, восточным и калмыцкому *с*, бурятскому *н*.

Труд А.Д. Руднева является первым опытом описания основных фонетических и морфологических особенностей речи дурбет, горлос и отчасти хорчин, проживающих на самой окраинной части северо-востока Внутренней Монголии. Следует заметить, что ученый изучал речь лишь отдельных монгольских племен — дурбут-бэйсэ, горлос, хорчин (джасту). Основная же масса монголов (в том числе и часть хорчин) Джоудаского (арухорчины, барины, хешиктены), Чахарского, Джостуского (харчины и туметы), Шидингольского, Уланцабского и Иехе-Чжоуского (Ордосского) аймаков Внутренней Монголии осталась вне поля наблюдений исследователя.

А.Д. Руднев отмечал, что по восточным говорам большой материал собрал П.Ж. Жамцарано. «Из его писем видно, что он обследовал ордос, урат, дурбет (дурбен хухет), сунит, абага, уджумчин и баргу» /7, с. VI, примеч. 3/. К сожалению, материалы, собранные П.Ж. Жамцарано, не были опубликованы, и судьба их неизвестна.

В дальнейшем изучение говоров Восточной Монголии приостановилось. После А.Д. Руднева никто из монголистов (ни до революции, ни после нее) ими не занимался. Таким образом, выходом в свет книги А.Д. Руднева, собственно, и ограничивается изучение в России говоров Внутренней Монголии.

Между тем южная часть Восточной Монголии привлекла внимание иностранных специалистов. В 1906 г. А. Мостарт, бельгийский миссионер, ставший затем известным ученым, начал изучение ордосского диалекта. Его пребывание в Китае с 1906 по 1925 г. было весьма плодотворным. Он опубликовал несколько капитальных трудов, посвященных исследованию ордосского диалекта: «Диалект монголов ордос», «Тексты ордос», «Словарь ордос» /12; 13; 14/.

Изучение отдельных говоров не давало целостного представления о языке монголов Внутренней Монголии и близлежащих провинций Китая, о современном состоянии говоров и месте, занимаемом ими как в группе диалектных подразделений языка самих восточных монголов, так и среди других монгольских языков. При рассмотрении говоров Внутренней Монголии обычно ссылаются на ордосский как на самый известный в литературе и сохраняющий в «чистом» виде некоторые черты старописьменного монгольского языка (СПМЯ). Однако во всех остальных говорах заметны отличия, характерные для речи монголов разных племен. Следует принять во внимание и то, что частичное переселение монголов, занятие животноводством и, следовательно, перекочевки с места на место в поисках лучших пастбищ, социальные перемены в их жизни (особенно в начале 50-х годов XX в.) — все это положило начало известному смешению отдельных черт внутри групп говоров [главным образом тех, которые распространены в Чахарском, Шилингольском, Иехе-Чжоуском (Ордос) и Уланцабском аймаках].

ЭКСПЕДИЦИОННОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОВОРОВ И ДИАЛЕКТОВ

В 1954–1957 гг. в КНР была развернута большая работа по широкому полевому обследованию и изучению языков многочисленных национальных меньшинств. Эти исследования должны были предшествовать созданию для многих из них новой письменности или реформе старой письменности и разработке литературных языков.

1954 год стал примечательным в истории всех монголоязычных народностей Китая — монголов Внутренней Монголии, дагуров, монголов, дунсян, баоаней, ойратов, живущих в провинциях Ганьсу, Цинхай и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Языки этих народностей стали предметом специального исследования. До этого они в КНР не изучались.

Первым шагом к подготовке и проведению экспедиции было накопление предварительных данных о границах распространения, общем положении (ис-

торические, этнографические и другие сведения) монголов, выяснение основных контуров отдельных говоров и диалектов¹. Общая задача экспедиций была ясна — установить реальную языковую ситуацию на территории Внутренней Монголии и наметить границы между диалектами и говорами. Но сначала необходимо было тщательно продумать и решить наиболее существенные вопросы практического и методического характера, например: а) выяснить, какие говоры обследовать, где они распространены и как их именовать; б) выработать транскрипцию; в) составить единую программу для сбора материалов по говорам; г) определить маршруты и сроки обследования того или иного говора.

Ответственным и трудным мероприятием была выработка транскрипции и составление единой программы с единой методикой записи и сбора материала. Было признано целесообразным принять за основу практический алфавит языка монголов МНР с добавлением некоторых диакритических знаков. Очень важно было также определить объект сравнения изучаемого говора. Многомесячная подготовительная работа завершилась к маю 1955 г., и настало время самой экспедиции.

Экспедиция 1955 г. была организована Центральной академией национальных меньшинств в Пекине, Институтом языкознания АН Китая и Обществом по изучению монгольского языка и письменности во Внутренней Монголии² под общим руководством Академии наук Китая и Комитета по делам национальностей.

Группы по обследованию монгольских языков и диалектов входили в состав V-го отряда лингвистической экспедиции 1955 г. В ней принимали участие 60 человек — представители различных монгольских народностей. Членами экспедиционных групп были сотрудники, преподаватели, аспиранты кафедры монгольского языка Центральной академии национальных меньшинств, сотрудники Института языкознания АН Китая, преподаватели восточного факультета Пекинского университета. Были приглашены и 40 человек из Автономного района Внутренняя Монголия — преподаватели и учащиеся старших курсов техникума монгольского языка, работники издательств, переводчики, прошедшие специальные краткосрочные курсы.

Было создано 13 групп: 1) баргу-бурятская, 2) дагурская, 3) хинганская, 4) джеримская, 5) джоудаская, 6) харчинская, 7) чахарская, 8) шилингольская, 9) уланцабская, 10) ордосская, 11) ганьсуская, 12) цинхайская, 13) синьцзянская.

¹ Мы не останавливаемся на экспедиционном изучении остальных монгольских языков — дагурского, дунсяпского, монгорского и баоаньского, а также речи ойратов в провинциях Ганьсу, Цинхай и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

² Общество, созданное в 1953 г., состояло из 160 членов. Задачи Общества: 1) унификация монгольской терминологии, 2) изучение языка (составление учебно-методических пособий) и переводы на монгольский и с монгольского на китайский, 3) изучение нового монгольского письма (на кириллице), 4) собрание памятников старой письменности и устного народного творчества, 5) издание журнала «Монгол хэл бичиг».

Существовала и специальная группа, куда входил и советский специалист со своим маршрутом и планом обследования. Ее члены изучали язык дагуров в провинции Хэйлуцзян (цицикарский говор) и дагуров в Хулунбуирском аймаке Внутренней Монголии (бутхаский говор), а также язык монгольского населения Хулунбуирского, Джеримского, Джоудаского, Шилингольского и Чахарского аймаков Автономного района Внутренняя Монголия.

Экспедиционные группы работали на местах поселения монголов от трех до шести месяцев. В итоге широких полевых обследований в распоряжении специалистов оказалось большое количество материалов (правда, неодинаковых по своей значимости), которые давали возможность представить целостную картину общего состояния изучаемых говоров и диалектов, распространенных на весьма обширной территории, начиная с Маньчжурии на севере и кончая Синьцзян-Уйгурским автономным районом на западе.

Подведение итогов работы, даже предварительных, было делом нелегким. Задача состояла не только в том, чтобы дать подробное описание фонетических, морфологических и лексических особенностей диалектов и говоров для определения путей дальнейшего развития языка монголов Китая, но и в том, чтобы на основе собранных материалов помочь правильно решить вопрос о возможности перевода письменности прежде всего монголов Автономного района Внутренняя Монголия со старомонгольской графики на новую (кириллицу).

Следует отметить, что до экспедиционного обследования языка монголов Внутренней Монголии не раз ставился вопрос на местах о реформе старомонгольской письменности и замене ее письменностью на основе русской графики, применяемой в соседней братской стране — МНР. Выбор китайскими монголами этой графики объяснялся историческими связями, единой основой их языка, наглядными примерами успешного развития культуры и просвещения монголов МНР.

Подготовительные работы по языковому строительству, в частности мероприятия по дальнейшему развитию языка монголов Китая, и осуществлению реформы старомонгольской письменности были неразрывно связаны между собой и в целях подведения итогов нуждались в обобщении.

В этой связи возникло много практических и теоретических вопросов, например: классификация монгольских диалектов и говоров, выбор опорного диалекта и установление норм литературного произношения, степень понятности нового литературного языка для всего населения и т. д.

Особенно сложным и дискуссионным оказался вопрос о членении монгольского языка, к которому китайские ученые сочли возможным отнести язык баргутов и бурят Хулунбуирского аймака Внутренней Монголии, а также ойратов провинций Ганьсу, Цинхай и Синьцзян-Уйгурского автономного района. Эта проблема требовала самого серьезного внимания — учета не только лингвистических данных, но и общественно-политических факторов.

Результатом деятельности экспедиции явился доклад кафедры монгольского языка Центральной академии национальных меньшинств в Пекине, который был прочитан на Общереспубликанской научной конференции по языкам народов КНР в декабре 1955 г. /9/.

Основной доклад на этой конференции был посвящен общему обзору состояния работы по обследованию языков и тому, что делается в области со-

здания и реформирования письменностей. На конференции развернулся широкий обмен опытом работы по изучению различных групп языков национальных меньшинств, а также были намечены конкретные планы осуществления их на ближайшие годы.

Решение конференции о необходимости завершить основную работу по обследованию языков национальных меньшинств Китая и оказанию содействия им в разработке и усовершенствовании письменностей в ближайшие три года (1956–1958) касалось и монгольязычных народностей. Подготовка к осуществлению плана экспедиции 1956 г. началась сразу же после завершения этой конференции.

В промежутке между созывом научной конференции по языкам народов КНР и проведением экспедиции 1956 г. произошло еще одно важное событие в истории изучения монгольских языков Китая — это созыв первой научной конференции по актуальным проблемам монгольских языков и письменностей. Она состоялась в Автономном районе Внутренняя Монголия, в г. Хухэ-Хото (в мае 1956 г.), в ее работе принимали участие представители всех монгольских народностей: дагуры, монгоры, дунсяне, баоане, монголы, ойраты, баргуты и буряты.

В докладе кафедры монгольского языка Центральной академии национальных меньшинств в Пекине «Об итогах работы монгольской экспедиции 1955 г.» освещалось современное состояние изученности говоров и диалектов, их классификация, взаимоотношение не только между диалектами монголов Китая, но и между диалектами последних и халхаским, легшим в основу литературного языка монголов МНР, и как итог-высказывалось предварительное мнение по вопросу о перспективах дальнейшего развития монгольского языка в Китае, о возможном переходе на новый алфавит.

Конференции предшествовали большая подготовительная работа, множество обсуждений и споров, поиски лучших вариантов решения проблемы. Мнения сторон резко расходились, и намечались два возможных пути решения главного вопроса:

1) в качестве основы литературного монгольского языка целиком принять халхаский диалект, признав тем самым исконное единство языка монголов МНР и монголов Внутренней Монголии;

2) в основу литературного языка положить один из диалектов Внутренней Монголии и, следовательно, дать возможность самостоятельному существованию и развитию литературного языка на территории Внутренней Монголии в пределах КНР.

Те, кто настаивал на сохранении самобытности языка монголов Внутренней Монголии, считали целесообразным за основу их литературного языка взять восточный диалект (хорчинский говор). Мотивировалось это тем, что на нем говорит 80% (свыше миллиона) населения Внутренней Монголии, культура их более развита, они живут компактно, ведя полуседлый или оседлый образ жизни.

Мнение, высказанное кафедрой монгольского языка, заключалось в следующем: учитывая то, что после освобождения Китая связи с монголами МНР стали более тесными и литературный монгольский язык МНР оказывает известное влияние на интеллигенцию и население Внутренней Монголии, жела-

тельно для дальнейшего подъема культуры широких народных масс в соответствии с планами социалистического строительства в стране объединить усилия монголов в развитии общего национального языка. Кафедра считала возможным рекомендовать в качестве опорного — центральный диалект (с его шилингольским произношением), занимающий промежуточное положение между восточным и западным диалектами, общепонятный для монголов, живущих в Китае и наиболее близкий к языку монголов МНР. После обмена мнениями и долгих споров участники конференции пришли к решению: на территории Автономного района Внутренняя Монголия культивировать единый с монголами МНР общелитературный монгольский язык и расширять его базу за счет центрального диалекта языка монголов КНР как наиболее близкого к халхаскому диалекту.

Широко обсуждался вопрос и о переходе монголов на новый алфавит, применяемый ныне у монголов МНР³. Это касалось не только основной массы монгольского населения Внутренней Монголии, но и прилегающих к ней китайских провинций северо-востока — Хэйлунцзян, Гирич, Ляонин, где живет часть монголов. На конференции ойраты Синьцзян-Уйгурского автономного района высказались за возможность использования и распространения новой монгольской письменности и среди ойратов. Конференция рекомендовала распространить новую монгольскую письменность не только в пределах Внутренней Монголии, но и среди ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района и провинций Ганьсу и Цинхай.

В 1956 г. в Урумчи на научной конференции по языкам и письменностям народностей Синьцзян-Уйгурского автономного района был рассмотрен вопрос и об использовании новой монгольской письменности ойратами, живущими в регионе.

Ойраты высказались за переход на новую монгольскую письменность. В тот период подобное мероприятие должно было объединять монголов и ойратов КНР, содействовать росту их культуры, сплочению всего монгольязычного населения.

Экспедиция 1956 г. отличалась от экспедиции 1955 г. более широким охватом объектов изучения, маршрутом, сроками и составом участников и т.д. Несмотря на определенные успехи в работе, в экспедиции 1955 г. имелись недостатки, упущения, которые выявились как в процессе работы, так и при подведении предварительных итогов. В экспедиции 1955 г. не изучались языки баоаней и шира югуров, оказались необследованными и некоторые группы монголов. При этом записанные материалы требовали дополнительного изучения, повторной проверки на местах у носителей того или другого говора.

В этот раз самостоятельно функционировали группы по изучению монгольского, дунсянского и баоаньского языков. Специальная группа, в которую

³ Следует отметить, что решение о переходе на новую монгольскую письменность было опубликовано Народным комитетом Автономного района Внутренняя Монголия еще в июле 1955 г. Этим решением предусматривалось с июля 1955 до половины 1958 г. проведение должной подготовки и частичного перехода, а с мая 1962 г. — полный переход на новую графику. Следовательно, параллельно с обсуждением этой проблемы на научной конференции уже шло и ознакомление населения с новой письменностью.

входила и пишущая эти строки, обследовала языки монгор в провинции Синхай, дунсян, баоаней и омонголившейся группы шира югуров в провинции Ганьсу, а также язык цинхайских или куку-норских монголов (в частности, монголов-мусульман уезда Хайянь) и ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района (торгутов, элютов и хошутов).

По возвращении всех экспедиционных отрядов в конце 1956 г. началась кропотливая работа по подведению итогов экспедиции и составлению отчетов каждым отрядом по заранее разработанным и обсужденным проспектам. Особых усилий требовала обработка материалов по лексике, которые должны были стать основой для предполагаемого словаря диалектов.

В целом работа была результативной, она дала ценные сведения и материалы по всем монгольским языкам, что позволило представить языковую ситуацию, создать базу для расширения дальнейших обследований, приступить к составлению грамматических очерков, словарей и т.д.

Однако деятельность полевых лингвистических экспедиций по исследованию монгольского языка, выбор основы литературного языка монголов Внутренней Монголии и начавшееся распространение новой монгольской письменности рассматривались лишь как первые шаги в решении проблем национально-языкового строительства, непосредственно связанного с подъемом и развитием национальной культуры монголов Автономного района Внутренняя Монголия. Этим мероприятиям не суждено было осуществиться в силу определенных обстоятельств, сложившихся в последующие годы. В частности, этому способствовали и меры правительства Автономного района Внутренняя Монголия, отменившего принятое в 1958 г. решение о реформе монгольской письменности.

Языковая ситуация и языковая политика в Автономном районе Внутренняя Монголия в связи с проблемами развития монгольского языка и реформы письменности подробно рассматриваются в книге А.А. Москалева, посвященной характеристике национально-языковой политики КНР /5/.

В 1957–1965 гг. позиция китайского руководства в вопросе о реформе графики национальных письменностей существенно изменилась. Национальные меньшинства были лишены свободы выбора формы графики своей письменности, им предлагали брать за основу латинский алфавит, тем самым добиваясь унификации с китайской латинизированной слоговой орфографией. Курс на пересмотр основных принципов реформы или разработку национальных письменностей начал сразу же осуществляться во многих местах.

КЛАССИФИКАЦИЯ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ ЯЗЫКА МОНГОЛОВ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ

А.Д. Руднев в своем схематическом обзоре монголов делил их по наречиям на три группы: восточные (монголы), северные (буряты) и западные (ойраты) /7, с. 14/. К восточным монголам он относил: 1) южных — ордос, чахары, тумуты, суниты и др. и 2) северо-восточных, куда входят: а) юго-восточ-

ные (хорчин, харачин, оннют, барин, хешиктен, уджумчин и др.); б) северо-восточные (горлос, дурбут); в) халха — восточные и западные.

Г.И. Рамстедт к восточным монголам также относил всех собственно монголов (внешних и внутренних) и делил восточномонгольские наречия на три группы: 1) южномонгольскую группу (чахар, ордос, тумут и т.п.), 2) северо-восточную группу, которая охватывает многие мелкие племена у границ Маньчжурии (хорчин, оннют, уджумчин и т.п., а также горлос и дурбут-бэйсэ, имеющие особый говор) и 3) халхаское наречие /6, с. 5/.

Г.И. Рамстедт считал, что язык современных восточных монголов состоит из многих наречий, но различия между ними невелики и они без особого труда понимают друг друга. В отличие от А.Д. Руднева он не выделяет в особую подгруппу горлос и дурбут.

Большого внимания заслуживает классификация монгольских наречий и говоров, предложенная Б.Я. Владимирцовым. Б.Я. Владимирцов исходил из того положения, что общего монгольского языка не существует вовсе, а имеется несколько наречий и множество говоров, на которых изъясняются их носители в различных местах поселения монгольских племен. Эти наречия и говоры он условно делил на две ветви — западную и восточную. Западную ветвь составляют: а) ойратское наречие, б) наречие афганских моголов. К восточной ветви он относил наречия: а) бурятское, б) баргу-бурятское, в) дагурское, г) южномонгольское, д) халхаское.

По Б.Я. Владимирцову, в состав южномонгольского наречия входит несколько групп говоров: восточная, харачинская, чахарская и ордосская. К восточной группе он относил говоры населения северо-восточной части Внутренней Монголии (монголы Джиримского и Джоудаского сеймов), и, так же как и А.Д. Руднев, различал в ней две подгруппы: а) северо-восточную (говоры населения Дурбут-Бэйсэ, Сев. Горлос и Джалайт) и б) юго-восточную (все остальные говоры).

К харачинской группе он относил говоры монголов Джостуского аймака (племена харачины и тумуты). В чахарскую он включал говоры монголов Чахарского и Шилингольского аймаков. Такой же обобщенно расширительной оказалась и ордосская группа, включавшая говоры, на которых изъяснялись монголы Иехе-Чжоуского (Ордос) и Уланцабского аймаков. Говор уджумчин квалифицировался Б.Я. Владимирцовым как переходный к восточной группе /2, с. 8—9/.

При этом Б.Я. Владимирцов предупреждал, что «нельзя забывать того, что каждое наречие является в действительности в виде нескольких близких между собой, но все-таки отдельных говоров, а также того, что говоры чаще всего как бы волной переливаются друг в друга; в пределах же одного говора тоже можно наблюдать разные отличия» /2, с. 5/. Важно то, что распределение по говорам им намечалось в условиях, когда был исследован лишь ордосский и часть говоров восточной группы, да и то недостаточно полно. Он считал, что как следствие всего этого «классификация говоров южномонгольского наречия, возможно, подвергнется дальнейшим изменениям и дополнениям» /2, с. 9/.

Г.Д. Санжеев не дает частной классификации говоров Внутренней Монголии, он рассматривает носителей этих говоров как собственно монголов и считает, что «как внешние, так и внутренние монголы говорят на разных диалектах одного и того же монгольского языка: халхаском, чахарском, ордосском и др. Основное отличие между диалектами этого единого монгольского языка состоит преимущественно в фонетических особенностях и заключается в том, что если халхаский диалект, на котором говорит основное население Монгольской Народной Республики, является свистящим (*цаг* 'время', *дзам* 'дорога'), то диалекты внутренних монголов — шипящими (*цаг* 'время', *дзам* 'дорога'). Конечно, имеются отличия и в области грамматического строя и словарного состава, но они весьма незначительны по своему характеру» /8, с. 10/.

Известна классификация монгольских языков, предложенная Н.Н. Поппе, который делит монгольские языки на две основные ветви: восточномонгольскую, куда включаются: 1) дагурский язык, 2) монгорский язык, 3) восточномонгольский язык (иначе — халха и диалекты Внутренней Монголии), 4) бурятский язык, и западномонгольскую, включающую: 1) могольский язык, 2) ойратский язык (иначе — речь всего ойратского населения МНР и КНР), 3) калмыцкий язык.

Н.Н. Поппе диалекты Внешней и Внутренней Монголии считает диалектами одного языка, называемого им восточномонгольским языком. Важным он полагает то, что племена, которые общаются на этих диалектах, называют себя «монголами», в то время как другие монгольские народности не употребляют этого названия /15, с. 19/.

Восточномонгольский язык Н.Н. Поппе делит на следующие диалекты: а) халха, б) уланцаб, в) ордос, г) чахар (помимо чахар автор включает сюда и речь монголов Шилингольского аймака), д) харчин, е) джоуда (найман, арухорчин, джарут, кешиктен, барин, аохан, чохор халха и оннют), т.е. сюда включается речь монголов, населяющих территорию Джеримского аймака: хорчин, джалайт, дурбут и горлос /15, с. 20—21/. Н.Н. Поппе различает в качестве самостоятельных диалектов ордос и уланцаб, тогда как, например, у Б.Я. Владимирцова уланцабский включался в состав ордосской группы.

Широкое экспедиционное изучение языка монголов КНР способствовало дальнейшему уточнению и пересмотру схемы их распределения на говоры и диалекты.

Первая такого рода классификация была предложена группой авторов в докладе, прочитанном на Общереспубликанской научной конференции по языкам народов КНР в декабре 1955 г. /9/.

Она основывалась на совершенно новых данных, полученных путем фронтального экспедиционного обследования языка монголов во всех местах их поселения. Авторы исходили из того, что как фонетические и морфологические, так и лексические особенности дают основание делить язык монголов Внутренней Монголии на отдельные говоры и диалекты. Таких диалектов насчитывается пять: 1) баргу-бурятский (шинэ-баргуский и хучин-баргуский говоры); 2) восточный (хорчинский, арухорчин-баринский и харчин-туметский говоры); 3) центральный (шилингольский, чахарский и ордосский говоры); 4) за-

падный (алашаньско-эдзинаский и цинхайский говоры); 5) ойратский (торгутский говор)⁴.

Опираясь на новые материалы и построенная с учетом реальных данных по языку, истории и границам расселения монголов, эта классификация в основном соответствовала действительному положению. Однако авторы сознавали, что последующая экспедиция дополнит, уточнит ее.

Незначительные уточнения в эту классификацию вносились и позднее, когда была завершена экспедиция 1956 г. и подведены итоги работы всех групп. Но следует заметить, что и при последующих изысканиях в основе сохранялась именно эта первоначальная классификация.

В 1957 и 1958 гг. были опубликованы статьи Чингэлтэя, посвященные краткому обзору монгольских языков Китая и диалектов собственно монгольского языка. Чингэлтэй делит собственно монгольский язык на следующие диалекты и говоры: 1) баргу-бурятский диалект (шинэ-баргуский, хучин-баргуский и бурятский говоры); 2) восточный диалект (джоудаский, джеримский и джостуский говоры); 3) центральный диалект (шилинольский, чахарский и ордосский говоры); 4) западный диалект (эдзинаско-алашаньский и кукунорский говоры) и 5) ойратский диалект (торгутский говор) /16/.

Классификация Чингэлтэя отличается от предшествующей классификации тем, что в ней признается бурятский в качестве отдельного говора, а говоры восточного диалекта именуется согласно территориальной принадлежности их носителей.

В тот период вопрос о делении языка монголов КНР на отдельные диалекты и говоры (в уже указанном выше широком понимании) был далеко не простым и бесспорным. Включение в его состав в качестве самостоятельных единиц баргу-бурятского, западного и ойратского диалектов, несомненно, было искусственным, но отвечавшим в то время целям и задачам развития языка и распространения новой письменности и в целом национально-языковой политике, проводившейся в отношении различных этнических групп монголов Китая. Впоследствии по мере накопления и анализа материалов выявились неточности существующей классификации.

Нам представляется, что они состояли не только в том, что баргу-бурятский, западный и ойратский диалекты были неправомерно включены в состав языка монголов Автономного района Внутренняя Монголия, но и в том, что не были четко определены и точно установлены границы говоров самого языка монголов Внутренней Монголии.

И в настоящее время не удастся с достоверностью отнести речь некоторых этнических групп монголов к какому-либо определенному говору восточного или центрального диалекта. Это происходит не потому, что они не подверглись

⁴ В тот период, когда основное внимание обращалось на реформу старых письменностей и подготовку к практическому ее осуществлению — распространению новой письменности, работу по ликвидации неграмотности и поднятию общей культуры населения, язык монголов КНР понимался более широко — как речь всех этнических групп, населяющих не только Автономный район Внутренняя Монголия, но также провинции Ганьсу и Цинхай, Синьцзян-Уйгурский автономный район.

экспедиционному обследованию и нет по ним данных, а в силу сохранения в них переходных явлений и смешения отдельных черт, присущих говорам разных диалектов. Поэтому мы рассматриваем их как единицы переходного типа, подразделив на подговоры. ¹

Экспедиционное изучение показывает, что диалекты и говоры языка монголов Внутренней Монголии наряду со значительным сходством отличаются друг от друга. Каждый из них характеризуется известными, зачастую весьма устойчивыми локальными признаками. ¹

Учитывая определенные исторические условия жизни, территорию расселения монголов, особенности их речи — фонетические, морфологические и лексические, т.е. базируясь на историко-географическом и лингвистическом критериях, мы предлагаем новую схему классификации языка монголов Внутренней Монголии, сохраняя при этом наше первоначальное наименование диалектов (восточный и центральный). Ордосский мы выделяем в отдельный южный диалект⁵.

Язык монголов Автономного района Внутренняя Монголия распадается на три диалекта: восточный, центральный и южный, каждый из которых, в свою очередь, дробится на ряд говоров и подговоров. ¹

А. Восточный диалект. Он делится на говоры: 1) хорчинский (с подговорами джасагтуским и джалайт-дурбетским); 2) харчин-туметский; 3) арухорчин-баринский (с подговорами оннют-найманским и их-мянганским).

Б. Центральный диалект. В нем два говора: 1) чахарский (с подговором хешиктенским); 2) шилингольский.

В. Южный (ордосский) диалект. ¹

Вне этой схемы оказываются небольшие группы монголов, живущих в провинциях Хэйлуцзян и Гирин (северные и южные горлосы) и в Джеримском аймаке Внутренней Монголии (джаруты), по своей речи близкие к хорчинам.

В основу исследования положен материал, собранный автором в экспедициях. Использовались также и отчетные данные других экспедиционных групп, которые работали среди населения различных монгольских племен, проживающих в пределах Китайской Народной Республики. ¹

⁵ Предварительно необходимо сделать следующие замечания: 1) баргуты и буряты, населяющие Хулунбуирский аймак Автономного района Внутренняя Монголия, по своей речи близки к бурятам, проживающим в СССР; 2) ойратское население провинций Ганьсу и Цинхай по своей речи занимает промежуточное положение, среднее между ойратами Синьцзян-Уйгурского автономного района и монголами самого крайнего запада Внутренней Монголии; 3) ойратское население Синьцзян-Уйгурского автономного района по языку резко отличается от монголов Внутренней Монголии и ближе всего к ойратам провинций Ганьсу и Цинхай, а также к калмыкам, живущим в СССР. ¹

По числу носителей и по количеству говоров и подговоров это один из крупных диалектов. На восточном диалекте говорит население Хулунбуирского, Джеримского, Джоудаского и Джостуского аймаков Внутренней Монголии, включая также монголов в провинциях Хэйлуцзян, Гири и Ляонин северо-восточной части Китая, общей численностью более 1 060 000 человек¹.

ХОРЧИНСКИЙ ГОВОР

В качестве основы описания хорчинского говора взята речь жителей хошуна Дархан-ван. Хорчинский говор представляет особый интерес не только тем, что относится к территориально окраинному, но и тем, что является преобладающим по количеству говорящих на нем людей. Кроме того, данный говор выступает как наиболее типичный для языка восточных монголов, отличаясь в то же время от остальных говоров своеобразием фонетики и морфологии. Поэтому хорчинский говор исследуется нами более полно.

На хорчинском говоре общаются жители Хулунбуирского и Джеримского аймаков, расположенных на северо-востоке Внутренней Монголии. К хорчинскому говору близка речь джарут (два хошуна — Джарут восточный и западный) на территории Джеримского аймака и речь северных (в провинции Хэйлуцзян) и южных (в провинции Гирин) горлос.

ФОНЕТИКА

Гласные

Краткие гласные

a — широкий неогубленный гласный заднего ряда, встречающийся в начале, середине и конце слова: *ав* 'облава', *гал* 'огонь', *алиа* 'ладонь'. В единичных словах *a* первого слога становится огубленным благодаря влия-

¹ Данные о численности монголов, проживающих в различных аймаках Внутренней Монголии, относятся к моменту их экспедиционного обследования (1955—1956).

нию окружающих звуков, в частности непосредственно следующего за ним губного согласного, например: хорч. *јаџв-* 'идти' (ср. в речи ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района *јаџв-*).

Старописьменному монгольскому *a* в первом слоге некоторых хорчинских слов соответствует гласный переднего ряда ξ . Это связано с влиянием узкого гласного *i* второго, последующего слога на широкий гласный предшествующего слога, ср.: *amin*² 'жизнь', *ᠰabi* 'послушник', *aiᠵiyur* 'платок', *anᠵtsun* 'плуг' — хорч. ξ м, шѐв, ᠰлшүр, ᠰндас. Гласный ξ во всех говорах восточного диалекта произносится несколько своеобразно — как звук более продвинутой вперед, чем *a*, но в то же время более отодвинутый назад по сравнению, например, с калмыцким \bar{a} .

o — широкий огубленный гласный заднего ряда, который может находиться в любой позиции в слове: *ол-* 'найти, находить', *сохор* 'слепой', *шоно* 'волк'.

Старописьменный монгольский *o* в первом слоге некоторых хорчинских слов отражается в виде гласного переднего ряда \bar{o} , что обусловлено влиянием узкого гласного *i* второго, последующего слога: *mörin* 'конь', *jačin* 'гость', *sorbi* 'рубец от шрама', *tabči* 'пуговица' — хорч. *мөр(ин)*, *джошин*, *сөрвэ*, *төвш*.

y — узкий огубленный гласный заднего ряда, встречающийся в начале и середине слова: *ус(ан)* 'вода', *туг* 'знамя'. Иногда произносится ближе к широкому *o*. Нами зафиксированы слова, в которых заметно произношение *y*, как *o*, ср.: *nutun* 'лук (оружие)', *ungsi-* 'читать', *buduy* 'краска' — хорч. *ном*, *омши-*, *бодог*.

\bar{o} — узкий огубленный гласный среднего ряда, употребляющийся во всех позициях: *өлй* 'колыбель, люлька', *мөр* 'след, путь', *өмнө* 'юг, южный'. В СПМЯ ему соответствует гласный переднего ряда \bar{o} , ср.: *köl* 'нога', *mändür* 'град', *könggen* 'легкий' — хорч. *хөл*, *мөндөр*, *хөңгөн*.

В хорчинском говоре \bar{o} СПМЯ нередко замещается гласным узким того же ряда *y*. Однако эта тенденция к сужению более заметна в аялауте, ср.: *büglege* 'пробка', *bändür* 'высокий' — хорч. *бүглэ*, *үндөр*, совр. монг. (халха) *бөглөө*, *өндөр*.

\bar{y} — узкий огубленный гласный среднего ряда, который встречается в начале и середине слова: *үд* 'полдень', *бүтэн* 'целый', 'исправный'. Ему соответствует в СПМЯ гласный переднего ряда \bar{y} , ср.: *ülger* 'образец', *ünegen* 'лисица', *büse* 'пояс' — хорч. *үлгер*, *үнег*, *бус*.

e — широкий неогубленный гласный переднего ряда. Он встречается в любой позиции в слове: *ев* 'дружба, согласие', *темдег* 'примета, признак', *хеле-* 'говорить, сказать'.

Укажем и на своеобразие отражения *e*: а) иногда он становится настолько узким и передним, что переходит в *i*. (это заметно еще под влиянием среднеязычного согласного *j*), например: *beje* 'тело', *yeke* 'большой', *del* 'грива' — хорч. *бије*, *йя*, *дйя*; б) гласный первого слога *e* в позиции перед огубленным \bar{y} иногда подвергается в хорчинском регрессивной ассимиляции, ср.: *emüne* 'впереди', *ebügen* 'старец', *emüs-* 'одеваться' — хорч. *өмнө*, *өбгөн*, *өмсө-*.

² В дальнейшем изложении все примеры, которые взяты из старописьменного монгольского языка (СПМЯ), даются на латинской графике.

/ — узкий неогубленный гласный переднего ряда. Ему в СПМЯ соответствует гласный *i*, восходящий в прошлом к двум гласным типа / — переднему **i* и заднему **ī*. Впоследствии эти два гласных слились в один гласный *i*.

О «переломе» гласного *i*. Отличительной чертой говоров и диалектов языка монголов Внутренней Монголии по сравнению с СПМЯ является то, что гласный *i* первого слога ассимилируется в говорах гласным последующего, второго слога. Однако это не означает, что «перелом» имеет место во всех случаях. Известно много примеров, когда гласный *i* в первом слоге не меняется. Вопросом о «переломе» гласного *i* занимались многие исследователи. Наиболее полно суть «перелома» сформулирована Б.Я. Владимирцовым: «Явление это объясняется тем, что гласный второго слога антиципировался, т.е. голосовой аппарат принял положение, необходимое для воспроизведения этого гласного до образования находящегося между *i* и последующим гласным согласного» /2, с. 176/. Это предвосхищение последующего звука при произнесении предшествующего (ср. СПМЯ *ʃida* > хорч. *джэд* «копье») привело к возникновению специфической черты, типичной для монгольских языков, к фонетическому видоизменению слов.

Однако следует отметить, что в различных монгольских говорах «перелом» гласного *i* получает разное развитие, как следствие этого в каждом из них находятся слова с гласным *i*, ассимилирующимся гласным второго слога или неассимилирующимся. И в хорчинском говоре наряду с нормальным развитием известны многие исключения и непоследовательности.

В хорчинском наблюдаются разные результаты «перелома»:

1. Гласный *i* первого слога перед гласным *a* второго слога переходит в гласный *a*, т.е. подвергается «перелому», например: *miqa* «мясо», *ʃidal* «сила», *ʃiʃasun* «рыба» — хорч. *мах(ан)*, *шадал*, *джагас(ан)*.

Инициальный *i* нуждается в протетическом *j*: *imʃan* «коза», *iruyal* «дно» — хорч. *жам(ан)*, *юрдл*.

2. Гласный *i* первого слога перед гласным *u* второго слога переходит в хорчинском в гласный *y*: *nidurya* «кулак», *kituyʃa* «нож», *ʃisun* «кровь» — хорч. *нудраг*, *хутаг*, *шус(ан)*.

3. Гласный *i* первого слога перед гласным *ü* второго слога дал в хорчинском *y*: *nidün* «глаза», *ʃisün* «цвет, мазь», *ʃidür* «пути-треноги» — хорч. *нүд(ен)*, *джүс(ен)*, *шүдер*.

Начальный *i* также нуждается в протетическом согласном *j*, но «перелом» гласного *i* не происходит, например: *ildü* «меч», *ileg ü* «излишек» — хорч. *илд*, *илү*.

Гласный *i* первого слога слова подвергается «перелому» чаще всего в словах с гласными заднего ряда.

Однако гласный *i* первого слога сохраняется как *i* в хорчинском, если во втором слоге после гласного *i* находится гласный *e*, например: *ider* «юный, молодой», *irgen* «народ», *inder* «трибуна», *ire-* «прийти» — хорч. *идер*, *ирген*, *индер* (*жиндер*), *ире-и(ире-)*.

Инициальные слоги со спирантом *ш* и аффрикатой *дж* имеют тенденцию к сохранению *i* первого слога: *silbe* «голень», *ʃiʃig* «маленький» — хорч. *шилес*, *джиджиг*.

Не наблюдается «перелома» гласного *i* и в следующих словах: *bilegü* 'точильный камень', *kilyasun* 'волос (конский)', *siregün* 'грубый' — хорч. *билү*, *хиллас(ан)*, *ширүн*.

Таким образом, приходится констатировать, что хорчинскому говору, как и всем остальным говорам восточного диалекта, свойствен «перелом» гласного *i* не во всех словах.

Гласные непервых слогов хорошо зафиксированы в СПМЯ, тогда как во всех диалектах и говорах Внутренней Монголии (кроме ордосского, в котором заметна частичная редукция) они артикулируются неясно и подвержены редукции.

Известно, что все гласные непервых слогов видоизменились под ассимилирующим влиянием гласных первого ударенного слога. В СПМЯ и в хорчинском говоре мы находим несколько иные соответствия. В говоре гласные непервых слогов или стали редуцированными, или вовсе утратились.

Для простоты и по техническим условиям мы в своей работе не пользуемся знаком для указания на редукцию гласных непервых слогов.

Долгие гласные

Краткие и долгие гласные фонологически самостоятельны и представляют собой отдельные фонемы. Очевидность того, что долгие гласные служат для различения смысла слов, подкрепляют обычно примерами парных противопоставлений слов, в которых краткие и соответствующие им долгие гласные находятся в одинаковых условиях. Однако, как и во всех остальных говорах, сфера употребления таких оппозиций слов в хорчинском лексически ограничена.

Ср. несколько примеров: *шас(ан)* 'снег' — *шās(ан)* 'бумага'; *ул* 'подошва' — *үл* 'гора'; *дел* 'грива' — *дёл* 'шуба'; *хол* 'далеко' — *хёл* 'пища'; *тос(он)* 'масло' — *тōс(он)* 'пыль'; *дер* 'подушка' — *дёр* 'наверху'; *бол* 'стать' — *бёл* 'раб'.

В СПМЯ не было долгих гласных, в нем сохранились древние комплексы из соответствующих гласных и интервокального согласного $\gamma(g)$. Примечательно, что с распадом древних комплексов с интервокальным согласным были связаны значительные изменения в фонетической структуре всех современных монгольских языков и диалектов — возникновение впоследствии системы долгих гласных и дифтонгов.

В хорчинском, как и во всех других говорах языка монголов Внутренней Монголии, долгие гласные — явление вторичного, более позднего происхождения, обусловленное позиционными изменениями.

Общеизвестная точка зрения о происхождении долгих гласных в монгольских языках — образование долгих гласных из древних комплексов $V + C + V$. Интервокальными согласными в подобных комплексах были γ , g или w . В среднемонгольском интервокальные γ , g постепенно стали ослабевать, а затем утратились вовсе. Вследствие этого оказались рядом два гласных, которые потом подверглись стяжению в один долгий.

Б.Я. Владимиров обращает особое внимание на взаимоотношение компонентов сочетания, в частности на характер интервокального согласного. Он писал: «В очень раннюю эпоху междувокальные $\gamma \sim g$, а еще раньше w начали ослабляться, становясь более широкими и вокализируясь; благодаря

этому $y \sim g$ или исчезли вовсе, или заменились билабиальным спирантом w в тех случаях, когда один из гласных, чаще всего второй, был $u \sim \ddot{u}$, и спирантом y тогда, когда один из гласных, первый, был $i \gg i \sim i$. В дальнейшем началось ослабление этих w и y и их полное исчезновение. Впоследствии, два гласных, оказавшиеся рядом благодаря указанной лакуне, слились в один долгий, наблюдаемый в настоящее время /2, с. 215–216/.

Об образовании долгих гласных в результате постепенного выпадения интервокального согласного и слияния двух гласных в монгольских языках свидетельствуют сохраняющиеся наряду со стяженными формами и формы полные, где ныне нет долготы, ср., например: СПМЯ *abvayv* 'дядя' — хорч. *ават*, орд. *авата*.

Однако стяжение их в один долгий гласный происходило длительно и неравномерно в зависимости от того, какие гласные были в составе древнего комплекса, т.е. два одинаковых или же два разных. Комплексы с двумя разными гласными сохранились значительно дольше. Таким образом, отдельные монгольские языки оказались на разных ступенях трансформации комплекса; ср. образование долгих гласных в языках центральной ветви (монгольский, бурятский и калмыцкий) и сохранение некоторых прежних двугласных в языках изолированной маргинальной ветви (дагурский, дунсянский).

С образованием долгих гласных непервых слогов связаны значительные расхождения между отдельными монгольскими языками, обусловленные правилами гармонии гласных, в частности действием в них явления губного притяжения — одного из видов прогрессивной ассимиляции. Следует заметить, что все древние комплексы с интервокальным согласным составляли два слога, т.е. гласные этого комплекса относились к двум разным слогам.

1. Долгие гласные, возникшие в результате стяжения двух одинаковых гласных.

Комплексы СПМЯ *aya* в хорчинском $> \bar{a}$ (в первом слоге), \bar{a} , \bar{o} (в непервом слоге): *sayadav* 'колчан для стрел' — *садав*; *bayatur* 'герой, богатырь' — *батар*; *dulayan* 'тепло, теплый' — *дулан*; *uqayan* 'ум, разум' — *ухан*; *jobaya* 'мучить' — *джово*; *boljaya* 'условие, уговор' — *болджо*.

ege $> \bar{e}$ (в первом слоге), \bar{e} , \bar{o} (в непервом слоге): *degebüri* 'крыша, кровля' — *дэвер*; *begetei* 'рукавицы' — *бэлэй*; *Yegerde* 'рыжий (масть коня)' — *джёрд*; *emegel* 'седло' — *емёл*; *tügege-* 'распределять, раздавать' — *түгэ*; *ködege* 'степь, поле' — *хөдө*; *köbege* 'берег, край' — *хөбө*.

В непервых слогах комплексы *aya* и *ege*, развившие долготу, меняют и свою качественную характеристику в результате прогрессивной губной ассимиляции (*aya* после *o* под лабиализующим его влиянием развивается в \bar{o} , тогда как *ege* после $\bar{o} > \bar{e}$).

uyu $> \bar{y}$: *buyudai* 'пшеница' — *бүдэй*; *quyur* — смычковый музыкальный инструмент — *хүр*; *uyuray* 'молозиво' — *үрав*; *qaduYur* 'коса (орудие)' — *хадүр*; *uyuyu* 'вниз, книзу' — *урү*; *soruyul* 'мундштук' — *сорүл*.

ügü $> \bar{y}$: *bügürge* 'седельная лука' — *бүрег*, *tügükei* 'незрелый, сырой' — *түхэй*; *ügüre-* 'разламываться на части' — *үре*; *küjügün* 'шея' — *хүджүн*; *büdügün* 'толстый, грубый' — *бүдүн*; *sirügün* 'жесткий, грубый' — *шүрүн*, *шүрүн*.

igi $> \bar{i}$: *Yigt-* 'вытягивать, протянуть ноги' — *джі*; *čigig* 'сырость' — *ші*; *sigire* 'ноги (у животных)' — *шір*.

2. Долгие гласные, возникшие в результате стяжения двух неодинаковых гласных.

Развитие этой подгруппы долгих гласных было более длительным.

Комплексы СПМЯ *iya* в хорчинском > *ā*: *ʃiyarqan* 'маленький' — *джāхан*; *siyardal* 'требование' — *шāрдal*; *arγamʃiya* 'веревка, привязь' — *арγамджā*; *namurʃiya* 'осеннее стойбище' — *намарджā(н)*.

iyu > *ū*: *niyu-* 'прятать, скрывать' — *нū*; *ʃiyuga-* 'месить, разводить' — *джūра*; *γasiyūn* 'горький' — *γашūн*; *qasiyūn* 'клюв' — *хашū(н)*; *unʃiyu* 'опущенный книзу' — *унджū*.

ige > *ē*: *ʃige* 'племянник, внук' — *джē*; *küllige* 'связка, веревка' — *хүлē*; *belčiger* 'пастбище' — *белшēр*.

igū > *ū*: *niḡūl* 'грех' — *нūл*; *sigūsün* 'сок, жидкость' — *шūс(ен)*; *tülkiḡür* 'ключ' — *түлхүр*; *kögʃigül-* 'развивать' — *хөгджүл*; *dellḡün* 'селезенка' — *делүн*; *čimkiḡür* 'щипцы' — *шимхүр*.

egü > *ū*: *ʃegün* 'иголка' — *джүн*; *egüden* 'дверь' — *үден*; *bülegür* 'мутовка' — *бүлүр*; *delgegür* 'магазин' — *делгүр*.

ayū > *ū*: *bayu-* 'спускаться' — *бū*; *dayuda-* 'звать, позвать' — *дūда*; *ayula* 'гора' — *үл*; *asaγudal* 'вопрос' — *асудал*; *γoldayu* 'в основном' — *голдū*; *dutayu* 'недостача' — *дутū*.

oγa > *ō*: *toγa* 'число' — *тō*; *toγala-* 'считать' — *тōло*; *oboγa* 'куча, груда' — *обō*; *tomoγa* 'рассудок, степенность' — *томō*.

oγu > *ō*: *boγu-* 'завязывать' — *бō*; *toγusun* 'пыль, прах' — *тōс(он)*; *oγusur* 'шнур, веревка' — *бōсop*; *moqoγu-* 'тупить, притуплять' — *мохō*.

ōge > *ō*: *bōge* 'шаман' — *бō*; *ʃāgelen* 'мягкий' — *джōлөн*; *sōnōge-* 'уничтожать' — *сөнō*; *nōkōgesun* 'заплата' — *нөхөсөн*.

ōḡū > *ō*: *sōḡūt* 'малая пядь' — *сōм*; *čōḡūken* 'мало, немного' — *шōтөн*.

uγa > *ū* (в первом слоге), *ā*, *ō* (в непервом слоге): *ʃuγaγ* 'кушанье, трапеза' — *джūв*; *unūγa* 'верховое животное' — *унā*; *maγūγa* 'спор, конфликт' — *марγā(н)*; *ʃiγūγaγ* 'шесть' — *джурγā(н)*; *borūγaγ* 'дождь' — *борō*; *poγūγaγ* 'зеленый' — *ногōн*; *ʃiūγa* 'поводья, вожжи' — *джолō*.

ūge > *ū* (в первом слоге), *ē*, *ē* (в непервом слоге); *kūger* 'гордый, надменный' — *хүр*; *ūgerl* 'гной' — *өр*; *ūdūgerl* 'тонкие кожаные ремни' — *үдөр*; *bürkügesin* 'крышка, покрывка' — *бүрхēs(ен)*; *dörüge* 'стремя' — *дөрē*; *nbiūge* 'влияние' — *нөлē*.

Старописьменным монгольским комплексам *iya*~*iye* соответствуют в хорчинском долгие гласные:

iya > *ā*, *ō*, *ō*: *tariyan* 'хлеб, пашня' — *тєрā(н)*; *takiya* 'курица' — *тєкā*; *dokiya* 'сигнал, знак' — *дōхō*; *orlya-* 'завертывать' — *орō*; *ʃābsiya-* 'одобрять, соглашаться' — *джобшō*.

iye > *ē*, *ē*: *ʃisiye* 'пример, образец' — *джшē*; *iniyedun* 'смех' — *инēд(ен)*; *iḡēд(ен)*; *örüsüel* 'милость, милосердие' — *өршēл*.

Таким образом, долгие гласные в хорчинском говоре по своему происхождению представляют собой различное отражение древних комплексов $V + \gamma - g + V$ и $V + \gamma + l$. Характерно, что некоторые древние комплексы с интервокальным согласным дали долгие гласные в непервых слогах в зависимости от того, какой гласный входил в состав первого слога. Это относится прежде всего к гласным *o* и *ō*, встречавшимся в СПМЯ лишь в первом слоге, в то время как

все остальные гласные могли находиться в любом слоге слова. Возникновение гласных *o* и *ө* в непервых слогах (как в основе слов, так и в составе разнообразных суффиксов) относится к фактам более позднего периода развития языка монголов Внутренней Монголии.

Хотя структура долгих гласных в основе слова и в суффиксах аналогична, однако разница в том, что долгие гласные в суффиксах образуются часто на стыке морфем: суффикс, начинающийся на согласный $\gamma \sim g$, присоединяясь к основе изменяемого слова с конечным гласным, создает интервокальное положение для согласного. Ср.: *Yori-* 'стремиться' + *-yad* (суффикс разделительного деепричастия) > *Yariyad* 'устремившись' — хорч. *дэбрэдэ; сэндэ* 'гибнуть, уничтожаться' + *-ge* (суффикс побудительного залога) > *söndöge-* 'уничтожать, истреблять' — хорч. *сэндэ; маргу-* 'спорить' + *-yan* (суффикс образования имен от глаголов) > *marгуyan* 'спор' — хорч. *марга(н)*.

Долгие монофтонги

Общим для всех говоров восточного диалекта (в том числе и для хорчинского) является то, что в них нет дифтонгов. Комплексы $V + \gamma + i$ или $V + i$ СПМЯ имеют тенденцию в хорчинском перейти в долгие монофтонги.

Об образовании подобных комплексов в монгольском Б.Я. Владимирцов писал, что «монг. письм. начертания $V + \gamma + i$ восходят к комплексам $*V + \gamma \sim g + i$ и $*V + w + i$ аналогично с другими явлениями; $*V + \gamma \sim g + V$ и $*V + w + V$ > долгие V в халхаском. На монгольской почве, следовательно, $*\gamma \sim g$ и $*-w$ перед i > $-y$ /2, с. 166/.

Позиционное распределение комплексов $V + \gamma + i$ в СПМЯ почти такое же, как и распределение комплексов $V + \gamma \sim g + V$, т.е. сочетания $V + \gamma + i$ встречаются в любом слоге, тогда как $V + i$ — лишь в конце слова.

Комплекс СПМЯ *ayi* в хорчинском > $\bar{e}, \bar{o}, \bar{i}$: *ayil* 'груша юрт' — $\bar{e}\bar{l}$; *ongуayil* 'отвориться, открыться' — *оңгидэ; алчайил* 'расставить ноги' — *алши*.
ai > $\bar{a}, \bar{e}, \bar{o}, \bar{ö}$: *yaqai* 'свинья' — *гакэ; dalai* 'море' — *далэ; toлуyai* 'голова' — *толгэ; qormai* 'подол' — *хормэ*.

oyi > \bar{o} : *noyir* 'сон' — *ндр; oylmasun* 'чулки' — *эмс(он); gotoyil* 'гнуть-ся' — *хотдэ*.

oi > \bar{o}, \bar{o} : *oi* 'лес' — \bar{o} ; *oroi* 'вечер' — *орд; strol* 'пыль, прах' — *шорд*.

uyi > \bar{y}, \bar{i} : *uyila-* 'плакать' — $\bar{y}\bar{l}$; *duyuyllang* 'кружок' — *дуглаң*.

ui > \bar{y}, \bar{i} : *ayui* 'великий' — *агү; qançui* 'рукав' — *хэмшү*.

üyi и *üi* > \bar{y}, \bar{i} : *güyi-* 'бегать' — $\bar{y}\bar{y}$; *üyile* 'дело' — $\bar{y}\bar{l}$; *bögdüyi-* 'горбиться' — *бөгдэ; бүрүи* сумрак — *бүрү*.

eyi, ei > \bar{i} : *neyl* 'согласие' — *нү; дүлейтре-* 'глохнуть' — *дүлтре; erekei* 'большой палец' — *ерхү; түгекеи* 'незрелый, сырой' — *түхү*.

Необходимо отметить, что в говоре заметна последовательная тенденция развития *ai, ei* на конце слов (в суффиксе совместного падежа) в долгий гласный \bar{e} , ср.: *amtal, eketei* — хорч. *эмтэ* 'с жизнью', *ектэ* 'с матерью'.

Наличие в незначительном количестве слов хорчинского говора долгих гласных $\bar{e}, \bar{o}, \bar{y}$ связано в основном с монофтонгизацией комплексов СПМЯ *ayi, oyi, uyi, üyi*, а в конце слов — с *ai, oi*.

Следовательно, здесь наблюдаются значительные изменения: во всех говорах восточного диалекта, в том числе и в хорчинском, результатом Эволюции комплексов СПМЯ явилось развитие долгих гласных, а в говорах центрального диалекта в тех же условиях древние комплексы преобразовались и в долгие гласные, и в дифтонги.

Гармония гласных

Гармония гласных, фонетически обусловленная ведущей ролью гласного корня, проявляется в том, что в одном и том же слове могут находиться только гласные одного ряда. В хорчинском наряду с падающей гармонией развилось и явление губного притяжения, в соответствии с которым при огубленном гласном первого слога гласные основы и наращиваемого к ней суффикса должны быть также огубленными. Губное притяжение, появившееся относительно поздно, развилось последовательно лишь в монгольском (халхаском и в диалектах и говорах Внутренней Монголии) и бурятском языках, тогда как во всех остальных монгольских языках (в калмыцком и во всех языках маргинальной ветви — монгорском, дунсянском, баоаньском) оно не распространилось.

Явление губного притяжения особое место занимает при взаимодействии первого и непервого слогов. Оно проявляется в том, что гласный, содержащийся в непервых слогах, должен быть не только одного ряда, но также огубленным или неогубленным, как того требует гласный корневой морфемы.

Слова с гласными ε , $\bar{\varepsilon}$, \bar{o} , $\bar{ö}$ в первом слоге в последующих слогах имеют гласные заднего ряда, например: $b\bar{\varepsilon}$ — 'быть, находиться' — $b\bar{\varepsilon}i\bar{a}\bar{o}$ 'находясь'; $m\bar{o}r$ (m) 'конь' — $m\bar{o}r\bar{o}r$ 'конем'.

Согласные

Таблица 1

Согласные хорчинского говора

		Губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Глубокозаднеязычные
Смычные	сильные	p'	t'			
	слабые	b	d		g	
Аффрикаты	сильные					
	слабые		dz			
Спиранты	сильные		$s, \text{ш}$			x
	слабые	v		j		
Носовые		m	n		η	
Латеральные			l			
Дрожащие			r			

Губные согласные

Губно-губной *п* встречается в говоре лишь в начале нескольких исконно монгольских (в основном звукоподражательных) слов (ср. *хар* 'черный' — *пад хар* 'совершенно черный'). Напротив, он обычен в словах, заимствованных из других языков: *Пүрев* — имя собственное (< тиб.), *пүджү* 'ракета' (< кит.).

Губно-губной слабый смычный *б* сохранился в хорчинском как *б* в начальной позиции или после некоторых сонорных согласных, например: *батар* 'герой, богатырь', *бүс* 'пояс', *бөмөг* 'мячик', *холбро-* 'свалиться'.

Согласный *в* заменяется смычным *б*, если он находится в конце слова или в середине, в интервокальной позиции, например: *тевер-/тебер-* 'обнимать', *ав-/аб-* 'взять, брать'.

Этому развитию способствует и наличие дрожащего *р*, который в таких случаях предшествует спиранту *в*, например: *арав/арбан* 'десять', *дүрев/дүрбен* 'четыре'.

Однако следует отметить, что хорчинский заметно отличается от других говоров восточного и центрального диалектов весьма частым чередованием согласных *б* и *в*. Известна также замена *б* согласным *п*, ср.: *бууда-* > хорч. *пүда-* 'стрелять'.

Губно-губной слабый спирант *в* не встречается в начале исконно монгольских слов. По Б.Я.Владимирицову, он « артикулируется при небольшой губной работе, которая состоит в том, что нижняя губа немного поднимается; сильного шума при прохождении воздуха между губами при этом не замечается, напр.: халх. *dawā* 'горный перевал', *öwü* 'старик', *aw* 'бери', *war* 'черепаца' /2, с. 378/.

Губно-губной носовой *м* не меняет своих характеристик во всех говорах: *намар* 'осень', *мү* 'плохой', *ем* 'лекарство'.

Согласный *м* в середине некоторых слов становится в говоре переднеязычным носовым *н* под ассимилирующим влиянием следующего за ним смычного согласного: *dumda*, *dunda* 'в середине', *umta-*, *unta-* 'спать' — хорч. *дунд*, *унта-*.

Переднеязычные согласные

Сильный смычный *т* в говоре произносится с придыханием (т.е. *т'*) и встречается во всех позициях в слове, например: *тени-* 'узнавать', *үт* 'мешок', *хату* 'твердый'.

Данные говоров восточного диалекта свидетельствуют, что в них инициальный сильный *т* перед звуками аналогичного характера второго слога не теряет своего качества и не изменяется в слабый смычный *д*, как в говорах центрального диалекта, ср.:

	Восточный диалект		Центральный диалект	
	хорчин	тумет	чахар	шилингол
<i>tata-</i>	'тянуть'	<i>tata-</i>	<i>тата-</i>	<i>тата</i>
<i>tes-</i>	'терпеть'	<i>тес-</i>	<i>дес-</i>	<i>дес-</i>
<i>takiya</i>	'курица'	<i>тэхя</i>	<i>дахя</i>	<i>дахя</i>

Переднеязычный слабый смычный *ð* в хорчинском говоре в абсолютном конце слова иногда становится глухим, например: *maγad* 'несомненно', *ireged* 'пришедши' — хорч. *магад* (*магат*), *јірѣг* (*јірѣт*).¹

В хорчинском известно также чередование *ð* и аффрикаты *дж*. Однако результаты этого чередования неодинаковы по говорам восточного и остальных диалектов: в одних то же самое слово имеет *ð*, а в других — *дж*, например: *anʹisun* 'цдуг' — хорч. *эндас*, дурб. *эндат*, тум. *энджас*, чах. *андас*, анджас, орд. *анджасу*.¹

Отличительной чертой хорчинского говора и подговора джалайт-дурбет является то, что в них зафиксирована лишь одна шипящая аффриката. Это сильно смягченная переднеязычная шипящая аффриката *дж*, развившаяся из *ʃ* и сохраняющая свое исконное качество. Следовательно, СПМЯ *ʃ* отражается в хорчинском говоре как перед гласной *ɪ*, так и перед другими гласными в виде одной фонемы *дж*, в то время как, например, в шилингольском говоре центрального диалекта и в халхаском диалекте она отражается перед гласной *ɪ* в виде шипящей аффрикаты *дж*, а перед остальными гласными соответствует свистящей аффрикате *дз*, ср.: *ʃiyasun* 'рыба', *ʃalqayū* 'ленивый' — хорч. *джагас* (*ан*), *джалху*, шгол. *дзагас* (*ан*), *дзалху*, совр. монг. *загас* (*ан*), *залхуу*.¹

В некоторых словах аффрикате *ʃ* СПМЯ в середине слова соответствует в хорчинском смычный *ð*, например: *konʹile* 'одеяло', *degʹulle-* 'подвесить' — хорч. *хондил*, *дудле-*.¹

Следовательно, во всех говорах восточного диалекта, а также в чахарском (и в речи урат, дурбен хухет) говоре центрального диалекта и в ордосском отсутствует свистящая аффриката *дз*, развившаяся из *ʃ* перед всеми остальными гласными, кроме *ɪ*.¹

Древний спирант *s* в положении перед гласным *i* развился в шипящий спирант *ш* (чаще палатализованный): *siregün* 'грубый', *sira* 'желтый', *γasiγun* 'горький', *gesigün* 'ветвь' — хорч. *шрүн*, *шар*, *гашүн*, *гешүн*.¹

В положении перед всеми остальными гласными спирант *s* сохраняет свое исконное качество: *sanaγan* 'дума', *čaxasun* 'бумага' — хорч. *санд(н)*, *шас(ан)*.¹

В немногих словах спиранту *s* соответствуют в хорчинском смычные *ð* или *т*: *geriγes* 'завещание', *asqa-* 'лить, выливать' — хорч. *герѣд*, *асга(атга)*.¹

Подобная замена наиболее широко и последовательно наблюдается в джалайт-дурбетском подговоре хорчинского говора, в котором все коренные монгольские слова со спирантом *s* произносятся как *т*: *sonus-* 'слушать', *bos-* 'вставать' — джал.-дурб. *тонто-*, *бото-*.¹

В научной литературе утвердилось мнение, что говоры языка монголов Внутренней Монголии в основном единообразны и относятся к *ts*-говорам. При этом главным образом исходили из ордосского и не принимали во внимание говоры северо-восточной части Внутренней Монголии, а также прилегающих к ней китайских провинций. Именно в речи монголов этого региона отсутствует древняя шипящая аффриката *ʃ*.¹

Отличительной чертой хорчинского говора и джалайт-дурбетского подговора на всей территории их распространения является отражение древней шипящей аффрикаты *ʃ* как перед гласным *ɪ*, так и перед остальными гласными

как спиранта *ш*, т.е. ее дезаффрикация. В этом смысле хорчинский говор условно можно назвать *ʃ*-говором, ср.:

	Хорчин	Арухорчин	Чахар	Шилингол	Уланцаб
<i>ʃulb uɣur</i> 'чембур, повод'	<i>шулбур</i>	<i>чолбур</i>	<i>чулбур</i>	<i>чулбур</i> (сунит)	<i>чулбур</i> (урат)
<i>ʃarʃaɣal</i> 'саранча'	<i>шаршахэ</i>	<i>чарчахэ</i>	<i>джарчаха</i>	<i>чарча</i> (дарх.) <i>джарча</i> (сунит)	<i>чарча</i> (урат)

В хорчинском дезаффрикация — явление относительно позднее. Однако хронология развития спиранта и утрата аффрикаты *ʃ* неясны. Заметим лишь, что подобное явление свойственно некоторым говорам бурятского, а также частично и дагурскому языку.

Консонантная структура хорчинского говора отличается от остальных групп говоров избыточным употреблением спиранта *ш*, тогда как в бурятском языке этот избыток устраняется частичным переходом *ʃ* в спирант *с*.

Латеральный согласный *л* в начале слова употребляется сравнительно редко, в основном в некоторых звукоподражательных словах [*луггег* 'гулко раздаваться' (при падении чего-л.)] или в словах, заимствованных из других языков. Он встречается преимущественно в середине и на конце слов: *гал* 'огонь', *белен* 'готовый', *алдар* 'слава'.

Известно чередование *л* и *р*, когда они стоят в слове близко друг от друга, ср.: *ɣullr*, *ɣurll* 'мука' — хорч. *ɣулр*, *ɣурл* и *ɣурр*.

Носовой переднеязычный *н* встречается во всех позициях в слове, например: *нар(ан)* 'солнце', *дунд* 'середина', *уран* 'искусный'.

Иногда замечается соответствие СПМЯ *п* хорчинскому *л*, например: *павци* 'листья', *павйда-* 'надеяться' — хорч. *лэвш*, *лэда-*.

В результате палатализации носовой *н* может соответствовать и спиранту *ʃ*: *зонлн* 'новость', *унлге*, *унлген* 'корова', *зонлн* 'овца' — хорч. *сöjm* (*сöйм*), *ɣжэ* (*ɣжэ*), *хöj* (*хöн*). Слова-соответствия со спирантом *ʃ* являются достоянием разговорной речи.

Дрожащий согласный *р* не встречается в начале слов. В словах, заимствованных из других языков, начальному *р* обычно предшествует протетический гласный: *рестян* 'целебная вода' — *аршан*. В других позициях, т.е. в середине и в конце слов, он такой же, как в СПМЯ, например: *боруан* 'дождь', *гер* 'юрта' — *борб*, *гер*.

Среднеязычные согласные

К среднеязычным относится слабый спирант *ʃ*. Он идентичен СПМЯ *у* в начале слов и в интервокальной позиции: *ɣасун* 'кость', *ɣадвугу* 'неимущий', *бууан* 'благодетяние' — хорч. *јас(ан)*, *јадү*, *бујан*.

Известно, что СПМЯ инициальный *л* в словах с гласными заднего ряда соответствует хорчинскому *ја*, например: *лмайан* 'коза', *ллува* 'муха, мошка', *јам(н)*, *јал(н)* (но в джалайт, дурбет и горлос *л(л)*).

Протеза *j* в хорчинском встречается иногда перед гласным *i*: *lre-* 'прийти', *lle* 'ясный' — хорч. *jpre-* (*pre-*), *jla*.¹

Заднеязычные согласные

Заднеязычный *ɣ* в хорчинском употребляется в основах с гласными переднего или среднего ряда в любой позиции в слове: *könggen* 'легкий', *degege* 'крюк', *güylde* 'бег' — хорч. *xöngön*, *dege*, *güdel*.¹

Однако согласный *ɣ*, который закрывает слог, является глухим, например: *kerög* 'дело', *jüg* 'сторона' — хорч. *xerög* (произносится *xerex*), *джуγ* (произносится *джух*).

Аллофон *ɣ³* в хорчинском встречается лишь в основах с гласными заднего ряда: *yal* 'огонь', *doɣulang* 'хромой', *moɣal* 'змея' — хорч. *ɣal*, *доγлоң*, *моγб*.

В позиции перед сильным смычным *ŋ* он переходит иногда в спирант *x*: *təytəɣə* 'голубь', *məɣtə-* 'хвалить' — хорч. *тəйтə*, *мəтə-*.¹

Носовой заднеязычный *ŋ̃* встречается в середине и конце слов. В исходе слога он стоит главным образом перед согласными заднеязычными *ɣ* и *x*: *qarəngɣul* 'темнота', *məngqan* 'бархан', *ɣəng* 'нрав, характер' — хорч. *хараңγу*, *маңx(ан)*, *джаң*.

Глубокозаднеязычные согласные

В хорчинском имеется сильный спирант *x*, который встречается в любой позиции в слове: *saxal* 'борода', *ax* 'старший брат', *xerög* 'дело'.¹

В единичных случаях имеет место замена *x* спирантом *ш*, например: *алшм*, *алхам* 'шаг'.¹

Структура слога и ударение

Структура слога во всех говорах одинакова. Можно выделить два типа слогов: 1) начинающиеся с гласного и имеющие структуру: а) один долгий *V* (*b* 'порошок'), б) *V* + *C* (*em* 'лекарство'), в) *V* + *C* + *C* (*улс* 'народ, государство'); 2) начинающиеся с согласного и имеющие структуру: а) *C* + *V* (*лү* 'дракон'), б) *C* + *V* + *C* (*xbн* 'овца'), в) *C* + *V* + *C* + *C* (*сөвд* 'жемчуг').

Общим правилом является то, что в начале слога не могут встречаться группы согласных, а заканчиваться слог может лишь двумя согласными. Причем далеко не все согласные могут сочетаться в одной группе. Количество и характер тех или других слогов в говорах могут зависеть и от таких фонетических явлений, как выпадение гласных в конце или внутри слова, а также от перестановки гласных в слове. По сравнению с СПМЯ в говорах слоги имеют тенденцию становиться краткими и замкнутыми (закрытыми). Тенденция к открытости слога прослеживается лишь в ордосском диалекте.

Ударение в говорах постоянное, оно падает на первый слог слова.

³ В силу того что в хорчинском слабо различают *ɣ* и *ɣ³*, в дальнейшем мы будем пользоваться лишь одной графемой *ɣ*.¹

Имя существительное

Имя существительное в хорчинском языке имеет категории числа, падежа и принадлежности.

Множественное число. Значение множественного числа имен существительных выражается агглютинативными суффиксами, выбор которых зависит от характера исхода основы существительного и его семантики. Своеобразие хорчинского и остальных говоров состоит в том, что оформление имени существительного показателем множественного числа является менее строгим, зачастую не подчиняющимся регулярному правилу, ср.: *шуву(н)* 'птица' — *шувуд, шувуид, шувунуд* 'птицы'.

В говоре зафиксированы следующие суффиксы:

1) *-д*, присоединяется к основам, оканчивающимся на: а) долгий гласный: *нохб* 'собака' — *нохбд*; б) согласные *н, р, л*, которые при присоединении суффикса *-д* выпадают: *ножин* 'князь' — *нойд*; *нохер* 'товарищ' — *нохед*; *тугал* 'теленок' — *тугад*;

2) *-с*, присоединяется к единичным основам с конечным согласным (в частности, *ж, р*): *ем* 'женщина' — *емс*; *нер* 'имя' — *нерс*; в говоре он используется редко. В СПМЯ он присоединялся к основам, оканчивающимся на гласный или дифтонг. В говоре же подобные основы не сохранили гласный исход, и потому они употребляются с другими суффиксами, ср. *аула* 'гора' — *аулас* — хорч. *ул* 'гора' — *улуд, улнуд*;

3) *-уд*⁴, широко употребителен и присоединяется к основам, оканчивающимся на: а) согласные: *эл* 'аил, деревня' — *элуд*; *мал* 'скот' — *малуд*; *шриг* 'воин, солдат' — *шригуд*; *хот* 'город' — *хотуд*; *ном* 'книга' — *номуд*; б) долгие гласные, при этом между основой и суффиксом появляется соединительный согласный *и*: *пуг* 'винтовка' — *пугид*, *гахл* 'свинья' — *гахлиуд*;

4) *-нуд*, употребляется после основ, оканчивающихся как на гласные, так и на согласные: *херэ* 'ворона' — *херэнуд*; *шшег* 'цветок' — *шшегинуд*; *джехдал* 'письмо' — *джехдалнуд*. В говоре наблюдается известное колебание в употреблении суффиксов *-уд* и *-нуд* при некоторых основах: *гахлиуд, гакануд* 'свиньи', *шригид, шренид* 'столы', *темегид, темэнид* 'верблюды';

5) *-шуд*, употребляется редко, преимущественно при основах имен, обозначающих разные категории людей в собирательном значении: *джалу* 'молодой' — *джалунуд* 'молодежь'; *өөг* (өөгөн) 'старик' — *өөгшуд* 'старики, старцы'; *ементэ* 'женщина' — *ементешуд* 'женщины';

6) *-тан*, употребляется чаще при обозначении собирательного множества или принадлежности к группе: *жигүр* 'крылья, крыло' — *жигүртен* 'пернатые'; *ард(н)* 'коренной зуб' — *ардтан* 'хищные (звери)';

7) *нар*, выделяется среди остальных суффиксов тем, что пишется отдельно от основы имени. Случай употребления имен с суффиксом *нар* сравнитель-

⁴ Большинство суффиксов словообразования и словоизменения имеет несколько сингармонических вариантов. В дальнейшем изложении приводится лишь один из алломорфов.

но немногочисленны, что связано с семантикой исходных основ, обозначающих людей одной профессии или находящихся в одинаковых родственных отношениях: *ax* 'старший брат' — *ax нар*; *джэ* 'племянник' — *джэ нар*. В отличие от других суффиксов он не имеет фонетического варианта.

В говоре имеются и удвоенные показатели множественного числа. Записанные нами материалы фиксируют такие удвоенные суффиксы лишь при существительных, обозначающих людей и их профессию. В этом случае вторым компонентом выступает в основном суффикс *-ūd*, наиболее распространенный в говоре, например: основа + *-d + ūd* (*нојтн* 'князь' — *нојтd, нојтdūd*); основа + *-c + -ūd* (*ем* 'женщина' — *емс, емсūd*).

Помимо морфологического способа выражения значения множественного числа существует и лексико-семантический, когда наименование предмета само по себе обозначает совокупность, собирательное множество, например: *сурег* 'стая, стадо'.

Падежи. Имена существительные в хорчинском говоре склоняются по единственному типу. Разные падежные варианты суффиксов употребляются в зависимости от исхода основы существительных. Имена существительные единственного и множественного числа имеют одинаковую парадигму.

В хорчинском зафиксированы следующие падежи: именительный, родительный, дательно-местный, винительный, исходный, орудный и совместный.

Именительный падеж не имеет специального показателя, например: *гал* 'огонь', *ūr* 'гнев, злоба', *медэ* 'сведения, известие', *ус(ан)* 'вода', *шас(ан)* 'снег'.

Родительный падеж образуется при помощи суффиксов:

- 1) *-ē* после основ на неустойчивый *-n*, например: *однē* 'звезды', *шувунē* (*шувунjн*) 'птицы', *шулунē* (*шулунjн*) 'камня';
- 2) *-jn* после основ на: а) долгий гласный; между основой и суффиксом вставляется *г*: *дунjn* 'младшего брата'; б) любой согласный, кроме *n*: *голjn* 'реки', *улсjn* 'народа', *герjn* 'юрты', *сунjn* 'топора';
- 3) *-n* после основ на долгий гласный: *нохjn* 'собаки', *дегjn* 'крючка', *малjn* 'шапки'.

Употребление суффиксов родительного падежа не отличается строгостью: в именах существительных с исходом как на гласные, так и на согласные заметно смешение форм, их параллельное использование, например: *малn*, *малnē* 'скота', *сарjn*, *сарjnē* 'луны', *шулунjn*, *шулунnē* 'камня', *шувунjn*, *шувунnē* 'птицы', *нохjn*, *нохn*, *нохnē* 'собаки', *далjn*, *далjnē*, *далjn*, *далjnē* 'океана-моря'. Это особенно заметно в текстах, которые мы записывали у хорчин. Одни и те же имена существительные, встречающиеся в разных текстах, имеют разные показатели родительного падежа.

Дательно-местный падеж образуется посредством суффикса *-d* (*-da*). Он употребляется после основ на: а) долгие гласные: *дūd* 'младшему брату', *серēd* 'вилке', *салēd* 'разветвлению'; б) согласные сонорные и спирант *в*: *малda* 'скоту', *сарda* 'месяцу', *саңda* 'казне', *авda* 'отцу', *ердежде* 'знанию'. Если основа существительного оканчивается на некоторые смычные и спиранты, то между ними и суффиксом падежа появляется вставной гласный, например: *ардаd* 'арату, трудящемуся', *улсад* 'государству'. Вариант суффикса *-т(-та)* менее употребителен.

Употребление в СПМЯ формы дательного-местного падежа *-dur* наряду с формой *-d* в говоре обнаруживается лишь в текстах песен, записанных у хурчи (певцов-сказителей), больших знатоков песенного фольклора, ср.: *шегэриг нершиг*... «дүрбен джүг-дүр мандан гарбал, нөхөрлөхө ах дү маш олон...» «когда светлое имя твое... прославится всюду, тогда и друзей (у тебя) становится много...».

Винительный падеж образуется при помощи суффиксов:

- 1) *-i* (*-iḡ*) после основ, оканчивающихся на согласные: *гарі* 'руку'; *сур-галі* 'школу'; *шасги* 'бумагу'; *джамги* 'дорогу';
- 2) *-i* (*-iḡ*) после основ, оканчивающихся на долгие гласные: *ширэг* 'стол'; *могог* 'змею'; *малагги* 'шапку'; *адүгги* 'табун'.

В говоре одно и то же слово в винительном падеже может встречаться в обеих формах, т.е. с суффиксами *-i* (*-iḡ*) или *-i* (*-iḡ*). Чаще употребляются имена в винительном падеже с суффиксами, чем без суффиксов, в нулевой форме: *адүгги хэхэр ошсон* 'он ушел, чтобы пригнать табун'; *сүдж бэх хүн* 'дүда' 'позови того, который сидит'. Но в живой речи, где большую роль играет интонация, часто обходятся без грамматического оформления слова, например: *бид ус үхэр ирджэ* 'мы пришли, чтобы выпить воды'; *тер шини мөр унад јавджэ* 'он уехал на твоём коне'.

Исходный падеж образуется посредством присоединения к основе суффикса *-ās*. При этом наблюдается следующее:

а) когда основа имеет в исходе краткий гласный или согласный (кроме заднеязычного *ŋ*), то падежный суффикс присоединяется непосредственно к основе, например: *аргас* 'из способа'; *немрэс* 'из прибавок'; *галас* 'из огня'; *голос* 'из реки';

б) когда основа имеет в исходе долгий гласный или заднеязычный *ŋ*, то перед падежным суффиксом *-ās* вставляются согласные *г* или *н*, например: *хүрэнэс* 'от ограды, изгороди'; *ббгэс* 'от шамана'; *еңнэс* 'из ширины (ткани)'.

Вставные согласные *г* или *н* могут употребляться и в параллельных формах: *нохгогэс*, *нохнгогэс* 'от собаки'; *шувггэс*, *шувннэс* 'от птицы'; *үјггэс*, *үјннэс* 'от коровы'; *адүггэс*, *адүннэс* 'от табуна'. Основы имен, оканчивающиеся на заднеязычный *ŋ*, в хорчинском говоре могут присоединить суффикс исходного падежа и непосредственно к основе: *саң* 'казна' — *саңас*, *саңнэс*.

Следует отметить также, что иногда вставной согласный *н* появляется по аналогии и в тех словах, которые исторически его не имели, например: *мал* 'скот' — *малас*, *малнэс*.

Орудный падеж образуется посредством суффикса *-ār*. При этом можно отметить:

а) если основа слова оканчивается на согласный, кроме заднеязычного *ŋ*, то падежный суффикс присоединяется непосредственно к основе, например: *джедар* 'копьем'; *сүхэр* 'топором'; *голдр* 'рекой';

б) если основа слова имеет в исходе долгий гласный или заднеязычный *ŋ*, то перед падежным показателем *-ār* вставляется согласный *г*: *шэггар* 'чаем'; *деңгэр*, *деңгэр* 'лампой'.

Совместный падеж образуется при помощи суффикса *-тэ*, который присоединяется к любой основе: *ахтэ* 'со старшим братом'; *теметэ* 'с верблюдом'; *нэртэ* 'с именем'.

Двойные падежи. Они образованы прибавлением к основе слова одновременно двух падежных суффиксов. Однако подобное образование имеет ограничения: а) к основе нелюбого имени можно присоединять суффиксы двойных падежей; б) не всякая падежная форма может быть основой для присоединения показателя второго падежа; в) не каждая падежная форма может быть присоединена к другой падежной форме.

В хорчинском говоре двойные падежные формы образуются от родительного, дательного-местного или совместного падежей.

Остановимся лишь на дательном-местном падеже. К основе с показателем в дательном-местном падеже может быть присоединен лишь суффикс исходного падежа. В литературе известно только одно имя существительное, встречающееся в дательном-местно-исходном падеже. Это слово со значением «из юрты»: совр. монг. *гэртээс*, калм. *гертэс*, в говорах Внутренней Монголии *гертёс*. В хорчинском говоре нами зафиксировано еще одно имя существительное — *гар* 'рука', которое по аналогии со словом *гер* 'юрта' после показателя дательного-местного падежа принимает суффикс исходного падежа: *хүнэ гартас бүү жимэ шаңадж авā* 'не вырывай ничего из чужих рук'. Ср. совр. монг. *гарааснь чангаа-* 'вырвать из рук', где отсутствует показатель дательного-местного падежа.

Категория принадлежности во всех говорах образуется присоединением к соответствующим падежным формам имен частиц местоименного происхождения. Они делятся на частицы возвратного (или безличного) и личного притяжений.

Частицы возвратного притяжения употребляются с именами в форме косвенного падежа для обозначения отнесенности объекта к лицу вообще. В хорчинском говоре такими частицами являются для имен: а) в родительном падеже *-хүнэ*; б) в винительном падеже *-āн(-гāн)*; в) в дательном-местном, исходном, орудном падежах *-āн*; г) в совместном падеже *-гāн*.

Подобное оформление имен частицами возвратного притяжения типично для хорчинского говора, тогда как в халха-монгольском частица притяжения утрачивает конечный согласный *н*. Ср. хорч. *ахāсāн*, халха *ахаасаа* 'от своего старшего брата'.

В отличие от всех остальных падежей имя в винительном падеже при присоединении к нему частицы возвратного притяжения теряет падежный показатель и в зависимости от исхода основы слова принимает частицу *-āн(-гāн)*: *галаāн* 'свой огонь', *тэргāн* 'свое поле'.

Частицы личного притяжения по своей употребительности уступают частицам возвратного притяжения. В говоре зафиксированы: *мин* 'мой', *шин* 'твой', *н* 'его, их', а также *мāн* 'наш', *тāн* 'ваш' (используются редко).

При наличии во фразе полной формы личного местоимения в функции определения эти частицы употребляются редко. Наиболее активной из них является *н* как для единственного, так и для множественного числа.

Влиянием СПМЯ можно объяснить употребление письменных форм местоимений *мину* (ср. *тину*), *шину* (ср. *эину*), *ину* (ср. *ину*) в говоре при исполнении

народных песен⁵. Так, в тексте одной песни нами зафиксировано: *штгег болд мод-шнү делрэд /рхгн үгесдэ...* «когда приходит время распускаться цветам и деревьям твоим...»; *шаг-нү тулад, хэрү лэвшаг унахда...* «когда приходит время и листья с них начинают опадать...».

Частицы возвратного и личного притяжений присоединяются к имени в той или иной форме и пишутся слитно.

Парадигма склонения имен существительных в говоре довольно проста, некоторые трудности представляет лишь имя существительное в родительном падеже, который в зависимости от исхода основы имеет несколько суффиксов (табл. 2).

Словообразование. Имена существительные во всех говорах образуются путем присоединения к основам разных деривационных суффиксов. Имеющиеся небольшие отклонения связаны со звуковым составом говоров.

В силу того, что инвентарь словообразовательных суффиксов в СПМЯ и в языках центральной ветви (современный монгольский, бурятский и калмыцкий) в основном идентичен, мы ограничиваемся указанием лишь тех суффиксов, которые бытуют в хорчинском говоре.

1. Суффиксы, образующие существительные от основ существительных: *-вші (-бші): хурүбші* 'наперсток' (*хурү* 'палец'); *джүвші* 'иглольник' (*джү(н)* 'игла'); *хүджүвші* 'ошейник' (*хүвжү(н)* 'шея'); *хетевші* 'футляр для огнива' (*хет* 'огниво');

-ш(н): адүш(н) 'конюх, табунщик' (*адү(н)* 'табун лошадей'); *хөнш(н)* 'пастух овец' (*хөн, хөј* 'овца'); *эджлш(н)* 'рабочий' (*эджл* 'работа'); *дүш(н)* 'певец' (*дү(н)* 'песня').

2. Суффиксы, образующие существительные от глагольных основ:

-д(н): санад(н) 'дума, мысль' (*сана-* 'думать, мыслить'); *медэ* 'весть, известие' (*медэ-* 'знать, узнавать'); *холбд(н)* 'связь, контакт' (*холбо-* 'соединять, связывать');

-ас(ан): хадас(ан) 'гвоздь' (*хада-* 'прибивать, вбивать'); *үдэс(ен)* 'сшив-ка' ('соединение шитьем'); *нөхдэс(ен)* 'заплатка' (*нөхө-* 'ставить заплату').

-вар: шадвар 'умение, способность' (*шада-* 'мочь, уметь'); *еделбер* 'угодья, владения' (*едле-* 'пользоваться чем-л.');

тэлбар 'объяснение, толкование' (*тэл-* 'объяснять, разгадывать'); *джавар* 'указание, наставление' *джа-* 'указывать');

-и: бодог 'краска' (*бодо-* 'красить'); *бишиг* 'письмо' (*биш-* 'писать'); *хоног* 'ночевка' (*хоно-* 'ночевать'); *джураг* 'рисунок' (*джура-* 'рисовать, чертить');

-д(ан): хэнэд(ан), хэјэд(ан) 'кашель' (*хэнэ-* 'кашлять'); *тэд(ен), іјэд(ен)* 'смех' (*тэ-, іјэ-* 'смеяться');

-дал: јавдал 'ход, походка' (*јава-* 'ходить, идти'); *үүдел* 'бег' (*үү-* 'бежать, бегать'); *ббдол* 'перевязка, связка' (*бб-* 'завязывать');

⁵ Б.Я. Владимирцов отмечал, что «язык, песен, героических эпоей ...редко бывает чисто народным, по большей части он насыщается элементами литературного письменного языка монголов» /2, с. 40/.

Склонение существительных

Падеж	Суффикс	Частица возвратного притяжания	Примеры		
Именительный	—	—	шулу(н) *камень*	гол *река*	нохб *собака*
Родительный	-ε	-хан	шулу ^н εхан	гол ^н хан	
	-ин	-хан			
	-н	-хан			нох ^н хан
Дательноместный	-д(-да)	-ан -ен -он -өн	шулу ^н дан	гол ^н дан	нох ^н (н)дан
Винительный	-й(-й)	-ан, -ен -он, -өн	шулу ^н ган	гол ^н	нох ^н ган
	-и((-й))	-ан, -ен -он, -өн			
Исходный	-ас -εс -ос	-ан -ен -он -өн	шулу ^н гасан	гол ^н сан	нох ^н госан
	-ос				
Орудный	-ар -ер -ор -өр	-ан -ен -он -өн	шулу ^н гаран	гол ^н ран	нох ^н горан
Совместный	-тε	-ан, -ен -он, -өн	шулу ^н тεган	гол ^н тεган	нох ^н тεган

-дж(а): гардж, гарджа *ущерб, потеря* (гар- *выходить*); олдж, олджб *находка, добыча* (ол- *находить*);

-л: тежил *борьба* (тежи- *бороться*); джаргал *счастье, блаженство* (джарга- *блаженствовать, наслаждаться*);

-лаг: джарлаг *расход, издержки* (джарла- *использовать*); бодлог *соображение, мнение* (бодо- *думать, соображать*);

-лаң: хадлаң *покос, сенокос* (хада- *косить, жать*); джовлоң (джоблоң) *мучение, страдание* (джово- *мучиться, страдать*); өлсгөлөң *голод* (өлсгө- *морить голодом*);

-лт: асулт *вопрос* (-асу- *спрашивать*); ургалт *рост, всход* (урга- *расти*); уналт *падение* (уна- *падать*); бөлт *повязка, бинт* (бө- *завязывать*);

-м: алхам *шаг* (алха- *шагать*); бэрим *мера в обхват пальцами руки* (бэри- *держат в руке*); хершим *кусок, ломоть* (херши- *нарезать, разрезать*);

-*май*: шаршамай 'желе' (шарша- 'стынуть, сгущаться'); хӱлмог 'смесь' (хӱл- 'смешивать, перемешивать'); ёдмег 'заквашенное молоко' (зде- 'киснуть, заквашиваться');

-*мдж*: тусламдж 'помощь, содействие' (тусла- 'помогать'); бӱтемдж 'успех, достижение' (бӱте- 'исполняться, осуществляться'); хурӱмдж 'порядок, надлежащее положение' (хурӱ- 'убирать');

-*мт*: бӱрӱмт 'основание, довод' (бӱрӱ- 'опираться, придерживаться'); бӱ-гомт 'преграда, препятствие' (бӱ- 'преграждать, заграждать');

-*мшиг*: ӱмшиг 'страх, боязнь' (ӱ- 'бояться, страшиться'); гутамшиг 'стыд, позор' (гута- 'стыдиться'); гӱхамшиг 'чудо, диво' (гӱха- 'удивляться, изумляться');

-*р*: белшӱр 'пастбище' (белшӱ- 'выпускать, выгонять пастись'); шавар 'глина' (шава- 'обмазывать');

-*с(ан)*: нӱлбӱс(он) 'слеза' (нӱлбӱс унага- 'прослезиться'); хӱс(он) 'пена' (хӱ- 'пухнуть, подниматься');

-*ӱл*: шурӱӱл 'выдвижной ящик' (шурга- 'пролезать, проникать'); ӱрӱл 'веретено' (ӱре- 'прясть');

-*ӱр*: гаунӱр 'спайка, паяние' (гауна- 'паять'); шимхӱр 'шипы' (шимхе- 'шипать'); делӱр 'магазин' (деле- 'раскладывать'); хадӱр 'серп, коса' (хада- 'косить, жать');

-*ш*: нӱш 'тайна, секрет' (нӱ- 'скрывать, прятать'); жаваш 'ход, процесс' (жава- 'ходить, идти'); бӱш 'стоянка' (бӱ- 'останавливаться, располагаться на жительство'); хестеш 'лежка' (например, скота) (хесте- 'лежать, ложиться');

Имя прилагательное

Обозначая качество, свойство или признак предмета, прилагательные делятся на два основных разряда: качественные и относительные.

К качественным относятся прилагательные непроеизводные (первичная основа) и производные, образованные посредством некоторых суффиксов. Относительные прилагательные, обозначающие признаки и свойства, выражающие отношения одного предмета к другим предметам, а также к месту или времени, образуются от именных и глагольных основ посредством суффиксов (модорхог 'лесистый', шаст 'снежный', шитӱ 'влажный' и др.).

Имя прилагательное в функции определения не изменяется; оно не согласуется с определяемым словом в числе и падеже, присоединяется к нему способом примыкания, например: тер ӱндер ӱлӱ давӱд, ӱргӱн голӱ гатлад гӱрлӱ 'он перевалил высокую гору, переправился через широкую реку'.

Как и во всех говорах и диалектах, интенсивная степень качества, но без сопоставления предмета с подобным ему предметом передается двумя способами:

1) постановкой усилительных слов перед определяемым именем прилагательным, например: маш итх 'очень большой', туң холо 'очень далекий', тас хар 'совершенно черный', шас шаган 'совсем белый', шал хӱх 'совершенно синий';

2) посредством частичной редупликации, т.е. когда перед прилагательным в полной форме повторяется первый слог этого прилагательного с наращением

согласного *в* (*б*), например: *ув ула̄н* 'красный-прекрасный', *ув урт* 'длинный-предлинный', *шав шар* 'желтый-прежелтый'.

В говоре имеется и специальная сравнительная конструкция, которая употребляется лишь при сравнении одинаковых качественных признаков, присущих двум или нескольким предметам. В этом случае наименование предмета, с которым сравнивается другой, передается именем в исходном падеже, за ним следует прилагательное в форме основы, например: *шнї бїр мнї бїрбс сѣн* 'твоя ручка лучше моей ручки'; *тернѣ мбр Самбуи мбрнибс ондвр* 'его конь выше (ростом) коня Самбу; *мўга̄с мў хүн* 'худший из худших (о человеке)'.

Словообразование

1. Суффиксы, образующие имена прилагательные от именных основ:

-*лаи*: *авјаслаи* 'даровитый' (*авјас* 'дар, талант'); *амглаи* 'вкусный' (*амт* 'вкус'); *тослои* 'жирный, маслянистый' (*тос(он)* 'масло'); *бијелеи* 'розовый' (*бије* 'тело');

-*мсаи*: *гојдмсои* 'нарядный, красивый' (*гојд* 'красивый, чудесный'); *јиџемсеи* 'высокомерный' (*јиџ* 'большой');

-*рхаи*: *усархаи* 'обильный водой, водянистый' (*ус(ан)* 'вода'); *модорхои* 'лесистый' (*мод(он)* 'дерево, лес');

-*рху*: *ўларху* 'горный, гористый' (*ўл* 'гора'); *јасарху* 'костистый, костлявый' (*јас(ан)* 'кость');

-*саи*: *авсаи* 'любящий отца' (*ав* 'отец'); *нехерсгаи* 'любящий друзей' (*нехер* 'друг');

-*т*: *галт* 'огненный' (*гал* 'огонь'); *хорт* 'ядовитый' (*хор* 'яд'); *хушт* 'сильный' (*хуш(н)* 'сила');

хамт 'родственный' (*хам* 'родство').

2. Суффиксы, образующие имена прилагательные от глагольных основ:

-*га*: *шамдга* 'старательный, прилежный' (*шамда* 'быть прилежным, стараться'); *сїмге* 'редкий, просвечивающийся' (*сїм* 'быть редким, просвечивающимся');

-*гар*: *агджар* 'коротенький, приземистый' (*агджи* 'сокращаться');

дегдгер 'торчащий, оттопыренный' (*дегдг* 'оттопыриваться');

-*маи*: *шадмаи* 'умелый' (*шада* 'уметь, мочь'); *шошмои* 'внезапный' (*шош* 'вздрагивать от испуга');

хўрмаи 'обманчивый' (*хўра* 'обманывать');

-*маи*: *тунмаи* 'прозрачный, отстоявшийся' (*туна* 'отстояться');

гўрмел 'плетеный' (*гўрл* 'плести');

ојомл 'шитый' (*ојо* 'шить, прошивать');

-*ма̄*: *дасамга̄* 'привычный' (*даса* 'привыкать');

медеме̄ 'хвастающийся знанием' (*меде* 'знать');

-*мтга̄*: *ѣмтга̄* 'боязливый' (*ѣ* 'бояться');

ишїмтга̄ 'стыдливый, застенчивый' (*ишї* 'стыдиться');

-*н*: *дўрең* 'полный, наполненный' (*дўре* 'наполняться');

сергилең 'бодрствующий, чуткий' (*сергиле* 'быть осторожным, чутким');

-*нх̄а̄*: *тураңх̄а̄* 'тощий, истощенный' (*тура* 'доводить до истощения');

елеңх̄е̄ 'изношенный, поношенный' (*еле* 'изнашиваться');

-*ў*: *шаршў* 'застывший, затвердевший' (*шарша* 'застыть');

хөлдў 'мерзлый' (*хөлдө* 'замерзнуть');

джерў 'встречный' (*джерл* 'направляться, устремляться');

хатў 'твердый' (*хата* 'сохнуть, засыхать');

-*ун*: *ахшун* 'густой, сгущенный' (*ахш*- 'становиться густым'); *хөшүн* 'неподатливый, упрямый' (*хөш*- 'упорствовать, упрямиться');

-*хэ*: *Эмхэ* 'боязливый, трусливый' (*Э-* 'бояться, страшиться'); *хетерхэ* 'чрезмерный, непомерный' (*хетре-* 'превышать, превосходить').

Как показатели степени проявления качества употребляются суффиксы:

-*стар*: *шагастар* 'беловатый' (*шаган* 'белый'); *боростор* 'сероватый' (*бор* 'серый'); *серүотер* 'довольно прохладный' (*серүн* 'свежий, прохладный');

-*хан*: *багахан* 'маленький' (*бага* 'малый, небольшой'); *джалухан* 'молоденький' (*джалу* 'молодой'); *шгверхен* 'чистенький' (*шгвер* 'чистый').

Имя числительное

Имя числительное, обозначая отвлеченные числа, а также порядок предметов, последовательность их или группировку, делится на несколько разрядов. Числительные в говоре склоняются так же, как и имена существительные, выполняя те же синтаксические функции. Если склоняются составные числительные, то падежный суффикс присоединяется только к последнему из числительных.

Количественные числительные обозначают количество (в виде определенного числа предметов) или же счетное понятие (в отвлечении от конкретных предметов). Как и в других говорах, в хорчинском все другие разряды числительных образуются от основ количественных числительных.

Единицы

нег(ен) 'один'
хогор 'два'
гурав, гурван 'три'
дүрев, дүрвен 'четыре'
тав(ан) 'пять'
джургайн 'шесть'
долб(н) 'семь'
нэм(ан) 'восемь'
јус(ен) 'девять'

Десятки

арав, арван 'десять'
хөр(н) 'двадцать'
гуш(н) 'тридцать'
дүш(н) 'сорок'
төв(н) 'пятьдесят'
дээр(ан) 'шестьдесят'
дал(ан) 'семьдесят'
нал(ан) 'восемьдесят'
јир(ен) 'девяносто'
джү(н) 'сто'

В функции определения и компонента составных числительных эти числительные восстанавливают конечный *н* (*таван хүдэтэ* 'имеет пятерых детей', *төвн дүрев* 'пятьдесят четыре'), исключение составляет числительное *јус(ен)* 'девять', при котором предшествующее ему числительное теряет конечный согласный *н*, например: *гушн тав* 'тридцать пять', но *гуш јус* 'тридцать девять'.

Для передачи чисел более высокого разряда употребляются числительные *мең* (*мнган*) 'тысяча', *түм* 'десять тысяч', *бум* 'сто тысяч', *сај* 'миллион', *душшүр* 'сто миллионов'.

Количественные числительные могут принимать после себя частицы притяжений (например, *теднэ хогорін мөртэ*, *гурванан јавган јүрджэ* 'из них двое

приехали верхом, а трое пешком пришли»; *бид джамдан таван сэгвд хурла* 'в пути мы пятерых потеряли').

Порядковые числительные обозначают порядок следования предметов при счете. Они образуются посредством присоединения к основе количественных числительных суффикса *-дугар*, например: *хојор* 'два' — *хојордугар* 'второй'; *тав(ан)* 'пять' — *тавдугар* 'пятый'; *дүрөв* 'четыре' — *дүрөвдугар* 'четвертый' и т.д. Числительные «три» и «четыре» в говоре сохраняют параллельно и более древние их письменные формы, например: *гуравдугар* 'третий' — *гутгар* (ср. *гутугар*); *дүрөвдугар* 'четвертый' — *дүтгөр* (ср. *dötüger*), а также *негдугар* 'первый' и *анхдугар* (ср. *внгда* 'впервые, вначале').

Собирательные числительные обозначают количество предметов как одно целое, как их совокупность. Собирательные числительные в говоре образуются от основ количественных числительных посредством суффикса *-ул*, например: *гурвул* 'втроем', *тавул* 'впятером', *дүрөүл* 'вчетвером', *јусул* 'вдевятиером'.

Разделительные числительные выражают количественное распределение предметов по однородным группам. Когда речь идет о равном количестве предметов, они образуются от основ количественных числительных прибавлением суффикса *-ад*, например: *тэвэд* 'по пятьдесят', *арвэд* 'по десять', *јирэд* 'по девяносто', *дүрвэд* 'по четыре' или путем повторения одного и того же количественного числительного, например: *хојор хојор харандә түгөджэ* 'раздали нам по два карандаша'; *ене хони тэе тэвәр салгаджэн* 'этих овец распределяют на группы по пятьдесят голов'. Разделительные числительные от *нег(ен)* 'один' и *хојор* 'два' образуются несколько иначе, чем остальные числительные, а именно: а) чередуются согласные и б) в *хојор* 'два' выпадает конечный согласный *р*: *нег(ен)* 'один' — *неджэд* 'по одному'; *хојор* 'два' — *хошод* 'по два'.

Значение приблизительности передается путем сочетания двух количественных числительных, при котором название меньшего числа предшествует названию большего, например: *манэ нутаг мөндөс долд-кэман гаджир холд бэн* 'наше кочевье находится за семь-восемь верст отсюда'; *тер ем тав-джурган хүүхөдтэ* 'у той женщины пять или шесть детей'.

Значение приблизительного счета может быть передано путем сочетания количественного числительного со словами *шаху*, *бараг*, *хир*, *оршим* с общим значением 'около, приблизительно', например: *тедкэ аду далд шаху бэн* 'их табун насчитывает около семидесяти голов'; *Батун мал бараг хөрдөд бэ-хэмбә* 'У Бату должно быть около двадцати голов скота'.

Дробные числительные представляют собой частный случай количественных числительных и образуются путем сочетания двух количественных числительных. При этом первый компонент, выражающий знаменатель дроби, ставится в родительном падеже, а второй компонент, выражающий числитель дроби, — в форме основы, например: *дүрөвнэ нег* — 1/4; *арван тавнэ гурав* — 3/15. Дробные числительные передаются и описательно, используя в качестве знаменателя и числительное, и слово *хөв* 'часть, доля' в родительном падеже, например: *джун хөвнэ арван тав* — 0,15 — букв. 'пятнадцать из ста ча-

стей»; *гурган шонг нег* — 1/3 — букв. 'одна из трех частей'. При склонении падежный суффикс прибавляется ко второму компоненту сочетания, т.е. к числителю.

Встречаются в хорчинском говоре и так называемые счетные слова. В этом случае предметами счета служат имена существительные, указывающие на определенную количественную совокупность предметов. Им предшествует количественное числительное. Следовательно, счетные слова состоят из двух компонентов: количественного числительного и единицы измерения, разного в зависимости от классов предметов. Единицами измерения, или предметом счета, в хорчинском служат:

толог (*толгд*) 'голова' (для счета животных): *арван толог мал* 'десять голов скота'. Это слово используется также и для счета головок и пучков растений, овощей, например: *гушм толог шагн ногд* 'тридцать кочанов капусты (букв. 'головок')'; *таван толог сбнм* 'пять головок лука';

уг 'корень' (для растений, деревьев, овощей), например: *ене джл бид шагн ногд джун уг авджэ* 'в этом году мы получили сто корней (кочанов) белой капусты';

гудж 'пучок', *ббдж* (ср. СПМЯ *воуоса* 'связка'), *бблж* 'связка' (для растений), например: *теден меуан гудж угс хаджджэ* 'они накосили тысячу вязанок травы (сена)'; *тугалдан нег ббдж угс эшгэ* 'принеси связку (охапку) сена для теленка';

бүхел 'целый' (для счета отрезков ткани), например: *хотос нег бүхел бас авлэ* 'купил в городе кусок хлопчатобумажной материи';

джау 'лист' (для счета плоских предметов, например листов бумаги): *над таван джау шас бэн* 'у меня есть пять листов бумаги';

джурэ 'пара' (для счета парных предметов), например: *нег джурэ шата* 'пара тапок', *джурган джурэ савх* 'шесть пар палочек для еды'.

Местоимение

По своему лексическому значению и грамматическим признакам различные местоимения соотносятся с различными разрядами слов, поэтому местоимение не имеет каких-либо только ему свойственных грамматических категорий.

Личные местоимения. Эта категория знаменательных слов указывает на то или иное лицо только по отношению его к акту речи. В зависимости от этого различают личное местоимение 1-го лица единственного числа (т.е. говорящий), личное местоимение 1-го лица множественного числа (группа лиц, к которым относит себя говорящий), личное местоимение 2-го лица единственного числа (т.е. адресат речи) и личное местоимение 2-го лица множественного числа (группа лиц, к которым обращается с речью говорящий). В хорчинском, как и во всех говорах и диалектах Внутренней Монголии, нет специальных личных местоимений 3-го лица единственного и множественного числа. В функции местоимения 3-го лица используются указательные местоимения.

Единственное число

1-е л. | *би, бī 'я'*
 2-е л. | *ши, шī 'ты'*

Множественное число

.. | *бид(ен) 'мы'*
тā, тад(ен) 'вы'

В СПМЯ было два местоимения 1-го лица множественного числа: *bide* и *ba* 'мы'. Первая форма относится к инклюзивному множественному числу (мы — говорящие и слушающие), тогда как вторая — к эксклюзивному множественному числу (мы — говорящие, без вас слушающих). Местоимение 1-го лица *ба* 'мы' имеется в дагурском языке. В дунсянском, баоаньском и калмыцком языках оно соответственно бытует в виде *маган*, *мангэ* и *мадн*, а в бурятском, халха-монгольском и в говорах и диалектах Внутренней Монголии нет местоимения *ба* (им. пад.), но в них сохранились все формы косвенных падежей этого местоимения.

Местоимение 2-го лица множественного числа *тā* 'вы' употребляется также и при обращении в качестве вежливой формы, ср.: *тā надтэ маганш јавнт?* 'завтра Вы поедете со мной?'; *тā хорорт јирсент бт медсенгүэ* 'я не знал, что Вы (вдвоем) уже приехали'.

Склонение личного местоимения 1-го лица единственного числа характеризуется тем, что формы косвенных падежей образуются от основ, не совпадающих с основой именительного падежа, т.е. от супплетивных основ, например

Им.	<i>би (бī)</i>
Род.	<i>мнī</i>
Дат.-местн.	<i>нāд, нэмэд</i>
Вин.	<i>нāд(и), намагī, нэмэгī, мэнэгī</i>
Исх.	<i>нāдās, намагās, нэмэгās, мэнэгās</i>
Орудн.	<i>нāдār, намагār, нэмэгār, мэнэгār</i>
Совм.	<i>нāдтэ, намагтэ, нэмэгтэ, мэнэгтэ</i>

Как видно из парадигмы, в говоре параллельно используются две разные основы косвенных падежей: 1) начиная с дательного-местного (затем исходный, орудный, совместный) падежа, основа *нāд*-. Исключение составляет основа винительного падежа *нāд(и)*, т.е. разговорная форма, построенная, по-видимому, по аналогии с основами других косвенных падежей; 2) основа *нэмэ*- (*мэнэ*-, *намаг*-), типичная для разговорной речи хорчин и весьма распространенная.

В говоре местоимение *бī* и основа косвенных падежей *нāд*- произносятся с долгим гласным.

Личное местоимение 2-го лица единственного числа также имеет супплетивные основы косвенных падежей.

Им.	<i>ши (шī)</i>
Род.	<i>шнī</i>
Дат.-местн.	<i>шамд, шамād, шэмд, шэмэд</i>
Вин.	<i>шамā, шамāг, шэмэ, шэмэг</i>
Исх.	<i>шамās, шамāгās, шэмэс, шэмэгās</i>
Орудн.	<i>шамār, шамāгār, шэмār, шэмэгār</i>
Совм.	<i>шамтэ, шаматэ, шэматэ, шэмэгтэ</i>

В разговорной речи ясно выделяются три разные основы косвенных падежей: *шн-* (род. пад.), *шам-* и *шам̄-* (все остальные падежи), причем последние имеют варианты *шэм-* и *шэм̄-*.¹

В отличие от местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в местоимении 1-го лица множественного числа форма именительного падежа служит основой для образования всех косвенных падежей, например:

Им.	<i>бид(ен)</i>	—
Род.	<i>бидн̄</i>	<i>ман̄(мзн̄)</i>
Дат.-местн.	<i>биденд</i>	<i>манд</i>
Вив.	<i>бидн̄(г)</i>	<i>ман̄(г)</i>
Исх.	<i>бидн̄с</i>	<i>ман̄с</i>
Орудн.	<i>бидн̄р</i>	<i>ман̄р</i>
Совм.	<i>бидент̄</i>	<i>мант̄</i>

Именительный падеж от второго местоимения 1-го лица множественного числа, т.е. *ба* 'мы', в говоре не сохранился. Однако наиболее распространенными в быту и употребительными являются формы косвенных падежей именно этого местоимения, а не формы от местоимения *бид(ен)*.

По типу местоимения *бид(ен)* 'мы' склоняются и местоимения 2-го лица множественного числа:

Им.	<i>тад(ан),</i>	<i>тā</i>
Род.	<i>тадн̄,</i>	<i>тан̄(тзн̄)</i>
Дат.-местн.	<i>таданд,</i>	<i>танд</i>
Вив.	<i>тадн̄(г)</i>	<i>тан̄(г)</i>
Исх.	<i>тадн̄с,</i>	<i>тан̄с</i>
Орудн.	<i>тадн̄р,</i>	<i>тан̄р</i>
Совм.	<i>таднт̄,</i>	<i>тант̄</i>

В говоре зафиксировано и *тадн̄д* 'вы', образованное посредством присоединения к местоимению *тад(ан)* суффикса множественного числа.

Указательные местоимения делятся на две группы. К первой относятся местоимения *ене* 'этот', *ед(ен)* 'эти', указывающие на близость, а *тер* 'тот', *тед(ен)* 'те' — на отдаленность от говорящего. Ко второй относятся местоимения *ім* 'этакий', *тім* 'такой', указывающие на качественную характеристику предмета. Типичную черту хорчинского и других говоров восточного диалекта составляет то, что к этим местоимениям может присоединиться наращение — инициальный *м* или слог *ме* в зависимости от того, какую огласовку имеет местоимение, например: *ене, мене; тер, метер; еден, меден; теден, метеден*.¹

При склонении местоимения *ене* обнаруживаются некоторые отклонения от норм СПМЯ. В говоре это местоимение последовательно образует основу косвенных падежей от *енен-* (ср. дагурскую и бурятскую основы косвенных падежей *энэн-*), тогда как в СПМЯ сохранилась основа от более древнего корня *е-гил*.¹

Им.	<i>ене</i>
Род.	<i>еннĕ</i>
Дат.-местн.	<i>ененд</i>
Вин.	<i>енӣ(1), еннĕ(1)</i>
Исх.	<i>еннĕс</i>
Орудн.	<i>енĕр, еннĕр</i>
Совм.	<i>енентĕ</i>

При склонении местоимения *тер* 'тот' падежные суффиксы присоединяются к основе *терен-*:

Им.	<i>тер</i>
Род.	<i>тернĕ</i>
Дат.-местн.	<i>теренд</i>
Вин.	<i>терĕ, тернĕ</i>
Исх.	<i>тернĕс</i>
Орудн.	<i>терĕр, тернĕр</i>
Совм.	<i>терентĕ</i>

Следует отметить, что основа косвенных падежей *терен-* известна также в дагурском и бурятском языках, например: исх. пад. — даг. *тэрэс, тэрэр*, бур. *тэрэнэ (тэрэнэ)*, хорч. *тернĕс*.

Хорчинский говор отличается тем, что в нем нет основы косвенных падежей на *-ун*, соответствующей в СПМЯ основе на *e-gün*, как, например, в калмыцком: *тер, түүнд (терүнд), түүг (терүг), түүнэс (терүнэс)*.

Местоимения *ед(ен)* 'эти' и *тед(ен)* 'те' склоняются по общим нормам, при этом основой их изменения является форма именительного падежа, т.е. им. пад. *ед(ен), тед(ен)* — род. пад. *еднĕ, теднĕ*, вин. пад. *еднĕ(1), теднĕ(1)*, исх. пад. *еднĕс, теднĕс* и т.д. В разговорной речи нередки случаи, когда множественное число указательных местоимений образуется путем присоединения к формам именительного падежа единственного и множественного числа дополнительно суффикса множественности, например: *тер* 'тот' *терүүд* 'те'; *ед(ен)* — *еднүүд* 'эти'.

Возвратные местоимения. В говоре местоимение *брĕн* в значении 'сам' зафиксировано лишь в единственном числе. Конкретный носитель действия уточняется употреблением соответствующего личного местоимения: *шĕ брĕн магаш сургад ошд ĵр* 'ты сам завтра сходи в школу'; *та тернĕ брĕсĕн бĕ салга* 'вы его от самого себя не отпускайте'.

Местоимение *брĕн* склоняется не по всем падежам. Употребительны формы *брĕн, брĕнхĕн* (род. пад.), *брĕсĕн* (исх. пад.), но не зафиксированы формы орудного и совместного падежей. Специфику возвратного местоимения составляет то, что оно не употребляется без частицы возвратного притяжания, ибо исторически это местоимение представляет собой форму винительного падежа + притяжание и лишь в этом виде воспринимается ныне как форма именительного падежа. В хорчинском говоре оно чаще произносится и как *үврĕн*, 'сам' и имеет свою парадигму склонения: *үврĕхĕн, үврĕсĕн* и др.

Вопросительные местоимения: *хен* 'кто'; *ĵĕн* 'что', *хед* 'кто (также)', *эл* 'какой, который', *жамар* 'какой', *хедĕ* 'сколько'.

Местоимения *хен* 'кто', *хед* 'кто такие' употребляются, когда речь идет о человеке, о людях. В остальных случаях (т.е. когда вопрос относится к различным предметам, явлениям, а также и другим живым существам) употребляется местоимение *јѣ(н)*. Вопросительные местоимения *хен* и *јѣ(н)* также изменяются по падежам, лишь вопросительное местоимение *хен* имеет форму множественного числа *хед* 'кто такие'. Когда речь идет о значении раздельной множественности (люди, названия предметов и т.д.), то используется репликация этих местоимений, например: *тер герт хен хен бѣн?* 'кто такие находятся в том доме?'; *ашинј јѣ јѣ штрсеми?* 'что привез твой брат?'

Местоимение *эл* 'какой, который из них' употребляется, когда задается вопрос об одном из нескольких однородных предметов, например: *ши эл љлар ошод јрвѣ?* 'ты в какой аил ездил (и вернулся)?'. Оно часто принимает частицу возвратного притяжания 3-го лица *н*: *тернѣс эл элнј шинт бѣн?* 'какие же из тех (вещей) являются твоими (принадлежат тебе)?'.

Местоимение *јамар* 'какой', выполняя чаще всего функцию определения, указывает на признак, качество предмета, например: *танѣ енд јамар бадѣ тердаг јим?* 'какие злаки (хлебные) у вас (тут) сеют?'; *тед јамар бјрѣр бш-дег билѣ?* 'какими же ручками они писали?'; *ши јамар нертѣ?* 'как тебя зовут?'. На этот вопрос хорчины отвечают: 1) *миј нер Бадма* 'мое имя — Бадма'; 2) *нѣмѣг Бадма гедж дудна* 'меня зовут Бадма'.

Местоимение *хеді* 'сколько' обычно указывает на количество предметов, о которых идет речь в предложении: *та јурѣлда хеді джѣс бѣн?* 'сколько у вас троих имеется денег?'; *танѣ енд хеді мал бѣн?* 'сколько у вас скота?'. Это же слово используется и тогда, когда необходимо узнать о возрасте человека. Хорчины на вопрос *та хеді настѣ?* 'сколько вам лет?' отвечают двояко: 1) *би далан настѣ* 'мне семьдесят лет'; 2) *бт дал* 'мне семьдесят'.

Склонение местоимений *хен* 'кто' и *јѣ(н)* 'что':

Им.	<i>хен</i>	<i>јѣ(н)</i>
Род.	<i>хенѣ</i>	<i>јѣнѣ</i>
Дат.-местн.	<i>хенд</i>	<i>јѣнд</i>
Вин.	<i>хент</i>	<i>јѣнт</i>
Исх.	<i>хенѣс</i>	<i>јѣнѣс</i>
Орудн.	<i>хенѣр</i>	<i>јѣнѣр</i>
Совм.	<i>хентѣ</i>	<i>јѣнтѣ</i>

Неопределенные местоимения образуются от основ вопросительных местоимений в сочетании с усилительной частицей *ш*, например: *эл ш љланд мјм јустѣ* 'на любой (какая бы ни была) горе такая (обильная) трава', а в отрицательных предложениях при местоимениях *хен* и *јѣ(н)* соответственно обозначает 'никто' и 'ничто', например: *ене удер манѣ енд хен ш јрсенјүѣ* 'сегодня к нам никто не приходил'; *тершнј јш сѣн метхүѣ* 'он ничего как следует не знает'. Значение неопределенности передается и использованием частицы *ба*: *эл ба јавдлј тер гашгѣрѣн толог медѣд болнт?* 'разве он один может решить любое дело?'; *јамар ба ушрт* 'какую-либо причину'. Частица *ба* употребляется реже, чем *ш*; она ограничена, так же как и в других говорах,

тем, что ставится лишь после местоимений *Эл* и *Јамар*, при этом отдельно от определяемого слова.

Как неопределенное местоимение употребляется и слово *нег(ен)* 'некий, какой-то' в сочетании с вопросительным местоимением *хен* 'кто' (*хен нег(ен)* 'некий, кто-нибудь, кто-то'), известное во всех монгольских языках.

Обобщительно-определятельные местоимения:

1) *бүгед* 'все, весь, каждый', *хү* 'все', обозначающие совокупность лиц или предметов, например: *тед бүгед гертэн сүсан бэджэ* 'они все (оказываются) живут дома'; *тершин бүгед хоршонэ улсуд меднэ* 'об этом (деле) знают все люди в кооперативе'; *та нар энд хү сэхан бэнл?* 'хорошо ли вы все здесь живете?';

2) *бүр*, *бүрл* 'каждый' ставится постпозитивно и указывает на то, что речь идет о предмете, взятом из ряда однородных ему, например: *шл нашан үдер бүрл ир* 'ты приходи сюда каждый день'; *манэ энд хүн бүр үсег тэнхүэ* 'у нас не каждый человек знает грамоту';

3) *бус*, *бусад* 'иной, другой' употребляется препозитивно, например: *бусад хүнэ юм бү ав* 'не бери вещи чужого человека'; *бусдн үгэнд бү ордд бэ* 'не поддавайся чужим словам'.

В значении этого разряда местоимений употребляются и другие слова, например: *хамаг* 'весь, целиком' (*хамаг тернэс гарсан ушр юм* 'все пошло от него (причина всему — он)'); *ондон* 'другой, иной' (*над еннэс ондон малгэ үгүэ* 'у меня другой шапки нет, кроме этой'); *джерим* 'некоторый' (*тедешнт джеримт хүнэ хелхл соусод бэн* 'некоторые из них прислушиваются к тому, что говорят'); *астан* 'иной, другой' (в хорчинском говоре это слово в самостоятельном использовании означает 'отдельный, особый'; *астан хүнэ юм авдж болохүэ* 'нельзя брать вещь другого человека').

Глагол

Глагол в хорчинском говоре обладает грамматическими категориями лица и числа (в повелительно-желательных формах), залога, наклонения и времени. Синтетических форм образования видов зарегистрировано не было.

Залог. В глаголе различаются пять залогов: действительный, побудительный, страдательный, взаимный и совместный.

Действительный залог характеризуется нулевым показателем. По отношению действия к объекту глаголы действительного залога делятся на переходные и непереходные, основы которых по своей морфологической структуре ничем не отличаются друг от друга, например: *асу-* 'спрашивать', *нада-* 'играть', *джогсо-* 'стоять', *уна-* 'падать'.

Принадлежность к переходным или непереходным глаголам определяется семантикой — наличием или отсутствием направленности действия на объект. Переходные глаголы обозначают действие, которое направлено на объект, выраженный винительным падежом имени и имеющий функцию прямого дополнения.

При глаголах действительного залога субъект действия совпадает с подлежащим, а дополнение (если оно не отсутствует в предложении) — с объектом

действия, например: *нар гарджэ* 'солнце взошло'; *Дордж тэрэ хад хэр явджэ* 'Дорджи ушел убирать хлеб'.

От основы действительного залога образуются формы всех остальных залогов.

Побудительный залог образуется от основ действительного залога прибавлением следующих суффиксов:

1) *-ā*, например: *хатā* 'высушить' (*хата* - 'сохнуть'); *ношō* 'зажигать' (*ношо* - 'гореть'); *хөлдō* 'отмораживать' (*хөлдө* - 'замерзать'); *дестē* 'пропитывать' (*десте* - 'пропитываться');

2) *-га (-iā)*: *гарга* (*гаргiā*) 'выносить, выставлять', 'исключать', 'устранять' (*гара* - 'выходить'); *хүрие* (*хүриē*) 'доставлять' (*хүр* - 'доходить, добираться');

3) *-ла (-liā)*: *бүла* (*бүлиā*) 'опускать, спускать' (*бү* - 'опускаться'); *хīле* (*хīлиē*) 'заставить делать' (*хī* - 'делать');

4) *-үл*: *орүл* - 'вести' (*ор* - 'входить'); *ошүл* - 'отправить' (*ош* - 'пойти, отправляться'); *медүл* - 'сообщить, дать знать' (*меде* - 'знать').

В приведенных примерах заметна одна особенность говора: конечный гласный суффикса часто произносится как гласный долгий. Глаголы побудительного залога, образованные от непереходных глаголов, становятся по своему значению переходными.

В отличие от подлежащего в предложении с глаголом в действительном залоге подлежащее при глаголах в побудительном залоге обозначает лицо, которое побуждает к совершению действия, но которое само не участвует в совершении этого действия. Объект же, которого побуждают к совершению действия, представляет собой и реального исполнителя этого действия.

Реальный исполнитель действия представляет собой дополнение, которое обозначено именем в одном из трех падежей — винительном, дательном-местном или орудном, например: *мөрөн адү дахүлэд явүлэ* 'отправили своего коня [пастись] с табуном' (вин. пад.); *тā джэхдлэн Хасар хүриүл* 'вы отправьте свое письмо с Хасом' (орудн. пад.); *хүнд иэхүлэд жүв?* 'что за дело удивлять человека?' (дат.-местн. пад.).

Но упоминание в побудительной конструкции двух лиц (т.е. побуждающего лица, которое является в предложении подлежащим и передается именем в именительном падеже, и реального исполнителя действия, которое оформляется как дополнение и передается именем в указанных выше падежах) не обязательно в хорчинском. Также не удается строго определить, в каких случаях употребляется второй компонент побудительной конструкции в том или ином конкретном падеже. В говоре чаще других встречается орудный падеж, но многое зависит от лексического содержания соответствующих глаголов, от какой основы (переходного или непереходного по значению глагола) образована залоговая форма.

Страдательный залог образуется от основ глаголов действительного залога присоединением суффиксов:

1) *-ида*, например: *дараида* - 'быть придавленным' (*дара* - 'давить, придавливать'); *бэрида* - 'быть схваченным' (*бэри* - 'схватить'); *идеде* - 'быть съеденным' (*иде* - 'есть');

2) *-до*, например: *олдо* - 'быть найденным' (*ол* - 'найти');

3) *-та*, например: *аста* - 'быть взятым' (*ав* - 'взять'). Глаголы с суффиксами *-до*, *-та* встречаются редко не только в хорчинском, но и во всех других говорах.

Глаголы страдательного залога могут указывать на действие, направленное на предмет (объект действия) со стороны, при этом само подлежащее, реальный исполнитель действия, может быть и невыраженным, например: *джъхдал бшрлдэ* 'письмо написано'. Однако подобное употребление глаголов страдательного залога нетипично для говора. Наиболее характерной является такая конструкция с глаголом страдательного залога, в которой названы два предмета, один из которых употреблен как подлежащее, выраженное именем в именительном падеже, а другой — как дополнение, выраженное именем в дательном-местном. Из них активным, реально действующим является тот, который передан именем в дательном-местном падеже, а другой (в именительном падеже) испытывает на себе это действие, например: *хѳъ шонод идегеджэ* 'овца съедена волком'; *мѳр азад бхргдав* 'конь пойман старшим братом'.

Вместе с тем образование и употребление форм страдательного залога показывает, что они в своем использовании в речи ограничены определенными рамками: 1) от основ некоторых глаголов не образуется страдательный залог, потому что их семантика не допускает подобного образования; 2) чаще всего они употребляются, когда речь идет о действиях активных предметов (лица, живые существа); 3) наоборот, они используются реже, если речь идет о действиях неодушевленных предметов (вещи, различного рода явления природы), например: *гаджр шасанд дарагдла* 'земля покрыта снегом'.

В конструкциях со страдательным залогом реальный исполнитель действия передается дополнением в дательном-местном падеже.

Взаимный залог образуется от основы глагола присоединением суффикса *-лда*: *бхрглда* - 'бороться' (*бери* - 'хватать'); *шохолдо* - 'бить друг друга' (*шохо* - 'бить'); *мѳрглдо* - 'бодаться' (*мѳрго* - 'бодать'); *тѳлхелде* - 'толкаться' (*тѳлхе* - 'толкать').

Взаимный залог обозначает взаимонаправленное действие, совершаемое двумя или несколькими субъектами по отношению друг к другу. При этом каждый из субъектов взаимного действия одновременно выступает и как объект действия другого субъекта действия, например: *метер бух үѳетэ ебрѳн хуартлаи мѳрглджэ* 'тот бык и корова бодались так, что рога друг другу переломали'; *гада хогор тѳхед нег јм балалдадлѳн* 'на улице двое ребят что-то отнимают друг у друга'.

Своеобразие глаголов во взаимном залоге состоит в том, что они образуются от сравнительно узкого круга глаголов (в основном переходных), по своему лексическому значению допускающих подобное образование. Когда в качестве основы выступает глагол непереходный, то чаще всего имеется в виду действие, совершаемое многими лицами, ср., например: *үѳлде* - 'бежать', *тѳлде* - 'смеяться', а с другой стороны, *херелде* - 'браниться, ссориться'.

Совместный залог образуется суффиксом *-лша*: *суралша* - 'учиться с кем' (*сура* - 'учиться'); *оролшо* - 'участвовать' (*оро* - 'войти'); *хелелше* - 'переговорить' (*хеле* - 'говорить').

Глагол в совместном залоге указывает на то, что в осуществлении действия участвуют два или несколько лиц-субъектов, например: *тер надтѳ су*

ралшадж бѣнѧ 'он учится вместе со мной'. Здесь значение совместности можно видеть в равном участии двух лиц в совершении общего действия.

Как и в остальных диалектах и говорах, в хорчинском известны удвоенные формы залогов.

Зафиксированы следующие удвоенные формы: *-ѹл + -ѹл: тер моѹн Герлѣр јавуѹл* 'те деньги отправь с Герелом'; *-иѣ + -лиѣ: ші тернѣр гертѣн хурѣл-иѣ (хурѣл)* 'ты попроси его проводить тебя до твоего дома'; *-ида + -ѹл: ху нохонд джудулла* 'мальчик был укушен собакой'.

Повелительно-желательные формы. По сравнению с СПМЯ в хорчинском говоре употребляется гораздо меньше повелительно-желательных форм. Они указывают или на требование (приказ), побуждение (просьбу) осуществить как-либо лицом (лицами) то или иное действие, или на намерение, желание говорящего совершить соответствующее действие.

Повелительно-желательные формы изменяются по лицам и числам. Действие, выражаемое ими, мыслится как еще не начавшееся, т.е. соотносится с тем временем, которое должно следовать за моментом речи.

Повелительная форма 2-го лица единственного числа. Это нулевая форма, равная основе глагола, которая употребляется в случаях, когда приказание отдается в категорической, настойчивой форме: *деңі аса* 'зажги лампу'; *ші тенд ошод јір* 'ты пойдти туда и тотчас же возвращайся'; *та хурдан малан тосхор гар* 'вы быстрее выходите встречать своих животных'.

Приказание может быть отдано и не с такой категоричностью, например: *ші ајартан менд јір* 'немного погоды приходи к нам'; *тер нохонд шашан хѣ* 'отгони прочь ту собаку'.

В хорчинском говоре наблюдается тенденция к ослаблению категоричности повеления. В этом случае приметой служит долгий *-а*, который присоединяется к основе глагола 2-го лица единственного числа и смягчает повеление, обращая его чаще в просьбу, пожелание: *тенд судж бѣх хуні дуда* 'позови-ка человека, сидящего там'; *мнѣ оронд јавод јирѣ* 'сходи-ка вместо меня'.

Повелительно-просительная форма 2-го лица единственного числа образуется посредством присоединения суффикса *-ас (-аш)*. В значении этой формы доминирует оттенок настоятельной просьбы совершить то или иное действие, например: *ші гертѣн херас* 'пойди же к себе домой'; *метендѣс хурдан јирѣс* 'приходи же побыстрее оттуда'; *над мѣрѣн өгѣш дѣ* 'дай же мне своего коня'.

Повелительно-пригласительная форма 1-го лица единственного и множественного числа образуется при помощи суффикса *-ї* или *-ја*, например: *толї (толоја)* 'посчитаемте', *сүї(сүїја)* 'посидимте'.

Данная форма обозначает желание, намерение совершить действие или же призыв, приглашение со стороны говорящего к одному или нескольким лицам совершить действие. В этом случае подразумевается, что в осуществлении действия собирается принять участие и сам говорящий, например: *бїд сонїк омшїд* 'почитаемте газету'; *одѣ гертѣн хїрїја* 'теперь поедемте домой'; *бї ене харандагѣр бшїја* 'напишу-ка этим карандашом'; *бї енїѣн хїї, та тергѣн хад* 'я сделаю это, а вы убирайте хлеб'; *бї хорѣн үдї сезїѣ, шї*

малдн орул 'я раскрою ворота сарая, тыпусти скот'; *бид адалхэр јавја* 'мы пойдём работать'.

Повелительно-желательная форма 3-го лица единственно-го и множественного числа употребляется, когда приказание, просьба или пожелание совершить действие передается третьему лицу или лицам через собеседника. Эта форма образуется суффиксом *-и*, присоединяемым к основе глагола, например: *јирег* 'пусть придет (придут)'; *сүг* 'пусть сядет (сядут)'; *хелег* 'пусть скажет (скажут)'.

Она может передавать такие оттенки значения: а) приказание или пожелание более энергичное, настойчивое, например: *тер гертән сүг* 'пусть он сидит дома'; *теден ене үдер үнэ услег* 'пусть они сегодня поят коров'; *теден нд-шдн бүү јирег* 'пусть они сюда не приходят'; б) менее настойчивое, с оттенком согласия, одобрения, например: *тер унтвал унтаг* 'если спит, пусть спит'; *тед мдрі бэрбал бериг* 'если они поймают коня, пусть поймают'. В этом случае повелительно-желательной форме часто предшествует условная форма глагола на *-бал (-вал)*.

Весьма редко встречается в говоре форма на *-тугэ*, в основном в призывах: *еб хамт нам мандтугэ* 'да здравствует коммунистическая партия!'; или в пожеланиях: *сэн хүү болтугэ* 'пусть вырастет хорошим мальчиком'.

Нам встретилось несколько предложений, где глаголу *бэ-* 'быть' в форме с *-тугэ* предшествует причастие будущего времени в винительном падеже и все сочетание имеет значение 'не только, но и ...', например: *хелех бэтугэ шохон* 'не только ругает, но и бьет'; *тершт брштх бэтугэ сэн ом-шидж шадна* 'он не только пишет, но и хорошо может читать'.

Такие формы СПМЯ, как: 1) *-гүн, -gtün* (для глаголов 2-го лица множественного числа), 2) *-суял, -sügel* (форма пожелания 1-го лица единственного числа), 3) *-эсал, -esel* (форма пожелания всех трех лиц), 4) *-гүзэл, -güzel* (форма опасения) и 5) *-гүрэл, -gerel* (форма повелительно-наставительная), а также и соответствующие им формы, известные в халхаском диалекте монголов МНР, в хорчинском говоре не встречаются.

Все повелительно-желательные формы представляют собой финитные формы, функционирующие в качестве сказуемого законченного предложения. Часто после такой формы следует частица *дә*, которая ставится отдельно от глагола, например: *та энд сүү дә* 'вы садитесь сюда'; *тер хэрэг дә* 'пусть он идет домой'; *ене хоршбнд ошог дә* 'пусть она сходит в кооператив'. Данная частица весьма употребительна с глаголами 2-го и 3-го лица, иногда она используется в несколько иной функции — смягчения приказания.

Повелительно-желательная форма выражает также требование или желание не осуществлять то или другое действие. Для этого имеется общая запретительная частица *бүү* 'не', которая ставится перед глагольной формой, например: *бүү гар* 'не уходи'; *бүү үр хүрээ* 'не сердись'; *бүү ошог* 'пусть не ходит'; *бүү мартаг* 'пусть не забывает'.

Изъявительные формы. В них значения времени и наклонения передаются средствами одного порядка, они наиболее последовательно выражают три временных аспекта глагола.

Форма настояще-будущего времени образуется суффиксом *-нā* (*-н*) и передает значение как настоящего, так и будущего времени, т.е. настоящее и будущее время не различаются отдельной формой глагола.

Форма настояще-будущего времени обозначает действие, которое может как происходить в момент речи, так и следовать за моментом речи. В зависимости от контекста, обстановки высказывания возможно определить границы и настоящего, и будущего времени. Так, форма на *-нā* может выражать действие, совершающееся в настоящее время, когда:

а) конкретное настоящее время ограничено моментом речи, например: *манē энд хуршн улс эрэн, еншн үнэхэр сэхан хур дарнā шү* 'в наших местах много исполнителей на хуре, а он действительно прекрасно играет на хуре!'. Эту фразу мы услышали и зафиксировали у хорчин хошуна левого крыла, когда перед собравшимися демонстрировал свое мастерство известный во всем Джеримском аймаке исполнитель на народном инструменте и певец;

б) расширенное настоящее время ограничено действием обычным, свойственным тому или иному лицу или предмету, но которое не совпадает с моментом речи, например: *бид ерт босвол үнэгэн сәнā, сүгэн өдүлэд үрмэн авнā* 'встав рано, мы доим коров; когда скиснет молоко, собираем с него пенки;

Расширенное настоящее время может указывать и на действие постоянное. В этом значении характерно его употребление в фольклоре, например в поговорках и пословицах: *ур бие джовон, ул мөр джовон, утā нүд джовон* 'гнев мучает тело, горы — коня, дым — глаза'; *мү санā бие орон, сэн санā тал төрөн* 'дурные помыслы себе во вред (букв. тело опутывают), добрые — собирают в круг друзей'.

В разграничении значений настоящего и будущего времени особая роль принадлежит контексту, лексическому значению глаголов, например: *би Хөх хотод ирэд, удан болшило шү, шамдү гертэн хэрнā дā, хүмн мэнелт хүлэджл сүх иймā* 'я давно в Хухэ-Хото. Поеду скорее домой. Мой сынок наверняка ждет не дождется меня'.

Употребление в предложении слов с временным значением может также свидетельствовать о том, что действие, выраженное данной формой глагола, относится к будущему, например: *бид магатар кинд хоронд ошнō* 'завтра мы пойдем в кинотеатр'; *би хүнē орō гертэн јавнā* 'я сегодня вечером поеду домой'.

В хорчинском говоре весьма распространена форма на *-джэнā*, которая состоит из суффикса соединительного деепричастия *-дж* и основы глагола *бэ-* 'быть, находиться' в форме настоящего времени. При присоединении к форме на *-дж* глагол бытия *бэ-* теряет начальный согласный.

Форма на *-джэнā* отличается тем, что она указывает и на способ протекания действия, иначе на действие длительное, незавершенное, например: *еншн өрн ахан хелджен* 'она рассказывает о своем брате'; *Бадма ус авдж ирэд ховшос угдженā* 'Бадма принесла воды и стирает белье'; *шнī меңедж хелсенд тер их бајалджен* 'она очень радуется тому, что ты так сказал'. Примечательно то, что в речи монголов — носителей восточного диалекта сочетание соединительного деепричастия с глаголом *бэнā* употребляет-

ся только в сращенной форме, из аналитической формы оно превращается в синтетическую.

Формы прошедшего времени обозначают действие, предшествующее моменту речи. Они выражают завершенность, результативность действия. Сложным представляется определение критериев, позволяющих строго разграничить значение и употребление в говоре каждой из трех форм прошедшего времени.

1) Форма на *-в* (*-ва̄*, *-ба̄*) по сравнению с остальными формами менее употребительна. Она может использоваться в нескольких значениях: выражать действие недавнопрошедшее, закончившееся к моменту речи, или действие давнопрошедшее, завершившееся в прошлом. В разговорной речи эта форма чаще встречается при вопросе, например: *нохб тушлā, јӯ болов од?* 'задала собака, что могло случиться?'; *шї терд хадву?* 'ты хлеб убирал?'; *тер хердж јрвї?* 'вернулся ли он (домой)?'; *ашин мал херулу?* 'брат твой скот пас?'.¹

2. Форма на *-лā* в говоре встречается чаще, чем форма на *-в*, и употребляется для выражения действия недавнопрошедшего времени, действия, совершившегося в прошлом с длительным оттенком, или же действия давнопрошедшего времени. Эта форма глагола может употребляться и в значении другого времени, когда действие еще не осуществилось, но говорящий мыслит его результативным, например: *тā сү дā, одб бї ертөн херлā* 'вы оставайтесь, я сейчас пойду домой (букв. пошел)'.¹

3. Форма на *-джε* (*-дж*) является наиболее распространенной из всех трех форм прошедшего времени. Она обозначает любое действие прошлого без подчеркнуто выражаемых оттенков непредвиденности действия.

Модальный оттенок неожиданности, с выражением которого связывают в монголистике данную форму, заметен в повествованиях (сказках, легендах и т.д.), где события и действия героев представляются загадочными, неожиданными, например: *хогшн емен уджин геллэ нег тулнэ үр бїджε* 'когда старуха разглядела — это было семя волшебной тыквы горлянки'.¹

Характерно в говоре соотношение употребительности трех форм. В наших записях в речи информанта, принадлежащего к старшему поколению хорчин, доминирует форма на *-джε*, тогда как в речи информанта, принадлежащего к среднему поколению, чаще встречается форма на *-лā* или же аналитическая конструкция с деепричастием и глаголом *ге-* 'говорить, сказать' в одной из изъывительных форм.

В своем выборе информанты могли отдать предпочтение той или другой форме глагола, однако заметна неопределенность их употребления, обусловленная известной близостью значений этих форм. Следует подчеркнуть, что лишь дополнительное изучение с привлечением широкого контекста даст возможность выяснить значение временных глагольных форм не только в хорчинском говоре, но и во всех говорах и диалектах языка монголов Внутренней Монголии.

В хорчинском, как и во всех говорах и диалектах языка монголов Внутренней Монголии, нет «спряжения» по лицам предикативно употребляемых слов, т.е. в нем отсутствуют специальные лично-предикативные частицы 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, которые характерны, например, для бурятского, дагурского и калмыцкого языков. В хорчинском лю-

бая из изъявительных форм может относиться к любому из трех лиц обоих чисел и указывать на время совершения того или другого действия.

Словообразование. Ниже приводится перечень зафиксированных в говоре словообразовательных суффиксов:

-*да*: *тешурда* - 'бить плетью, кнутом' (*тешур* 'плеть, кнут'); *галда* - 'сжигать' (*гал* 'огонь'); *ховордо* - 'становиться редким' (*ховор* 'редкий, скудный');

-*дж*: *бајадж* - 'разбогатеть' (*бајан* 'богатый'); *малдж* - 'обзаводиться скотом' (*мал* 'скот'); *амардж* - 'успокаиваться' (*амар* 'спокойный');

-*джир*: *сѣджир* - 'улучшаться, повышаться в качестве' (*сѣн* 'хороший'); *муджир* - 'ухудшаться' (*му* 'плохой');

-*ла*: *хаджарла* - 'надевать узду' (*хаджар* 'узда'); *ирле* - 'точить, править' (*ир* 'лезвие, острие'); *хорло* - 'травить ядом' (*хор* 'яд');

-*ра*: *јадѹра* - 'беднеть, нищать' (*јадѹ* 'бедный, неимущий'); *хоштре* - 'стареть' (*хош* 'старый');

-*рха*: *атарха* - 'завидовать' (*ата*(н) 'зависть'); *еджирхе* - 'господствовать, властвовать' (*едж* 'хозяин');

-*ша*: *бурѹша* - 'осуждать, порицать' (*бурѹ* 'ошибка, вина'); *джовѹш* - 'одобрять, соглашаться' (*джов* 'правота'); *сѣшша* - 'одобрять, хвалить' (*сѣн* 'добро, благо');

-*ши*: *нутагш* - 'осваиваться, привыкать к новому местожительству' (*нутаг* 'родное место, кочевье'); *алдарш* - 'прославляться' (*алдар* 'слава'); *урамш* - 'вдохновляться' (*урам* 'подъем настроения, вдохновение');

-*шил*: *ѹрил* - 'усыновлять, удочерять' (*ѹр* 'дитя, ребенок'); *дѹшил* - 'быть, почтительным к старшим' (*дѹ* 'младший'); *хѹшил* - 'усыновить' (*хѹ* 'сын, мальчик').

Причастие

В соответствии с временной соотнесенностью причастия подразделяются на несколько форм: причастие на *-а* (настоящего времени), причастие на *-х* (будущего времени), причастие на *-сан* (прошедшего времени), а также причастие на *-гша* (однократное) и на *-даг* (многократное).

Причастие на *-а* выражает действие настоящего времени и видовой оттенок продолжительности действия, например: *ахшн хестѹ бѣн* 'твой брат продолжает лежать'; *одѹш ѹга идѹ бѣн?* 'до сих пор он ест и пьет?'. В разговорной речи хорчин причастие на *-а* встречается сравнительно редко.

Причастие на *-х* выражает действие, которое должно совершиться в будущем. В предикативном употреблении оно обычно сопровождается как вспомогательным глаголом, так и связкой, например: *би ене шн моцолѹ нег сурах асна* 'мне бы научиться писать на этом новом монгольском письме'.

Причастие будущего времени с глаголом *бол* - 'становиться', а также со словами *јостѹ* и *ѹшртѹ* обладает модальным оттенком долженствования, например: *теѹѹд хѹрген јастѹр јавах болджѹ* 'таким образом, жених должен был идти пешком'; *мнѹ хѹ ѹдеш јрех јостѹ* 'мой сын должен вернуться вечером'; *би енѹ багшѹс сурах (асѹх) ѹшртѹ* 'об этом я должен спросить у учителя'.

Чаще всего причастие на *-x* употребляется в функции определения. В этом случае причастие указывает на действие, которое должно совершиться в будущем, или на назначение какого-нибудь предмета, например: *малһи idгiт олдж нӱх улс* 'люди, которые должны кочевать в поисках лучших пастбищных угодий'; *ене мнiт хонох гер* 'это дом, в котором я заночую'; *унах мӱр* 'верховая лошадь'; *омшix ном* 'книга для чтения'.

Причастие на *-сан* выражает действие, предшествующее моменту речи. В хорчинском говоре причастие прошедшего времени в роли сказуемого употребляется в основном со связками, например: *мнiнi ошixод тер тeрiндiн jавшисан бeджe* 'когда я пришел, он, оказывается, уже ушел в поле'; *хотод eрвн малшid jирсен билe* 'в город прибыло много скотоводов'; *тер jix ертeс дамy yсан jиm* 'он рано стал курить табак'.

Часты случаи употребления причастий на *-сан* в качестве определения: *штi сeнсeн геджeсан хyн мiм дe?* 'таков человек, о котором ты говорил, что он прекрасен?'; *емел тохсон мӱр джохсодж бeн* 'стоит оседланная лошадь'; *тернe телсен yгенд лeдaд херег бeнy?* 'есть ли смысл надеяться на сказанное им?'; *танe енд jирсен хy jyн хyвi?* 'что за мальчик, который приехал к вам?'.

Причастие на *-ша* встречается в говорах редко. В них заметна тенденция превращения его в имя деятеля. Примеры, записанные нами у хорчин, только с этим значением: *тершi сурагша бeн* 'юн учащийся'; *мнi хy ене джil сургайлiн джехрагша боллo* 'мой сын в этом году стал директором школы'; *тер — манe удирдагша* 'он наш руководитель'.

Причастие многократное на *-даг* в роли сказуемого встречается редко. В материалах, записанных нами у хорчин, имеются примеры на *-даг* без связки, например: *тeрiн хадyрaр хаддаг (хаддa)* 'жнут хлеб серпом'; *манe Eл мал малджидaг* 'наши односельчане занимаются скотоводством'. Если форма на *-даг* употребляется со связкой *билe*, то доминирует оттенок многократности действия, а время уточняется следующим за ним глаголом-связкой, например: *тернe дy манeд jирeд шe yдаг билe* 'его младший брат бывал у нас и пил чай'; *oхiнмнi аджлiн хeн хyрeд jирдег билe* 'моя дочь после работы прибежала ко мне'.

Наиболее характерным для говора является употребление причастия на *-даг* в качестве определения: *хелдег yи* 'слова, которые обычно произносятся'; *yдаг дамy* 'табак, который обычно курят', 'курительный табак'; *eмсдег ховчис* 'одежда, которую обычно носят', 'носильные вещи'. Использование его в других функциях является более ограниченным.

В хорчинском говоре зафиксирована и форма на *-мӱр*, которую мы условно относим к причастиям. Форма на *-мӱр* обозначает процессное свойство предмета, которое должно проявляться в той или иной допустимой или необходимой степени, и обычно употребляется в определительной функции, например: *манeд yджмeр jиm yгye* 'у нас нет вещей, которыми можно любоваться'; *енеши yдж болмӱр шe* 'это чай, который можно пить'; *енешин герeн санмӱр yдер* 'этот день таков, что заскучаешь по дому'.

Деепричастие

Деепричастия не передают время непосредственно по отношению к моменту высказывания, они выражают его лишь по отношению ко времени действия, которое передается основным глаголом-сказуемым. Деепричастия обозначают действия зависимые, сопутствующие, воспринимаемые как одновременные, или предшествующие, или последующие (предстоящие). Вследствие этого деепричастия не могут выступать в функции финитного глагольного сказуемого.

В соответствии с различающими их суффиксами и некоторыми относительными временными и модальными признаками по отношению к заключительному глагольному сказуемому деепричастия в хорчинском говоре можно классифицировать на следующие разряды: деепричастие на *-дж* (соединительное), деепричастие на *-н* (слитное), деепричастие на *-ад* (разделительное), деепричастие на *-сар* (продолжительное), деепричастие на *-маиш* и *-нарән* (предварительное), деепричастие на *-ла̄* (последовательное), деепричастие на *-маиш* и *-нарән* (предварительное), деепричастие на *-ла̄* (последовательное), деепричастие на *-вал* (условное), деепричастие на *-ваш* и *ја̄ш* (уступительное), деепричастие на *-тар* и *хүе* (цели), деепричастие на *-тал* (предела). По традиции они делятся на сопутствующие (соединительное, слитное и разделительное) и на обстоятельственные (все остальные).

Деепричастие на *-дж* обозначает действие, протекающее одновременно с главным действием, выраженным глаголом-сказуемым, например: *хүдөд нег негән түлхелдедж, инәлдедж герт сүв* 'дети сидели в доме, смеясь и подталкивая друг друга'.

В зависимости от контекста соединительное деепричастие может обозначать сопутствующее действие, которое предшествует действию, выраженному основным глаголом-сказуемым: *тад биднә энд јірдж шә ү* 'приходите к нам, попейте чаю'; *үд нәгдәдж, хуралд оролшон улсүд орбд јірев* 'дверь открылась, вошли участники собрания'; *ер үдер бүр үлнас түлө авдж, хотонд худалдадж эмдардж бәлә* '[Тот] мужчина, ежедневно собирая топливо (дрова) на горе, продавал его в городе и этим жил'.

Соединительное деепричастие может употребляться и в удвоенном виде, придавая всему деепричастному сочетанию характер длительности, продолжительности действия, например: *гада гүддж гүддж јірәд бә хүйтен ус ү* 'не пей холодной воды, когда, набегавшись, приходишь с улицы (букв. бегая бегая)'; *тер гада нададж нададж јірәд бас нәджджен* 'наигравшись и возвратясь домой, он снова играет (букв. играя играя)'.

Деепричастие на *-н* обозначает такое действие, которое поясняет, конкретизирует значение совершающегося параллельно с ним основного действия, передаваемого глаголом-сказуемым: *Іхен үлен инән атоән хеледжәнә* 'плача и смеясь, девочка рассказывает своему старшему брату'. Еще А. Бобровников указывал, что слитное деепричастие употребляется «При действиях одновременных, когда два глагола описывают одно и то же действие, только одним высказывается общее понятие, а другим — частное, так что значение одного глагола уже заключается в другом, или когда один глагол употребляется только (подобно качественным именам) для ограничения смысла дру-

гого» /1, с. 314/. Слитное деепричастие употребляется чаще всего в функции обстоятельства, но индивидуальной особенностью слитного деепричастия на -н является то, что оно: 1) наиболее тесно связано с действием основного глагола-сказуемого и 2) реже остальных сопутствующих деепричастий употребляется в говоре.

Деепричастие на -дд обозначает зависимое действие, совершенное до наступления другого, главного действия, передаваемого глаголом-сказуемым. Иначе говоря, действия, передаваемые разделительными деепричастиями, если их несколько, совершаются последовательно — по окончании одного начинается другое, например: *тэргэйн хададж бардд, гертэйн джэдж бэнэ* 'закончив убирать урожай, возят к себе домой'; *тед төрдд, джамайн алдаджэ* 'заблудившись, они потеряли дорогу'; *охин их болдд, багш джалдд, бийн үджүлэд ердэм ном эрвин сургаба* 'девочка выросла, пригласили к ней учителя, стали ее учить грамоте, затем и обучать наукам'.

Известна и относительная свобода в их использовании, возможность замены одной формы деепричастия другой. Хотя сочетание разных форм деепричастий и подчеркивает большую выразительность передаваемых ими действий, но некоторая пестрота и неустойчивость сопутствующих деепричастий сохраняется.

Для монгольских говоров весьма показательным является участие сопутствующих деепричастий в различного рода оборотах и в образовании аналитических конструкций. Специфика значения делает их наиболее употребительными и распространенными. Так, сочетание «сопутствующее деепричастие плюс вспомогательный глагол» чаще всего употребляется в качестве сказуемого. В этом случае деепричастие указывает на конкретно передаваемое действие, тогда как вспомогательный или служебный глагол, грамматически оформляя глагольное сочетание-сказуемое, придает последнему видо-временные и модальные оттенки значения. Ср. значения и функции таких глаголов, как *бл-* 'быть', *йге-* 'приходить', *жав-* 'идти, ехать' и др., которые известны во всех говорах и диалектах языка монголов Внутренней Монголии.

Что касается обстоятельственных деепричастий, то «они могут употребляться только в качестве обстоятельственных членов предложения, являясь обстоятельствами условия, цели, предела, образа действия, времени и т.п.» /3, с. 281–282/. Эти деепричастия отличает известная определенность и устойчивость как в семантическом, так и в синтаксическом плане.

Деепричастие на -сэр обозначает длительно протекающее действие, в процессе совершения которого происходит другое, передаваемое основным глаголом-сказуемым, например: *жур джэлен дугар мэлсар хорби джагад хүрөө* 'кошка, продолжая нежно мяукать, добралась до края забора'; *тер төрдж төрсэр гертэйн хэрджэ* 'он, проблуждав, вернулся домой'; *би нар унтал мал хэрүүлсэр их ядарла* 'я очень устал, пася скот до захода солнца'.

Возможно употребление продолжительного деепричастия на -сэр при основном глаголе-сказуемом в значении, близком к значению предварительного деепричастия на -магш, например: *ш! гертэйн хэрсэр нэд түргэн шимэ өд* 'приедешь домой, тотчас пришли мне весточку'; *шас орсөр теуер хитрен* 'снег продолжал падать, становилось холодно'; *би тер! уссэр тэншилджэ* 'как только его увидел, [тут же] узнал'.

Закреплены случаи, когда деепричастие на *-сәр* используется в функции фивитного сказуемого предложения, при этом оно оформляется дополнительным долгим гласным, например: *тә мундә сүсәрү? — сүсәрә дә* 'вы тут продолжаете жить? — Продолжаю жить'; *манә ах гертән унтсәрә* 'старший брат продолжает спать у себя дома'.

Предварительное деепричастие образуется посредством двух суффиксов — *-гаши* и *-нарән* — и обозначает такое зависимое действие, после которого сразу же наступает другое. Первое и второе действия глаголов могут быть связаны между собой, как простой временной последовательностью, так и причинно-следственной зависимостью, например: *әдж хөбнәрән унтаджә* 'мать заснула, как только легла'; *орб болнорбн (болмош) дең ношбджә* 'как только наступил вечер, зажгли лампу'; *тер үднәсән гарнарән (гармаши) пүдаджә* 'как только он переступил порог дома, тут же выстрелил'; *борбн орнорбн дулан болджә* 'как только пошел дождь, стало теплее'; *үсән тәнәрән хәрәд йрджә* 'как только свезли сено, тут же вернулись домой'.

Информанты-носители говора ясно различали форму письменную, литературную и разговорную на *-нарән* и каждый раз замечали: *җәрәнә* 'разговорный'. Ср. еще несколько примеров: *тер хбгбн хөрнәрән нәдхәр јавджә* 'как только загнал овец (в сарай), он пошел играть'; *тернә үднәрән дутаджә* 'как только его увидел, он бросился бежать'; *шәжәг јавнарән тер хүрәд йрджә* 'как только ты ушел, он пришел'.

В говоре форма на *-нарән* может иногда заменяться и другими, близкими по значению формами. Так, наряду с *би тернә үднәрән асүджә* 'как только увидел, я спросил у него' возможны: *би тернә үджсәр (үджлә гесәр, үджлә гесәр, үджмеши) асүджә*.

Образование и генезис формы на *-нарән* пока неясны.

Деепричастие на *-лә* обозначает такое действие, во время которого или в момент завершения которого происходит главное действие, передаваемое глаголом-сказуемым, например: *соңсоңлә абдар дотор бәх болнб* 'когда прислушался [к разговору], то понял, что [драгоценность должна находиться] в сундуке'; *мәнә йрәлә ендәс нег мортә хүн гарәд јавбә* 'когда я приехал, отсюда выехал кто-то верхом'.

Форма на *-лә* нередко встречается с частицей возвратного притяжания, например: *шә јавхләгән ене мөр унәд јав* 'когда поедешь, поезжай на этом коне'; *бидең јавхләгән адлн тута телелшијә* 'когда мы поедем, поговорим о работе'.

Деепричастие на *-вал* (*-бал*) обозначает зависимое действие, при условии наступления которого совершается другое, передаваемое основным глаголом-сказуемым, например: *тер өлсөөл хәрн эмтнә бәрдж йөд, ундәсвал нүрн үсә үдх хүлелә* 'она (собака) все ждала. Если хотелось есть, она ловила степных зверюшек; если мучила жажда, шла к озеру'; *тер аджлән барбал јавнә* 'он поедет, если закончит свою работу'; *шә тәрә тервал, би мал хәрүлнә* 'если ты будешь сеять, я пойду пасти животных'.

Вариантом этого суффикса является разговорная форма на *-үл*, например: *шә минә герт хүрүл хүр дә* 'если ты дойдешь до моего дома, то дайди'; *тер хотод сүлүл сүл дә* 'если он живет в городе, пусть живет'; *ене теңедж телүл хелег дә* 'если он так говорит, пусть говорит'.

Условное деепричастие на *-вал (-бал)* может употребляться и с усиливающим его значение союзом *хөрөө* 'если', например: *ш1 хөрөө хотос ирвел, мн1 эндэи үр ир* 'если ты вернешься из города, приезжай ко мне'; *хөрөө тер ирвел, б1 баса ирнэ* 'если он придет, и я приду'.

Уступительное деепричастие в говоре существует в двух формах — *-ваш(-баш)* и *-яш* — и обозначает такое действие, вопреки которому совершается другое действие, передаваемое основным глаголом-сказуемым, например: *мүр бэх чаджт медсен болбош авах араг олсон үгэ* 'хотя кошка и узнала место, где находится драгоценность, но не придумала способа, как ее добыть'; *хелбеш мтм, хелхүгэ болбош мтм иjmэ* 'хоть и говори — останется таким, и не говори — то же самое'; *тер хвөөш б1 жавал үгэ* 'хотя он и гонит, я не пойду'; *ус хед1 үжаш ханал үгэ* 'сколько бы ни пил воды, не напьется'; *одд бордн арјаш тус үгэ* 'хотя сейчас и пойдет дождь, но от него пользы не будет'; *хелјеш метм, хелхүгэ болјаш метм* 'хоть и скажешь, будет таким, и не скажешь, останется таким'.

Чисто разговорным вариантом является *-үш*, например: *хен хелүш тер соцсон* 'кто бы ни говорил, он прислушивается'; *магаш шас оруш б1 жавна* 'хотя завтра и пойдет снег, я поеду'.

Деепричастие цели обозначает действие (цель), для осуществления которого совершается главное действие, выраженное основным глаголом-сказуемым. В хорчинском говоре оно образуется посредством двух суффиксов — *-хя(р)* и *-хүгэ*. Примеры: *тер мврбн усалхя(р) жавна* 'он идет, чтобы напоить своего коня'; *бид хојулан бада идхүгэ ошнэ* 'вдвоем идем, чтобы поесть пищи'; *бхн ус үхүгэ ирджэ* 'девочка пришла, чтобы напиться воды'; *ш1 хурдан туллан тосхд(р) чар* 'скорее выходи, чтобы встретить своих телят'.

Деепричастие предела на *-тал* обозначает такое действие, до наступления которого осуществляется другое действие или же является пределом этого главного действия, переданного основным глаголом-сказуемым, например: *хү унтатал бид энд сүја* 'пока мальчик заснет, мы посидимте-ка тут'; *ш1 хурал болтол хүрэд ир* 'ты приходи, пока не начнется собрание'; *тер ахан үд болтол хүлелэ* 'он ждал брата до полудня'; *ман1 жавтал хагас шаг бэн* 'до того пока мы поедем, остается еще полчаса времени'.

Иногда деепричастие на *-тал* принимает частицу возвратного притяжания: *б1 ене үдер жатлан аджл хиджэ* 'я сегодня работал, пока не устал'; *ш1 жатлан манэд сүджэ* 'пока поедешь, ты поживи у нас'.

О глаголе *а-* 'быть'

Вспомогательный глагол *а-* 'быть' в процессе развития монгольских языков утратил систему форм и почти исчез из этих языков (кроме СПМЯ, дагурского), оставив лишь кое-где реликтовые формы. Ср. в современном монгольском (халха) языке *ажээ* (глагол *а-* в форме прошедшего времени на *-жээ*) и *-сан* (рефлекс причастия прошедшего времени *aysan* от глагола *а-* в виде суффикса).

В отличие от него в говорах языка монголов Внутренней Монголии под влиянием СПМЯ сохраняется несколько форм глагола бытия *а-*. В живой речи хорчин зафиксированы *асан* (*аснā*), *аджэ*, *алā* и *эддā* как устойчивые формы прошедшего времени:

а) *асан* (*аснā*) — причастие прошедшего времени глагола бытия *а-* с суффиксом *-сан*. Зафиксированы следующие примеры на употребление этой формы: *би нэг сургад орох аснā* 'мне бы учиться в школе'; *мөр ирвэл би адунд жавах аснā* 'когда приведут коня, я бы поехал за табуном'; *би шн моцол нэг сурах аснā* 'мне бы овладеть новым монгольским письмом'. Употребляясь с причастием будущего времени на *-х*, *асан* выражает модальные оттенки действия, осуществление которого представляется для говорящего предположительным или желательным.

б) *аджэ* — форма прошедшего времени глагола *а-* с суффиксом *-джэ*: *тер ацгандā лам аджэ* 'раньше он был ламой'; *тернi бхн сэхан бхн аджэ* 'его дочь была красивой девушкой'; *тер хүн сэн джацгэ хүн аджэ* 'у того человека был хороший характер'. Примеры показывают, что *аджэ*, связка прошедшего времени, стоит после именной части составного сказуемого и относит действие в отдаленное прошлое. Эта форма глагола встречается также в современном монгольском (*ажээ*) и в бурятском (*ажа*) языках, а в калмыцком она не сохранилась;

в) *алā* — архаическая форма прошедшего времени глагола *а-* с суффиксом *-лā*. Ни в СПМЯ, ни в других монгольских языках такой формы нет. Эта форма глагола бытия *а-* удержалась в некоторых говорах восточного диалекта. В хорчинском говоре она встретилась в примерах: *би тернэс эн асувал тер иү гедж хелех алā?* 'что он ответит, если я спрошу у него об этом?'; *тернi иү ил алā?* 'что бы это из себя представляло?'; *шi энi хидж шадат алā?* 'ты смог бы это сделать?';

г) *эддā* — по-видимому, это та же форма глагола *а-* в прошедшем времени (ср. СПМЯ *а/иуи*, хорч. *аджэ*) с присоединенной к ней частицей *дā*, подвергшаяся фонетической трансформации и произносимая хорчинами слитно. По своей функции она не отличается от *аджэ*. Ср. следующие примеры: *еншн ердэжтэ хүн эддā* 'он был образованным человеком'; *Бату хүнэ үгэнд баалдаа хүн эддā* 'Бату был человеком, который радовался (добрым) словам людей'. Присутствием частицы *дā* подчеркивается результирующий характер состояния, выраженного этим сочетанием. Особенно это заметно, когда *эддā* стоит после слова *тiм* 'такой' при отрицании в первой части предложения, например: *тэнхүэ иāх ил, үл тiм эддā?* 'как это не узнает, [конечно, узнает], не так ли?';

Наречие

Наречия во всех говорах в основном те же, что и в СПМЯ. Их отличия носят главным образом фонетический или лексико-семантический характер. Наречия по своему значению подразделяются на несколько разрядов. В хорчинском зарегистрированы следующие их разряды:

1) наречия, указывающие на место совершения или на направление действия предмета, например: *енд* (*менд*) 'здесь, тут' (*ш1 менд сүджэ, би јрнэ* 'ты посиди тут, я приду'); *тенд* (*метенд*) 'там' (*ш1н1 дх1н метенд бэ1н* 'твоя дочь находится там'); *нашан* 'сюда, в этом направлении (сторону)' (*та нашан харā да* 'вы посмотрите сюда, в эту сторону') и др.;

2) наречия, указывающие на время совершения действия, например: *ерт* (*ерте*) 'рано' (*тер ерт унтād ерт боснб* 'он рано ложится спать и рано встает'); *орб* 'поздно' (*биден ене үдер батан орб бослб* 'мы сегодня встали немного поздно'); *мүнэ, одб* 'сейчас' (*ш1н1 ах мүнэ хā бэ1х1м?* 'где сейчас находится твой старший брат?'); *хајā* 'изредка' (*тер манэ енд хајā јрен* 'он изредка приходит к нам') и др.;

3) наречия, указывающие на степень, интенсивность признака действия, например: *маш* 'весьма, очень' (*тернэ мбр маш хурдан іүн* 'его конь бежит очень быстро').

По способу образования наречия неоднородны. Наиболее распространенным способом образования наречий является суффиксальный.

Этимологически наречия восходят к разным разрядам слов. В зависимости от этого они бывают и сложными, образованными из сочетаний нескольких компонентов, ср., например, *енд* (*менд*) и *тенд* (*метенд*), застывшие в форме дательного-местного падежа (т.е. состоящие из древних основ *ен-*, *тен-* + *-д*).

Наречия, указывая на признак действия, выступают при глагольных и именных членах предложения в функции различного рода обстоятельств.

Служебные слова

Послелого. Выполняя служебную функцию, послелого управляют той или иной падежной формой именных разрядов слов и употребляются после того имени, к которому они относятся. В большинстве своем послелого являются вторичными, восходящими к различным разрядам знаменательных слов. Собственно послелогов в говоре немного. К ним можно отнести, например, такие, как *толб* 'для, ради, за', *тухā* 'о, относительно', *мет* 'как, подобно, словно' и некоторые другие.

Основную массу послелогов составляют те, которые образовались на базе разных частей речи — в основном имен существительных, наречий и редко глаголов, которые, утрачивая лексическую и синтаксическую самостоятельность, употребляются в качестве послелогов. Однако значение послелого не может быть реализовано вне связи с падежной формой имени. Значения послелогов выступают отчетливее, если они рассматриваются в сочетании с управляемыми ими именами.

В говоре зафиксированы послелого, которые требуют постановки имен в родительном, исходном, совместном падежах, а также в форме основы.

Послелого с основой имени:

дёр имеет пространственное значение — местонахождение предмета на чем-либо (на поверхности чего-либо), например: *гер дёр бӯ гарā* 'не залезай на крышу дома'; *ене шрб дёр бэсан ј1м хā бэ1н?* 'где та вещь, которая лежала на этом столе?';

д̄бр указывает на местонахождение предмета под чем-либо, например: *тер үссен д̄бр хөстл̄е* 'он лежал под сеном'. Хорчины произносят это слово так, как зафиксировано в СПМЯ — *doors*, т.е. с долгим гласным;

дотор употребляется в пространственном значении, но с оттенком направленности действия внутрь чего-либо (в, внутри...) или с оттенком «среди, в кругу», например: *јрсен улс гер дотор сун̄а* 'приехавшие сидят в доме'; *енд јрсен улс дотор Бату бас б̄эн* 'среди прибывших есть и Бату';

мет употребляется при уподоблении со значением 'как, словно, подобно': *шас мет шаг̄ан* 'белый, словно снег'; *дала мет үн* 'глубокий, словно океан-море';

Эдал 'как, подобно, одинаково': *елджн эдал мал* 'животное наподобие осла'. Хорчинский говор показателен тем, что в нем послелог *эдал* управляет также и именем в дательном-местном падеже: *шамд эдал* 'подобно тебе'; *м̄дронд Эдал* 'подобно лошади';

хүртел 'до' указывает на предел распространения действия во времени и в пространстве, например: *шн нэм̄с̄т̄ јус сар хүртел хүл̄е* 'ты жди меня до сентября месяца'; *гер хүртел эр̄тн гаджр б̄эн* 'до дома порядочное расхождение';

Послелоги с родительным падежом:

д̄бр и *дотор* 'в, внутри' указывают на местоположение предмета, например: *харанд̄ашн̄к шр̄ен д̄бр хөстн̄е* 'твой карандаш лежит под столом'; *гер̄н дотор хен б̄эн?* 'кто находится внутри дома?';

дунд 'в, среди': *гер̄н дунд сун̄а* 'сидит в центре юрты', но *олн̄э дунд* 'среди общества людей';

х̄оронд 'между': *гер̄н х̄оронд* 'между домами'; *бада шанх̄н х̄оронд ид̄д-л̄эн* 'ест, не дожидаясь, пока сварится пища';

ард 'позади': *мал үл̄н ард ид̄едж јаван* 'скот пасется позади горы (за горой)';

оронд 'вместо': *шн мн̄н̄ оронд ош̄дд јр* 'ты поезжай вместо меня';

дара 'после': *терн̄э дара гара* 'ты выйди после него'; *ус үсн̄э дара дамү үдж̄е* 'после того как попил воды, стал курить';

х̄эн 'после': *нег сар̄н х̄эн...* ('после месяца...');

тол̄ө 'за, ради, для': *ард̄н тол̄ө темшн̄* 'борется ради аратов'; *ех орн̄э тол̄ө хүш̄ен гартан* 'отдает все силы за родину';

тух̄а 'о, насчет, относительно': *аз̄н тух̄а јсралшав* 'говорили насчет старшего брата'. Здесь приведены наиболее употребительные послелоги, часто встречающиеся в разговорном языке.

Послелоги с исходным падежом встречаются редко, нами зафиксировано лишь *урт* 'до, до того как': *нарн̄ас урт босл̄ө* 'встал до восхода солнца'; *борд̄ орх̄ос урт джавар хөдөлл̄ө* 'до того как идти дождю, поднялся ветер'.

Послелоги с совместным падежом также редки. К ним относятся:

хамт 'с, вместе': *мн̄н̄ х̄ү нег хүнш̄э хамт јрдж̄э* 'мой сын приехал вместе с каким-то человеком'; *тер Алтансаңт̄э хамт јавла* 'он уехал вместе с Алтансаном';

эдал 'подобно': *тер шамт̄э эдал шадалт̄э* 'он такой же сильный, как и ты';

Союзы. В говоре представлено незначительное количество союзов, известных из СПМЯ. К ним относятся: *бā 'и', бәгәд 'и, да', болон и болбд 'и', мөртөн 'а', 'хотя'*, которые используются в основном для связи однородных членов предложения. Примеры: *биден мал бā хөгөн теги өсгөн* 'мы одинаково разводим и крупный скот и овец'; *емел бā хаджаран найсан орул* 'внеси сюда седло и уздечку'; *тер хүн джалу бәгәд шикхә* 'этот человек молодой и стеснительный'; *ајаг болон шанган дөшөн, шредер төв* 'чашки и разливательную ложку положи наверх, на стол'; *ш гертес малаг болбд бәлг эштр* 'ты принеси из дому шапку и рукавицы'; *дүмн бага мөртөн эмтга* 'мой младший брат молодой, а робкий'.

Следует отметить, что союзов в говоре мало, встречаются они в разговорной речи редко.

Частицы. В говоре встречаются достаточно часто и придают дополнительные модальные оттенки значениям отдельных слов, словосочетаний и предложений. Частицы делятся на следующие группы.

Вопросительные:

а) *Г* употребляется с изъявительными формами (в основном с глаголом настоящего-будущего времени на -нā): *шг магаш жагн?* 'едешь ли ты завтра?'; *тер шәган үджән?* 'пьет ли он чай?'; *әв бадаган иджджән?* 'ест ли отец свою пищу?'. Частица *Г* встречается также и при имени существительном: *ене танә хүр?* 'это ваш скот?';

б) *ү* ставится после формы прошедшего времени: *аджә хоршон дәр ошджү?* 'ходил ли отец в кооператив?'; *тер ерт жаджү?* 'рано ли он уехал?'; *шг махан иджджү?* 'ты поел мяса?';

в) *ө, бг (өг), бā* встречаются с именами и причастиями: *тер хенг моров?* 'тот чей конь?'; *тā хедг малтг бг?* 'сколько у вас скота?'; *тер дгс шинг бā?* 'тот пояс твой?'; *тā хеджг ирсен бг?* 'когда вы приехали?'. Как видно из примеров, все они стоят в конце слова, к которому относится вопрос.

Отрицательные:

1) препозитивные: а) *үл* употребляется в основном с формой причастия на -л: *үл бүтөх һмнә үгәр бү үг хг* 'не стоит принимать во внимание слова человека, который не выполнит обещание'; б) *ес* в говоре встречается редко, в основном перед формами причастий: *ес бүссенәр бү ашлā* 'из-за того что не исполнилось [намеченное], не расстраивайся'.

2) постпозитивные: а) *үгү* (*үгүг*) встречается в основном с отдельными формами причастий и деепричастий: *тер херсанүг* 'он не пошел домой'; *багш жадж үгүг* 'учитель не уехал'; б) *дэ* (< письм. монг. *ödül, düi* 'еще не') употребляется с формой причастия настоящего времени: *бг бас олддэ* 'я тоже еще не нашел'; *тер серүддэ* 'он еще не проснулся'.

Частицы запрета: *бү* — препозитивная частица, встречающаяся лишь при повелительно-желательных формах: *усанд бү орд* 'не входи в воду'; *шг бү үр хүрэд бэ* 'ты не злись'.

Утвердительные:

а) *л:* *ене ушгг тер л меден* 'причину этого именно он знает'; *ах шг өсн л ула* 'брат вдоволь напился чаю';

б) *шү: нохб хаджан шү, бү гар хур* — не трогай, укусит собака*; *тер сүсан мнї дү шү* — тот, сидевший, — мой младший брат*;

в) *дā: шт хурдан јавās дā* — ты скорее поезжай*; *тā хуралд орбс дб* — ты пойди на собрание*; *хү нег гуа јден дб* — мальчик ест дыню*; *малан шашан хб-јбс дб* — отгони подалее свой скот*.

Уступительные:

а) *ш* ставится отдельно от слова: *енї .би ш шатхүг* — это и я не смог бы сделать*; б) *шаг (шүлү, шүлтг)*: *хенї үгїт шаг сонсохүг* — хотя никого (букв. ничьих слов) и не слушает*. Этимология частиц *шүлү, шүлтг* остается пока неясной.

Частица одобрения *джг*, например: *шї мангд ошбд мнї ном авад јрб*. — *джг, би авад јрјб* — ты сходи к нам и принеси мою книгу. — Ладно, я принесу*. В основном эта частица употребляется при ответе на просьбу старших.

Частица сомнения *бā*, например: *тер гертбс гардж јавсан танг аджг бā* — тот, который вышел из дома, ведь ваш брат*; *ене үдер шнтн долбн бā?* — «сегодняшний день не седьмое ли число месяца?»

Междометия служат для выражения чувств и побуждения. В говоре зафиксирована лишь группа междометий, передающих чувства:

а) *б, г* выражают чувство сожаления, досады, пренебрежения: *б, хгран хүн!* — о! несчастный человек!*; *г, шї јү ш хгдж шадхүг* — эх, ты ничего не умеешь делать*;

б) *вāш (дā)* выражает чувство сожаления: *вāш, тā јамар амар үгүг хүн!* — ай! какой вы беспокойный человек!*;

в) *пү* выражает чувство отвращения: *пү, јамар мүхā үнер јлмї* — фу, какой отвратительный запах*;

г) *јā, јā — јах* выражают чувство сильной боли: *јā, гармн тев, вадджгн!* — ой! выпусти руку, больно*;

д) *јї-јї* выражает чувство удивления, восхищения: *јї-јї, үджидж өг!* — ой, посмотри-ка!*

е) *ш-шї* выражает чувство неприятного ощущения холода: *ш-шї, ене үдер јамар хүтен үдер јлмї* — брр, какой сегодня холодный день*. Все перечисленные междометия являются производными.

ДЖАСАГТУСКИЙ ПОДГОВОР

Хошун входил в состав Хулунбуирского и Джеримского аймаков. Речь жителей хошуна Джасагту-ван сохраняет некоторые отличия, обусловленные его территориальным положением, что позволяет выделить его в качестве отдельного подговора.

Особенности фонетики. Гласный *б* СПМЯ в джасагтуском подговоре часто отражается в виде более узкого огубленного гласного *ү^б*:

⁶ Речь племен хорчин, джарут и горлос в основном одинакова. Состав гласных и согласных звуков в них также одинаков, но в произношении каждого из них заметны некоторые отклонения.

	Дархан	Джасагту	Джарут	Горлос
<i>öndür</i> 'высокий'	үндер	үндер	үндер	үндер
<i>ölügel</i> 'люлька'	үлгї	үлгї	үлгї	үлгї
<i>dörüge</i> 'стремя'	дүрē	дүрē	дүрē	дүрē

Однако в зависимости от произношения носителей того или другого говора гласный *ö* может реализоваться и как *o*, и как *γ*. Ср., например: *tönggün* 'серебро', дархан *мун(ен)*, джасагту *мөң(өн)*, жарут *мүн(ен)*, горлос *мөң(өн)*.

Благодаря влиянию аффрикат *ʃ* и *ʂ* гласный *e* первого слога слова в хорчинском говоре в целом (т.е. в говоре и подговоре) имеет тенденцию перехода в более узкий гласный *i*, например:

	Джасагту	Джарут	Горлос
<i>ʃabseg</i> 'оружие'	дживсег	дживсег	дживсег
<i>ʂeʂen</i> 'мудрый'	шшн	шшн	шшн

В небольшом количестве слов старописьменному монгольскому *u* соответствует в говоре гласный *o*. Аналогичное наблюдается и в речи жарут и горлос, например:

	Хорчин	Джарут	Горлос
<i>buda-</i> 'красить'	бодо-	бодо-	бодо-
<i>mungqay</i> 'невежественный'	моңхой	моңхой	моңхой

В отличие от них в джасагтуском подговоре старописьменный монгольский *u* сохраняется. Подобное заметно и в речи горлос, например:

	Джасагту	Горлос
<i>bulaγ</i> 'родник'	булаг	булаг
<i>subud</i> 'жемчуг'	субд	субд

В хорчинском говоре и джасагтуском подговоре не имеет места перелом гласного *i* в следующих словах:

	Хорчин (дархан), Джасагту
<i>kl̥ɣaɣalɑŋ</i> 'четырёхгодовалый' (о животных)	хиджялаң
<i>bl̥teγü</i> 'канун Нового года'	бтү
<i>bl̥leγü</i> 'точильный камень'	блү
<i>sl̥reγün</i> 'грубый'	шрүн
<i>kl̥l̥ɣasun</i> 'волос (конский)'	хлгас(ан)

В речи горлос вместо хорчинского *шалдж* 'клещ (накожный)'¹ произносят *шлдж*.

Замечается переход СПМЯ *ɣ* или *g* перед согласными *t*, *ʂ* и *s* (*ʂ*) в хорчинском говоре и джасагтуском подговоре в спирант *x*. Примеры:

	Хорчин	Горлос
<i>maɣta-</i> 'хвалить'	махта-	махта-
<i>aɣsum</i> 'буйство'	ахсам	ахсам

Однако иногда и в самом хорчинском, и в речи горлос γ или g остаются без изменения:

<i>joγsoγa-</i>	‘прекращать’	<i>джоxсō-</i>	<i>джогсō-</i>
<i>γigsi-</i>	‘испытывать отвращение’	<i>джигшi-</i>	<i>джигшi-</i>

В джасагтуском подговоре известны чередования:

а) вместо аффрикаты γ в нем употребляется иногда взрывной согласный δ , например: *degüŋte-* ‘привесить’, в джасагту *δудле-*, в горлос — *δүджле-*;

б) в небольшом количестве слов вместо n встречается $ŋ$:

		Джасагту	Горлос
<i>nabčl</i>	‘листья’	<i>лэвш</i>	<i>лэвш</i>
<i>neβte</i>	‘сквозь’	<i>лест</i>	<i>лест</i>

в) несколько изолированным представляется чередование в хорчин и джасагту согласных n/γ :

		Хорчин (дархан)	Джасагту
<i>inlyedün</i>	‘смех’	<i>иḿδ(ен), iγḿδ(ен)</i>	<i>иḿδ(ен), iγḿḿ</i>
<i>sonln</i>	‘новость, весть’	<i>сōнл, сōγл</i>	<i>сōнл, сōγл</i>
<i>ünür</i>	‘запах’	<i>үнер, үγер</i>	<i>үнер, үγер</i>

Слово *iγḿḿ* ‘смех’ кроме джасагтуского подговора зафиксировано еще в речи горлос.

В небольшом количестве слов наряду с образованием долгого гласного сохраняется интервокальный согласный, например:

		Хорчин (дархан)	Джасагту
<i>sigüderl</i>	‘роса’	<i>сүгдер</i>	<i>сүдер</i>
<i>boγumta</i>	‘преграда’	<i>боγōмт</i>	<i>бōмт</i>
<i>barsγan</i>	‘скарьб’	<i>барγāн</i>	<i>барγāн</i>
<i>aγalŋl</i>	‘паук’	<i>аγāлдж</i>	<i>аγāлдж</i>

За пределами хорчинских хошунов харчины и туметы Джостуского аймака произносят слово «паук» как *аγāлдж*, монголы хошуна Джалайт — в форме *аγāлдж*. Дурбеты и горлосы отличаются несколько особым произношением его — как *аγāлдж*.

Соответствие СПМЯ аффрикаты $č$ в позиции перед l и остальными гласными джасагтускому спиранту $ш$ сближает последний с хорчинским говором. Эта характерная черта присуща также речи джарут и горлос.

<i>čilüge</i>	‘свободное время’	<i>шөлḿ</i>	<i>шөлḿ</i>	<i>шөлḿ</i>
<i>čtsün</i>	‘кровь’	<i>шус(ан)</i>	<i>шус(ан)</i>	<i>шус(ан)</i>
<i>čog</i>	‘горящий уголь’	<i>шог</i>	<i>шог</i>	<i>шог</i>
<i>čarča-</i>	‘охлаждаться’	<i>шарша-</i>	<i>шарша-</i>	<i>шарша-</i>

Мы уже отмечали, что широкое употребление спиранта $ш$ служит известным критерием для выделения хорчинского говора среди всех остальных говоров и диалектов. В настоящее время представляется возможность точно установить границы распространения спиранта $ш$. Помимо хорчин к γ -говору

близки джасагтуский и джалайт-дурбетский подговоры и речь племен джарут, северных и южных горлос.

Особенности морфологии. Характерной чертой склонения в джасагтуском подговоре является наличие направительного падежа. Об образуется прибавлением к основе имени суффикса *-джү*, восходящего к последлогу *джүг* (имени со значением «сторона, направление»). Если в речи хорчин (дархан) *джүг* встречается в полной форме (например, *шĭ джан джүг үджэ* «ты посмотри на гору») и отдельно от слова, то в джасагтуском подговоре он, приобретая долготу, пишется слитно, как любой падежный суффикс, например: *манэ мбрĭд усанджү ĭрлэ* «наши кони пришли к водопою»; *тер нох надджү ĭрлэ* «та собака прибежала ко мне»; *минĭ ахĭн хон худаджү јавлэ* «овцы моего брата направились к клодцу».

Последлог *урү* употребляется так же, как и в хорчин, например: *тер мбртэ хүн Эл урү ордж ĭрджэ* «тот всадник въехал в селение». Здесь *урү* сохраняет свое последложное значение. То же самое и в джарутской речи: *хад урү унлэ* «упал с горы»; *гер урү орлэ* «вошел в дом».

В отличие от говора в джасагтуском подговоре сохраняются две формы порядкового числительного. Помимо единого для говора и подговора суффикса *-дугәр* (например, *урав* «три» — *уравдугәр* «третий») в джасагтуском подговоре имеется суффикс *-дахи*, который по типу порядковых числительных в бурятском языке пишется слитно. Примеры:

	Хорчин (дархан)	Джасагту
	<i>негдугәр</i> «первый»	<i>негдугәр, негдахи</i>
	<i>дүревдугәр</i> «четвертый»	<i>дүревдугәр, дүреведахи</i>
	<i>тавдугәр</i> «пятый»	<i>тавдугәр, тавдахи</i>

В речи джарут и горлос суффикс *-дахи* не зафиксирован, как джаруты, так и горлосы используют суффикс *-дугәр*: *гушдугәр* «тридцатый», *јисдугәр* «девятый» (джарут) и *тавдугәр* «пятый», *долбодугәр* «седьмой» (горлос).

Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа *бĭ* «я», *шĭ* «ты» также сохраняют супплетивные основы косвенных падежей. Ср. следующую парадигму:

1-е л. ед.ч.	Джасагту	Джарут	Горлос
Им.	<i>бĭ</i>	<i>бĭ</i>	<i>бĭ</i>
Род.	<i>минĭ</i>	<i>минĭ</i>	<i>минĭ</i>
Дат.-местн.	<i>нәд</i>	<i>нәд, намәд</i>	<i>нәд</i>
Вин.	<i>мәнәг</i>	<i>мәмәг</i>	<i>мәмәгт</i>
Исх.	<i>нәдәс, надәс</i>	<i>нәдәс, намәс</i>	<i>нәдәс</i>
Орудн.	<i>надәр</i>	<i>надәр</i>	<i>нәдәр</i>
Совм.	<i>надтә</i>	<i>надтә</i>	<i>нәдтә</i>

2-е л. ед.ч.	Джасагту	Джарут	Горлос
Им.	<i>шĭ</i>	<i>шĭ</i>	<i>шĭ</i>
Род.	<i>шинĭ</i>	<i>шинĭ</i>	<i>шинĭ</i>
Дат.-местн.	<i>шамд</i>	<i>шамд, шамәд</i>	<i>шамд, шәмәд</i>
Вин.	<i>шәмәг(г)</i>	<i>шәмәг</i>	<i>шәмәгт</i>

Исх.	<i>шам̄ас</i>	<i>шэм̄э̄т̄ас</i>	<i>шэм̄э̄т̄ас</i>
Орудн.	<i>шам̄ар</i>	<i>шам̄ар, шам̄аг̄ар</i>	<i>шэм̄э̄т̄ар</i>
Совм.	<i>шам̄т̄</i>	<i>шам̄т̄, шам̄ат̄</i>	<i>шэм̄э̄т̄</i>

Местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа не имеют отличий внутри говора, хорчины, жаруты и горлос произносятся их одинаково.

Система глагола в джасагтуском подговоре та же, что и в хорчинском говоре. Существенных различий ни в образовании, ни в значении и употреблении их не наблюдается.

Здесь мы обращаем внимание лишь на те немногие черты, которые не были учтены при общей характеристике хорчинского говора. Эти же особенности типичны и для джасагтуского подговора.

В хорчинском говоре и подговоре джасагту, а также в речи жарут встречается суффикс *-агаг* (*-ага*), образование и значение которого пока не ясны. См. примеры: *ш̄т̄ өне эджл̄ хич̄өтөв* 'сделать бы тебе эту работу'; *ш̄т̄ гертөн нег суг̄агаг* 'посидеть бы тебе немного дома' (джасагту); *бид тер̄агаг̄ан үджө-тег̄я* 'посмотреть бы нам свои посева'; *бид эшр̄сан бадаг̄ан иджжгаг̄а-таг̄я* 'покушать бы нам принесенную пищу' (жарут).

В говоре и подговоре, а также в речи жарут употребляется глагольная форма *-лаг̄ӯс̄*, состоящая из *-лаг̄* и отрицания *үс̄*. Семантика *-лаг̄* не совсем ясна. Может быть, *-лаг̄*, присоединяемый к основе глагола, представляет собой суффикс, образующий отглагольное имя с отвлеченным значением типа «делание», «хождение», «говорение». В джасагтуском подговоре зафиксированы примеры: *ш̄т̄ жавлаг̄ӯс̄* 'ты не ходи'; *та м̄р̄он өлөг̄ӯс̄* 'вы не отдавайте своего коня'; *т̄им бол ш̄т̄ х̄лөг̄ӯс̄* 'если так, ты не делай'.

Во всех говорах и диалектах известна глагольная форма на *-л* + отрицание *үг̄ӯс̄*, например: *өнг̄ хелл̄ үг̄ӯс̄ болх̄ӯс̄* 'не сказать об этом нельзя'; *тер̄ хүнш̄н х̄л̄ үг̄ӯс̄ жавш̄ндж̄* 'оказывается, он уехал, не закончив работу'.

Однако между указанными выше двумя формами есть и отличие. Записанные в говоре примеры говорят о том, что глагол с *-лаг̄ӯс̄* замыкает предложение, за ним не следует другое слово или частица.

Обратим внимание на еще одно глагольное образование. Здесь речь идет о группе глаголов с суффиксом *-сиг̄* (несамостоятельная форма на *-с* + *г̄* - 'говорить' или *х̄г̄* - 'делать').

В подговоре и хорчинском говоре зафиксировано несколько примеров на глаголы движения и состояния с суффиксом *-сиг̄*. Присоединяясь к основе подобных глаголов, суффикс *-сиг̄* несколько видоизменяет лексическое значение исходной основы, ср.: *тер̄ эрх̄т̄ хал̄ул* 'подогрей то вино' — *тер̄ эрх̄т̄ хал̄улсиг̄* 'немножко подогрей то вино'; *ш̄т̄ ам̄р̄а* 'ты отдохни' — *ш̄т̄ ам̄расиг̄* 'ты немножко отдохни'; *т̄а энд̄ хүл̄э* 'вы подождите здесь' — *т̄а энд̄ хүл̄эсиг̄* 'вы немножко подождите здесь'; *ш̄т̄ ураг̄ш̄ан̄ жав* 'ты пройди вперед' — *ш̄т̄ ураг̄ш̄ан̄ жавсиг̄* 'ты немножко пройди вперед'. Эти соотносительные пары глаголов передают разные действия. В данном случае суффикс *-сиг̄* привносит в глагольную основу значение кратковременности, ограниченности действия. Это своеобразное недолго длящегося действия, протекания его в ограниченных пределах лишней раз подчеркивается в хорчинском постановкой перед глаголом на *-сиг̄*

таких поясняющих слов, как *нег бага* 'немного, немножко', например: *шэган нег бага халулсгэд авад ир* 'немного подогрей чай и носи его сюда'.

Мы уже отмечали, что типичным для разговорной речи является наличие предварительного деепричастия на *-нар̄ан*, которое встречается во всех говорах и подговорах восточного диалекта.

В Ъговоре и джасагтуском подговоре часто глаголы с суффиксом *-нар̄ан* могут быть заменены:

а) глаголами на *-сэр* (продолжительное деепричастие): *би тер хүнī үссэр тэнджэ* (*би тер хүнī үджнэрэн тэнджэ*) 'как только увидел того человека, я (тут же) узнал его';

б) глаголом в прошедшем времени с последующим за ним глаголом *ге-* (в переносном значении 'полагать, решить') в форме продолжительного деепричастия: *бид хеллэ гесэр медджигджэ* (*бид хелнэрэн медджигджэ*) 'как только мы сказали, нас поняли'; *ши ирөө гесэр бид јаван* (*ши ирнэрэн бид јаван*) 'как только ты придешь, мы пойдём'.

При втором варианте характерно то, что вспомогательный глагол *ге-* может быть опущен, ср.: *-ендэс нутаг хүртел хол?* 'далеко ли отсюда до кочевий?'; *хол үгүэ, мүн дөр гарла* (вместо ожидаемого *гарнар̄ан, гарла гесэр*) *хүршиген* 'нет, недалеко. Как только спуститесь вниз, считайте, что вы уже добрались'; *мин ах эрх дахүгэ, нег бага үвэ* (вместо ожидаемого *үнэр̄ан, үвэ гесэр*) *сохон* 'мой брат не выносит алкогоя, как только немного выпьет, становится пьяным'.

ДЖАЛАЙТ-ДУРБЕТСКИЙ ПОДГОВОР

Носители джалайт-дурбетского подговора живут в разных местах: джалайты — на территории Хулунбуирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия, а дурбеты — в провинции Хэйлуцзян, за пределами Внутренней Монголии.

Джалайты составляют население одного хошуна под наименованием Джалайт. Хошун граничит на севере с селонами Хулунбуирского аймака, на востоке — с дурбетами, на юге — с горлосами провинции Хэйлуцзян, а на западе — с хорчинами. Джалайты много веков живут рядом с хорчинами западного крыла (Гуше-гун, Джасагту-ван).

Дурбеты также составляют один хошун, граничащий на севере, востоке и юге с провинцией Хэйлуцзян, а на западе — с джалайтами Хулунбуирского аймака.

Особенности вокализма и консонантизма. Состав гласных звуков джалайт-дурбетского подговора не отличается от хорчинского говора. В нем гласные первого слога *а* и *о* благодаря влиянию гласного *і* второго слога развились в гласные переднего ряда *э* и *ө*. Примеры: *taklya* 'курица', *alčiγar* 'платок', *qoni* 'овца', *γari-* 'стремиться' — джал.-дурб. *тэхэ, эшүр, хвн, джөрї-*.

Если дифтонги *ai* или *oi* СПМЯ в конце слова отражаются в джалайт-дурбетском говоре как долгие *э̄* или *ө̄*, то гласными первого слога стано-

вятся соответственно краткие гласные *ɛ* или *ö*, например: *dalal* 'океан', *ɣa-gal* 'лицо', *orol* 'поздно', *qotal* 'подол' — джал.-дурб. *дэлэ̄*, *шэрэ̄*, *өрө̄*, *хбрмө̄*.

Характерная для всего хорчинского говора фонетическая особенность — развитие аффрикаты *č* (как перед гласной *i*, так и перед остальными гласными) в спирант *ш* — является общей и для джалайт-дурбетского подговора. Джалайты и дурбеты на месте старописьменной монгольской аффрикаты *č* и спиранта *s* произносят лишь один спирант *ш*, что сближает их речь с речью хорчин. Примеры: *qayučin* 'старый', *čisun* 'кровь', *temeče-* 'бороться', *bičaγa-* 'возвращать', *navči* 'листья' — джал.-дурб. *хүшн*, *шут(ан)*, *темши-*, *буша-*, *лэвш.*

Одной из типичных черт подговора является отсутствие в составе согласных звуков переднеязычного согласного — спиранта *s*, известного во всех остальных говорах Внутренней Монголии, а также и во всех других монгольских языках.

Употребление вместо него взрывного *t* придает речи джалайт-дурбет исключительное своеобразие, выделяя в этом отношении джалайт и дурбет среди всех остальных монголов.

Обилие слов со взрывным *t* становится четко различимым признаком, определяющим подговор в целом. Остается, однако, неясным, был ли он с самого начала *t*-подговором, или это результат более позднего развития, когда *s* был заменен на *t*.

Хорчин	Джалайт-дурбет
<i>сар</i> 'луна, месяц'	<i>тар</i>
<i>сурга̄л</i> 'школа, учеба'	<i>турга̄л</i>
<i>шас(ан)</i> 'снег'	<i>шат(ан)</i>
<i>согтү</i> 'пьяный'	<i>тогтү</i>
<i>асүлт</i> 'вопрос'	<i>атүлт</i>
<i>солгө</i> 'левша'	<i>толгө</i>
<i>джохсо-</i> 'стоять'	<i>джохто-</i>
<i>джагас(ан)</i> 'рыба'	<i>джагат(ан)</i>
<i>солі-</i> 'менять'	<i>төлі-</i>
<i>соңсо-</i> 'слышать'	<i>тоңто-</i>
<i>босо-</i> 'вставать'	<i>бото-</i>
<i>тусла-</i> 'помогать'	<i>тутла-</i>

Имеется лишь несколько слов, где вместо ожидаемого *t* встречается *д* (в конечной позиции), например:

	Хорчин	Джалайт-дурбет
<i>γes, γis</i> 'медь, медный'	<i>джис</i>	<i>джид</i>
<i>bös</i> 'ткань, материя'	<i>бүс</i>	<i>бүд</i>
<i>gerγes</i> 'завет, завещание'	<i>герөд</i>	<i>герөд</i>
<i>qubčasun</i> 'одежда, платье'	<i>хөтос(он)</i>	<i>хүвшад</i>

Из аффрикат известна только *дж*. Старописьменная монгольская аффриката *č* как перед гласной *i*, так и перед остальными гласными остается в подговоре без изменения, т.е. сохраняет свой шипящий характер. Примеры:

Үобә- 'мучиться', аяҗауар 'уздечка', Үҗуууан 'шесть', Үсүм 'ломоть, кусок',
 ауайҗи 'паук', Үгууа 'иноходь' — джал.-дурб. *джово-, хеджәр, джурга(н),*
джутем, ат алдж, джорб.

Особенности морфологии. Множественное число образуется так же, как в хорчинском говоре, используются те же суффиксы. Следует лишь отметить, что в подговоре суффикс *-т* не имеет самостоятельного употребления, он выступает вместе с другим, в удвоенном виде как *-түд*, например: *ноҗи* 'нойон, князь' — *ноҗтүд*; *ем* 'женщина' — *емтүд*. Ср. во фразах: *тершиң иҗтүд дахад јаотми?* 'последовал ли он за взрослыми?'; *шулардҗ бетан ертүдиң јаҗтми?* 'куда делись мужчины, которые стояли группой?'.
 В результате определенных фонетических явлений некоторые падежные формы в подговоре принимают своеобразный облик. Винительный падеж не имеет суффикса *-и*, в нем могут встречаться или *і*, или *-иі*; первый вариант присоединяется к основам имен, оканчивающихся на все согласные, а второй — к основам на долгие гласные: *мөд*, *мод(он)* 'дерево' — *мөді*, *моді*; *гер* 'дом' — *гері*; *уат(ан)* 'нитка' — *уаті*; *дү* 'младший брат' — *дүі*; *шулу(н)* 'камень' — *шулуі*.

Исходный падеж в джалайт-дурбетском образуется суффиксом *-ат*, соответствующим хорчинскому *-ас*: *шаг* 'время' — *шаг ат*; *гол* 'река' — *голь ат*; *гер* 'дом' — *гер ат* (*бид ене голнь ат у аван* 'мы берем воду из этой речки'; *тершиң емшәт джалтан ем* 'то — лекарство, прописанное врачом'; *шатат шаган иҗм?* 'разве это белее снега?'; *деңнәт бахан холө тү* 'сядь подальше от лампы').

В джалайт-дурбетском зафиксирован суффикс направительного падежа *-джү*. Он имеется в речи носителей джасагтуского подговора, территориально наиболее близкого к джалайтам. Примеры: *тер хүн мәнә герджү јауджән* 'тот человек идет по направлению к нашему дому'; *тугалд голджү јавлә, ши гарад үджешн* 'телята направились к реке, выйди и посмотри (что с ними)'; *тер худадджү јавлә* 'он отправился к колодцу'.
 Имя числительное отличается незначительными фонетическими особенностями. Ср.: хорч. *јүс(ен)* 'девять' — джал.-дурб. *јүт(ен)*. Обращает внимание наличие в подговоре нескольких счетных слов, сходных с такими же в хорчинском говоре. Несколько примеров из дурбетского: а) *толог* 'штука (голова)' для счета животных, но здесь относится к овощам: *бид тер джил джун толог туауда авлә* 'в том году мы получили сто головок чеснока'; б) *уҗ* 'корень' (для растений, овощей): *Батунахан шаган ногө мәнән уҗ авав* 'семья Бату получила тысячу кочанов капусты'; в) *бөлт* 'связка' (для растений): *хөрон бөлт үвт хаддҗә* 'накосили двадцать связок травы'; г) *ге(р)* — для счета сигарет: *нег ге(р) дамаҗ үҗә* 'выкурим по одной сигарете'.
 Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа *би* 'я' и *ши* 'ты' в косвенных падежах имеют небольшие отклонения от джасагтуского подговора:

Им.	<i>би</i>	<i>ши</i>
Род.	<i>миі</i>	<i>шиі</i>
Дат.-местн.	<i>над</i>	<i>шамд</i>
Вин.	<i>манә, мәнәі</i>	<i>шә мә, ш әмәі</i>

Исх.	надат	шамат
Орудн.	надар	шамар
Совм.	надтэ	шамтэ

В падежах дательного-местного, исходного, орудного и совместного употребляются основы *над-* (*над-*) для 1-го лица, *шам-* для 2-го лица, к ним присоединяются суффиксы соответствующих падежей. Все остальные разряды местоимений в хорчинском говоре и джалайт-дурбетском подговоре образуются и употребляются одинаково.

Некоторые глагольные категории в джалайт-дурбетском подговоре могут оформляться иначе, чем в хорчинском, в зависимости от фонетических изменений. Отдельные суффиксы ограничены в своем использовании.

В речи дурбет заметна предпочтительность в употреблении суффикса глагола прошедшего времени *-дж* (вместо суффикса с долгим гласным), например: *бид үшгедер јирдж* 'мы приехали вчера'; *тер шимэ јиртен хон јавдж* 'он уехал после того, как получил известие'. Однако употребительна и вторая форма глагола на *-джэ*.

Причастие прошедшего времени имеет суффикс *-тан*: *шэмэ јавтанд би байлмэ* 'я радуюсь твоему отъезду'; *минт ху хон херултаң билэ* 'мой сын пас овец'; *хоршбнд оштон улт јирджэ* 'вернулись люди, которые ездили в кооператив'.

В качестве суффикса продолжительного деепричастия употребляется *-тар*: *мортэ хүн довтолтөр јирлэ* 'прискакал верховой'; *бид малан уталтәр бэлгэд үдрт баршилджэ* 'весь день потратили на то, чтобы напоить скот'.

Редко встречается в подговоре суффикс деепричастия цели *-хүт*. Он замещается суффиксом *-ха* или *-хар*, например: *би хэталаг түхөр ошнө* 'я пойду собирать топливо'.

Типичная для восточного диалекта разговорная форма предварительного деепричастия на *-нарән* известна и джалайт-дурбетскому подговору, например: *ул гарнарән борон орож* 'как только появились тучи, пошел дождь'; *менэ јавнарән тер хүрэд јирдж* 'как только я ушел, он пришел'; *тер хэрдж јирнөрөн гал хэтәдж* 'как только он вернулся, зажег огонь'.

Весьма близкими к нему по значению являются несколько деепричастных и глагольных форм. Его замещают: продолжительное деепричастие на *-тәр* (*би тері үджтөр тгндж* 'как только его увидел, узнал'); слитное деепричастие на *-н* (*вертөн орон гарад јавшилджэ* 'как только вошел, тут же вышел из дома'); форма прошедшего времени на *-лэ* (*шт хеллэ, би ошлө* 'как только ты сказал, я пошел'). Здесь четко проявляются функциональная близость отдельных глагольных форм, переклещение и совпадение их значений. Несмотря на многие соответствия, суффикс *-нарән* бытует как один из отличительных признаков восточного диалекта.

В отличие от хорчинского говора в речи дурбет сохраняется лишь одна форма глагола *а-* 'быть'. Это форма прошедшего времени на *-джэ*, т.е. *аджэ*, например: *тер хүн тән хүн аджэ* 'тот был хорошим человеком'.

В подговоре зафиксирована и связка *билэ*: *шинт нершин хен билэ?* 'как твое имя?'; *минт мөршин тән мөр билэ* 'мой конь был хорошим конем'; *тер үшгедер јиртен билэ* 'он приехал вчера'.

В речи дурбет имеет разделительный союз *бују* со значением 'или, либо', например: *бадā бују шē* 'еда (обед) или чай'; *шагāн бују хар* 'белый или черный'. Иногда *бују* заменяет и описательная форма с отрицанием. Вместо *ногāн бују шар* 'зеленый или желтый' употребляется *ногāн бшī болул* (вместо *болбол*) *шар* 'если не зеленый, то желтый'.

Как и во всем говоре, в джалайт-дурбетском подговоре существуют разные фонетические варианты одного и того же наречного слова: *енд*, *менд* 'здесь, тут' (*шī менд бēджē* 'ты побудь здесь'); *тенд*, *метенд* 'там' (*би менд ошбд јірјē* 'я схожу туда и вернусь'); *нендēt*, *мендēt* 'отсюда' (*мендēt бӯ јав* 'отсюда не уезжай'); *метендēt* 'оттуда' (*мнī хушдī метендēt авбд јір* 'оттуда привнеси мое одеяние'); *нāшīн*, *нāшāн*, 'сюда, поближе' (*шī бӯ нāшāн*, *шāшāн јавдлē* 'ты не ходи туда, сюда'); *штāшīн*, *шāшāн* 'туда дальше' (*шī штāшāн тӯ* 'садись подальше'); *дбшīн*, *дбшāн*, 'вниз, ниже' (*бӯ унделджд бē*, *дбшāн тӯ* 'не приподнимайся, сиди внизу'); *хбн*, *хбто* 'сзади, позади' (*лмр-шнī хбн бēн* 'конь твой находится сзади (чего-то)'); *гадāн* 'вне, снаружи', 'на улице' (*гадāн борбн орджēн* 'на улице идет дождь'); *орб* 'поздно' (*би ене тун дīmī унтатјē*, *орб ботджē* 'я сегодня ночью спал неважно, [позтому] проснулся поздно'); *одб*, *мунē* 'теперь, сейчас' (*шī мунē јү хтджēн?* 'что ты сейчас делаешь?'); *врхелджтдēн*, *хеджедēн*, *нандтндāн* 'всегда, постоянно' (*ене ацā менē енд нандтндāн јіркē* 'этот ребенок всегда ходит к нам'; *шī врхелджтдēн тенд тухтмі?* 'ты всегда там будешь жить?').

Джалайт-дурбетский подговор отличает еще и характер употребления вопросительной частицы *ī*. Хотя это не является нормой, но в подговоре замечено частое использование частицы *ī*, присоединяемой к сказуемому, осложненному словом *јім*, *јүм* 'вещь, нечто, действительно'. Ср. несколько примеров: *та нар енд хурдж јіртмі?* 'вы приехали сюда?'; *ене удер шī хоршбнд оштмі?* 'был ли ты сегодня в кооперативе?'; *шамд тен хелдж өгтмі?* 'кто тебе скажет?'. При наличии вопросительного слова частица *ī* может быть опущена: *шī јү гедж хуред јірштмі?* (*шī јү гедж хуред јірштмі?*) 'почему ты вернулся?'. .

Иногда между вопросительной частицей и вопросительным словом может быть вставлена частица *ш* со значением 'не': *шī тунішјē?* 'не ты ли сидел?'; *штшн үдн бадā јденішјē?* 'разве ты не обедал?'. .

Когда имеет место самостоятельное использование *бш* 'не', то частица вопроса присоединяется к частице *бш*: *шī хбт ēлд туджстан бшī?* 'не жил ли ты в аиле, что на северной стороне?'. .

В джалайт-дурбетском подговоре зафиксирована частица запрета *бтī* 'не', которая ставится перед повелительно-желательными формами глаголов, например: *тернēr бтī хелул* 'с ним ты ничего не передавай (устно)'; *бтī үр хуре* 'не злись'; *бтī тоцто* 'не слушай'; *удāн бтī јавā* 'долго не ходи'. .

Чисто разговорной формой является частица *анā*, которая употребляется в значении согласия совершить то или другое действие. Кроме дурбет она встречается и в речи джасагту, например: *шī хоршбнд ошнү?* — *анā*, *би ошнō* 'пойдешь ли в кооператив? — Да, я пойду'; *мнī хелтнī меджджјү?* — *анā*, *меджджē* 'понял ли, что я сказал? — Да, понял'. .

ХАРЧИН-ТУМЕТСКИЙ ГОВОР

Харчины давно проживают вместе с китайцами в провинции Жэхэ, а туметы — частью в провинциях Жэхэ и Ляонин. С получением монголами своей автономии провинция Жэхэ снова вошла в состав Внутренней Монголии в качестве Джостуского аймака.

Харчины делятся на три хошуна: хошун западного, среднего и восточного крыла. Туметов два хошуна: хошун западного крыла в уезде Чаоянь провинции Жэхэ и хошун восточного крыла в уезде Фусинь провинции Ляонин.

Харчины и туметы издавна занимаются земледелием. Лучше других монголов они усвоили китайскую культуру и язык. Большинство (особенно молодежь) стало двуязычным, в некоторых местах, проживая длительно среди китайцев, они стали забывать родную речь. Общая численность населения харчин и туметов составляет 354 000 человек. Небольшая часть туметов несколько веков проживает на месте, близ г. Хухэ-Хото, центра Автономного района Внутренняя Монголия.

Особенности фонетики⁷. Состав гласных звуков харчин-туметского говора не отличается от хорчинского; в нем имеются те же гласные переднего ряда $\varepsilon, \bar{\varepsilon}, \bar{o}, \bar{y}$, которые характерны для всего восточного диалекта. Ср. несколько примеров: *qaɣʲaʲar* 'уздечка', *dalai* 'океан', *dokɣa* 'сигнал', *ɥɥɥle* 'дело, деяние' — харч.-тум. *xɛdʒɔ̄r*, *dɛɣɣ̄*, *dɔ̄xɔ̄*, *ɥ̄ɣ̄ɣ̄*.

Однако для говора характерны и некоторые специфические особенности в реализации гласных первого слога слова, которые отличают его от остальных говоров восточного диалекта.

Различие в употреблении γ , соответствующего \bar{o} СПМЯ, проходит по всем говорам восточного диалекта, составляя отличительную черту диалекта в целом, однако распределение \bar{o} и γ по говорам неодинаково, ср.:

	Хорчин	Харчин-тумет
<i>ɔ̄stɥe</i> 'месть'	<i>ɣsh̄e</i>	<i>ɣsh̄e</i>
<i>ɔ̄lɥgel</i> 'колыбель'	<i>ɣɣɣɣ̄</i>	<i>ɔ̄ɣɣ̄ɣ̄</i>
<i>ɔ̄ɕɥgedɥr</i> 'вчера'	<i>ɣsh̄ɛdɛr</i>	<i>ɔ̄ɕɣ̄dɛr, ɣɕɣ̄dɛr</i>
<i>nɔ̄gɥge. ɛdɥr</i> 'послезавтра'	<i>ɣɣ̄ɛdɛr</i>	<i>nɔ̄ɣ̄dɛr</i>

Соответствие γ СПМЯ гласному \bar{o} также типично для говоров восточного диалекта. И все же произношение γ как \bar{o} особенно отличает речь харчин и туметов. Если в остальных говорах — хорчинском и ар, хорчин-баринском — замещается лишь краткий гласный, то в отличие от них в харчин-туметском говоре древний комплекс *aɣɥ* отражается в виде долгого гласного \bar{a} :

	Хорчин	Харчин-тумет
<i>buday</i> 'краска'	<i>бодой</i>	<i>бодой</i>
<i>bulay</i> 'родник'	<i>болой</i>	<i>болой</i>
<i>aɣɣa</i> 'гора'	<i>ɣɣ̄</i>	<i>ɔ̄ɣ̄</i>

⁷ Здесь и далее используются материалы, записанные у харчин хошуна среднего крыла (уезд Нинчэн) и туметов хошуна восточного крыла (уезд Фусинь).

<i>dayun</i> 'песня'	д̄у(н)	д̄о(н)
<i>sayu-</i> 'сидеть'	с̄у-	с̄о-
<i>bayu-</i> 'спускаться'	б̄у-	б̄о-
<i>qural</i> 'собрание'	хура!	хорал
<i>bula</i> 'пух'	бул	бол
<i>burqan</i> 'бог', 'будда'	бурхан	борхон

Не менее интересным в речи харчин и туметов является своеобразная передача гласных переднего ряда \bar{d} и \bar{b} . Если СПМЯ дифтонги *ai* и *oi* в конце слова отражаются в харчин-туметском говоре в виде долгого \bar{d} , то гласным первого слога будет соответственно краткий гласный \bar{d} , тогда как в остальных говорах восточного диалекта (кроме джалайт-дурбетского) этот переход не обязателен.

	Хорчин	Харчин-тумет
<i>qormol</i> 'подол'	хорм̄о, х̄орм̄о	х̄орм̄о
<i>noqol</i> 'собака'	нох̄о	н̄ох̄о
<i>qofuqal</i> 'насекомое'	хорх̄о	х̄орх̄о
<i>soluyai</i> 'левый', 'левша'	сол̄ӣо	с̄ол̄ӣо
<i>onçayal</i> 'особенный'	онш̄ӣо	о̄нш̄ӣо

Здесь мы можем говорить лишь о некоторой тенденции в последовательности употребления \bar{d} и \bar{b} в одном слове, придающей речи харчин и туметов определенное благозвучие, своеобразие в произношении.

Вместо обычного для других говоров восточного диалекта огубленного долгого гласного \bar{y} (< сочетания *V-y-l*) в харчин-туметском говоре встречается долгий гласный \bar{l} , например:

	Хорчин	Арухорчин	Харчин-тумет
<i>küylten</i> 'холодный'	х̄ӯтен	х̄ӯтен	х̄л̄тен
<i>küylsun</i> (анат.) 'пупок'	х̄ӯс(ен)	х̄ӯс(ен)	х̄л̄с(ен)

Уже отмечалось, что в говорах восточного диалекта отсутствуют дифтонги и что появление их связано со словами, заимствованными из китайского языка, ср. *oŋua* 'арбуз'.

Материалы, записанные у харчин и туметов свидетельствует, что в единичных случаях, в основном там, где в СПМЯ в первом слоге был огубленный гласный *u*, в харчин-туметском говоре наряду с гласным *y* слышится и восходящий дифтонг *ya*. В экспедиционных материалах были зафиксированы следующие слова: *urus-* 'течь, протекать', *yurban* 'три', *urba-* 'изменять, предавать', *usun* 'вода' — харч.-тум. *уарса-*, *урса-*, *ууарав*, *уурав*, *уарва-*, *урва-*, *уас(ан)*, *ус(ан)*.

В наших записях у туметов также встречается несколько слов, содержащих дифтонг *ya*. К сожалению, нам не удалось до конца выяснить, действительно ли имеет место образование дифтонга на месте краткого гласного. Просьба к информанту повторить произнесенное им не совсем ясное в фонетическом отношении слово сбивала его, он начинал приспосабливаться, переходя на общепринятое произношение слов с гласным *y*. В туметском нами за-

фиксировано: *нās гэджир дёр уанджэ* 'бумага упала на пол'; *беден уас ав-хуг* 'мы пойдем за водой', где *уанджэ* и *уас(ан)* соответствуют в остальных говорах словам *унджэ* и *ус(ан)*.

В харчин-туметском говоре, как и в остальных говорах восточного диалекта, старомонгольская аффриката *ʃ* как перед гласным *i*, так и перед остальными гласными сохраняет свой исконный шипящий характер: *ʃigür* 'крыло, крылья', *ʃiluga* 'поводья, вожжи', *ʃöge-* 'таскать', *urʃinan ʃil* 'позапрошлый год', *qaʃayar* 'узда, уздечка' — харчин-тумет *джибер*, *джолö*, *джэ-*, *урд-шман джил*, *хэджэр*.

По сравнению с хорчинским говором и джадайт-дурбетским подговором харчин-туметский говор отличает наличие еще одной аффрикаты — переднеязычной сильной аффрикаты *ч*. Аффриката *ç* как перед гласным *i*, так и перед другими гласными остается в нем как *ч*, т.е. сохраняет шипящий характер, в то время как в хорчинском он развился в шипящий спирант *ш*, в шилингольском перед *i* согласный *ç* остается, а перед другими гласными, кроме *i*, развивается в свистящую аффрикату *çʃ*:

	Хорчин	Шилингол	Харчин-тумет
<i>uçir</i> 'случай'	<i>ушр</i>	<i>уçр</i>	<i>уçр</i>
<i>ðingna-</i> 'слушать'	<i>шанла-</i>	<i>чанна-</i>	<i>чанна-</i>
<i>temeçe-</i> 'бороться'	<i>темш-</i>	<i>темçе-</i>	<i>темçи-</i>
<i>çulbuyur</i> 'чембур'	<i>шулбур</i>	<i>чулвур</i>	<i>чулвур</i>
<i>çag</i> 'время'	<i>шай</i>	<i>çай</i>	<i>çай</i>

Однако в ослабленных позициях в шилингольском (как и в чахарском и ордосском) аффриката *ç* соответствует шипящей же аффрикате *дж*. Этого никогда не бывает в говорах восточного диалекта:

	Хорчин	Харчин-тумет	Шилингол, ордос
<i>çokl-</i> 'бить, ударить'	<i>шохл-</i>	<i>чохл-</i>	<i>джохл-</i>
<i>ðitsun</i> 'кровь'	<i>шус(ан)</i>	<i>чус(ан)</i>	<i>джус(ан)</i>

Весьма характерно для речи харчин и туметов (особенно для харчин) произношение аффрикат *дж* и *ч* (а также и спиранта *ш*) как ретрофлексных согласных, т.е. произносимых с поднятием кончика языка к вершине нёба. В записях экспедиционных групп, обследовавших речь харчин и туметов, они отмечались через *дж*, *ч*, *ш*. Следует отметить, что это в харчин-туметском говоре не самостоятельные фонемы, а лишь варианты, встречающиеся в словах с гласными заднего и переднего ряда: СПМЯ *ʃabaɣa-* 'мучить', *ʃaraɣa* 'еж', *ʃayasun* 'рыба', *çayasun* 'бумага', *siqa-* 'жать, прижимать', *qawsiya* 'забор' — харч. *джовö-* (*джовö-*), *джарä* (*джарä*), *джагасан* (*джагасан*), *нāsан* (*чāsан*), *шата-* (*шата-*), *хамä* (*хамä*).

Согласные СПМЯ *γ* и *g* перед сильными взрывным *t* и спирантом *s* соответствуют в произношении харчин и туметов согласному *х*, например: *bayta-* 'помещаться', *ʃaysoɣa-* 'останавливать', *ʃigsi-* 'испытывать отвращение' — харчин-тумет *бахта-*, *джохсö-*, *джихшл-*.

В речи туметов прослеживается одна особенная черта: консонант *х*, закрывающий конечный слог, выступает как заднеязычный *г*. Это заметно в суф-

фиксе причастия будущего времени. Нами были зафиксированы следующие примеры: *чи беденгѣ хамт жабаг дор үгүгѣ болбол хел* 'если у тебя нет желания идти с нами, то скажи'; *чи ене үдер јірег јіргүгѣ бї медхүгѣ* 'я не знаю, придешь ты сегодня или не придешь'. Вместо *жабаг* и *јірег*, обычных для этого причастия во всех диалектах Внутренней Монголии, употреблена форма *жабаг* и *јірег*. Следует, однако, заметить, что употребление *г* наряду с *х* в причастии будущего времени носит факультативный характер.

Особенности морфологии. Формы множественного числа имен существительных образуются посредством тех же самых суффиксов, что и в других говорах восточного диалекта. Но в каждом говоре мы находим те или иные слова, для образования которых используются или разные суффиксы, или суффиксы, употребляющиеся в говорах или же в СПМЯ для других имен. Примером может служить образование множественного числа имен при помощи суффикса *-д*.

«Классическим» можно считать образования множественного числа типа *адү(н)* 'табун лошадей' — *адүд*; *нох* 'собака' — *нохдс*; *мал* 'скот' — *малнүд*. Однако в речи харчин и туметов часто встречаются имена, формы множественного числа которых образуются несколько иначе, например: *нөх* 'собака' — *нөхдөв*; *гаха* 'свинья' — *гахдд*; *мал* 'скот' — *малд*.

В речи туметов не встречается суффикс множественного числа *-нүд*, вместо него употребляется *-гүд*. Впрочем, и в других говорах нередки случаи чередования этих суффиксов, но индивидуальную особенность речи туметов составляет устойчивое использование лишь формы *-гүд*:

Харчин		Тумет
<i>шрэг</i> 'стол'	<i>шрэгнүд</i>	<i>шрэггүд</i>
<i>галу</i> 'гусь'	<i>галунүд</i>	<i>галугүд</i>

Однако и в харчин-туметском, как и в остальных говорах, возможна синонимия суффиксов множественного числа, например: *малд*, *малнүд*; *гахдд*, *гаханнүд*, *гахдгүд* и т.д.

Как уже известно, в харчинском говоре показателем винительного падежа имен выступают *-г* (*-гн*), *-г* (*-гн*), а в джалайт-дурбетском подговоре — *-г* (*-гн*). Харчин-туметский говор относится к типу джалайт-дурбет и в винительном падеже имеет суффикс *-г* (после основ, оканчивающихся на любой согласный) и *-гн* (после основ, оканчивающихся на долгие гласные), например: *чи мнл дөг догрд өгө* 'ты позови моего отца'; *тер тарггт хадвал баран талс хадд* 'если будешь жать хлеб, то начни с правой стороны [пашни]'; *би ене бичгөгт оншидж бартал чи сдджг* 'ты подожди меня, пока я не закончу читать это письмо'; *енчин соргүлн герггт үджжг* 'он видел школьное здание (школу)'.
 Соединительный падеж в говоре широкого распространения не имеет. Показателем его выступает *-лг*, например: *тер глггн хамт гчджг* 'она пошла вместе с матерью'; *беден терлг жавсан јлж* 'мы ходили вместе с ним'; *теден Батулг хамт баад идджжн* 'они едят вместе с Бату'. Как и со-
 вместный падеж, его часто сопровождает послелог *хамт* 'вместе': *дүлггн хамт јрлг* 'он вернулся вместе со своим младшим братом'.

Соединительный падеж в говоре широкого распространения не имеет. Показателем его выступает *-лг*, например: *тер глггн хамт гчджг* 'она пошла вместе с матерью'; *беден терлг жавсан јлж* 'мы ходили вместе с ним'; *теден Батулг хамт баад идджжн* 'они едят вместе с Бату'. Как и со-
 вместный падеж, его часто сопровождает послелог *хамт* 'вместе': *дүлггн хамт јрлг* 'он вернулся вместе со своим младшим братом'.

В харчин-туметском говоре существуют все формы удвоенных падежей, где основами выступают родительный, совместный или дательно-местный падежи. Здесь наиболее примечательным является сохранение удвоенной формы дательно-местного и исходного падежей от существительного *гар* 'рука': *гартис* 'из рук'.

Различия в числительных основаны на фонетических особенностях. Особенно это заметно в числительном «девять», ср. харч. *јус(ен)*, джал. *јун(ен)*, шгол. *јос(ен)*, чах. *јис(ен)*, орд. *јисү(н)*, *јүсү(н)*, харч. *јис(ен)*, тум. *јис(ен)*. Лишь в речи туметов оно звучит без инициального *ј*. Как и во всех говорах, перед *јис(ен)* 'девять' числительное теряет конечный согласный *н*: *дал јис(ен)* 'семьдесят девять' (харч.), *гуч јис(ен)* 'тридцать девять' (тум.).

В речи харчин зафиксирован суффикс порядкового числительного *-дази*, который существует параллельно с более распространенным в говоре суффиксом *-дугар*: *долб(н)* 'семь' — *долбдугар* (тум.) 'седьмой' — *долбдугар*, *долодази* (харч.); *нѐм(ан)* 'восемь' — *нѐмдугар* (тум.) 'восьмой' — *нѐмдугар*, *нѐмдази* (харч.).

Обычно значение кратности передается постановкой после числительного слов *уда* 'раз' и *дэзин* 'раз, повторно': *тер хојор уда ічджѐ* 'он ходил дважды'; *ѐс нугаи дѐр гурав дэзин ічджѐ* 'отец приезжал в кочевья трижды' (тум.).

В этой связи интересным представляется зафиксированный в речи харчин суффикс *-т*, который придает значение кратности. При присоединении этого суффикса конечный *-н* числительного восстанавливается, например: *гурав* (*гурван*) 'три' — *гурвант* 'трижды'; *дөрөв* (*дөрөвөн*) 'четыре' — *дөрөвт* 'четырежды'. Факультативный суффикс *-т*, используемый в речи харчин, соответствует в СПМЯ *-та, -те*: *ниген* 'один' — *нигенте* 'один раз'; *гоуар* 'два' — *гоуарта* 'дважды'.

У туметов записано несколько счетных слов — классификаторов — и передающих единицы измерения. К ним относятся: *толиб* 'штука', 'головка' (для подсчета овощей): *ене намар менѐ хоршди менан толиб сарјасаг авджѐ* 'этой осенью наш кооператив получил тысячу головок чеснока'; *джаң* 'лист' (для счета бумаги): *арван джаң чѐс хеді хурджѐхтм?* 'сколько будет стоить десять листов бумаги?'; *сѐр* 'лунки', 'саженцы' (для подсчета овощей и деревьев): *бед тэван сѐр лѐван тѐрджѐ* 'мы посадили пятьдесят лунок моркови'; *долбн сѐр гуа* 'семь лунок дыни'; *гохчо* 'моток' (для счета ниток): *нег гохчо хар утас* 'один моток черных ниток'; *беден хојор гохчо улан утас авсан бѐнѐ* 'мы купили два мотка красных ниток', параллельно с ним употребляется и китайское слово; *джах* 'штука' (для счета одежды): *джундѐн менѐ хун бүр хојор джах ховчис хѐнѐ* 'летом каждый в нашей семье спрадляет себе по две пары одежды'; *бѐдж* 'вязанка' (для растений): *тер үдер болгон гучин таван бѐдж шүлѐ хаднѐ* 'он каждый день накашивает по тридцать пять вязанок травы на топку'.

Личное местоимение 1-го лица единственного числа сохраняет супpletивные основы косвенных падежей. Оно несколько обособляется и внутри говора:

	Харчин	Тумет
Дат.-местн.	<i>над, надад, нанд, намд</i>	<i>над</i>
Вин.	<i>нэмзѳѳ, менѳѳ</i>	<i>нэмзѳѳ, менѳѳ</i>
Исх.	<i>надѳс, нанѳс, намѳс, нэмзѳѳс</i>	<i>надѳс, нанѳс, нэмзѳѳс, менѳѳс</i>
Орудн.	<i>надѳр, нанѳр, намѳр</i>	<i>надѳр, нанѳр, намѳр</i>
Совм.	<i>нантѳ, нантѳ</i>	<i>надтѳ, нантѳ</i>
Соед.	<i>надлѳ, нанлѳ</i>	

В речи харчин и туметов сохраняются параллельные основы косвенных падежей *над-* и *нам-*, вторая из которых считается наиболее архаичной и бытующей лишь в таких монгольских языках, как могольский и калмыцкий.

В речи туметов зарегистрирована в дательном-местном падеже лишь одна основа *нам-*. В наших записях встретились примеры: *нѳ намд нег деветер эчирѳд өг* 'ты принеси мне книгу'; *тер чѳ халулс гѳд нанд авѳд јѳр* 'подогрей немного тот чай и принеси мне'.

Местоимение 1-го лица множественного числа в туметском имеет глагольный *е* вместо харчинского *і*, ср.:

	Харчин	Тумет
Им.	<i>бѳден</i>	<i>бѳден</i>
Род.	<i>бѳднѳ, манѳ</i>	<i>бѳднѳ, менѳ</i>
Дат.-местн.	<i>бѳденд, манд</i>	<i>бѳденд, манд</i>
Вин.	<i>бѳднѳ, манѳ</i>	<i>бѳднѳ, манѳ</i>
Исх.	<i>бѳднѳс, манѳс</i>	<i>бѳднѳс, манѳс</i>
Орудн.	<i>бѳднѳр, манѳр</i>	<i>бѳднѳр, манѳр</i>
Совм.	<i>бѳдентѳ, мантѳ</i>	<i>бѳдентѳ, мантѳ</i>
Соед.	<i>бѳденлѳ, манлѳ</i>	

Указательные местоимения, выступающие в роли личных местоимений 3-го лица, склоняются по типу, свойственному лишь особенностям языка восточных монголов. Как в речи харчин, так и туметов они изменяются одинаково:

Им.	<i>ене</i>	<i>тер</i>
Род.	<i>еннѳ</i>	<i>тернѳ</i>
Дат.-местн.	<i>ененд</i>	<i>теренд</i>
Вин.	<i>еннѳ, енѳ</i>	<i>тернѳ</i>
Исх.	<i>еннѳс, енѳс</i>	<i>тернѳс, терѳс</i>
Орудн.	<i>еннѳр, енѳр</i>	<i>тернѳр, терѳр</i>
Совм.	<i>енентѳ, ентѳ</i>	<i>терентѳ, тертѳ</i>
Соед.	<i>енлѳ (харч.)</i>	<i>теренлѳ (харч.)</i>

Остальные разряды местоимений одинаковы с такими же местоимениями других говоров: *хен* 'кто', *јѳ(н)* 'что', *эл* 'который', *јамар* 'какой', *хедѳ* 'сколько', *бүгд, бүр* 'все, весь' и др.

Местоимение 'сам' имеет в туметском две формы: *ѳрѳн* и *ѳсѳн*, в родительном падеже — *ѳрѳн* и *ѳсѳн*: *ѳрѳн (ѳсѳн) бада* 'своя еда, пища'.

Повелительно-желательные формы глаголов харчин-туметского говора совпадают с таковыми же хорчинского говора. В харчин-тумет-

ском говоре зафиксирован суффикс *-тай*: *чи ене элчүрї нег бодботог* 'по-красить бы тебе этот платок'; *ени емлендөн халётег* 'сказать бы об этом своей старухе'; *чи манёд нег їрётег* 'зайти бы тебе к нам'.

В 3-м лице единственного и множественного числа употребляется суффикс *-ї*, который есть во всех говорах: *тер мүнё хелег* 'теперь пусть он скажет'; *теден үджег* 'пусть они посмотрят'.

В харчин-туметском говоре имеется суффикс множественного числа субъекта действия *-джага* (харч.), *-чага* (тум.), например: *халүн чэвї бүү еромн үджага, хүлс гаран* 'не пейте много горячего чая, вспотеете'; *бүү хїтен ус учага* 'не пейте холодной воды'. Однако это не составляет нормы, так как и суффикс множественности субъекта действия во всех монгольских языках употребляется факультативно.

Употребительна форма настоящего-будущего времени на *-на* (*-н*): *тер хүн өр хүрдж яван* 'тот человек сердится'; *ене бас тнён* 'он тоже смеется'; *бї одо төрхүг* 'ичн' 'я пойду сейчас гулять'; *беден бадаган иднё* 'мы будем обедать'; *тед маатар Елд яванн* (тум.) 'они завтра поедут в гости'. В этих предложениях время действия — настоящее оно или будущее — определяется по контексту или по наличию и отсутствию слов, указывающих на время. В восточном диалекте характерным представляется существование и широкое употребление суффикса *-джэнн* (*-джэн*) в качестве показателя настоящего времени. Суффикс *-джэнн* (*-джэн*) продуктивен и в харчин-туметском: *бї дөл орджен* 'я шью шубу'; *тер өвс хаджжэнн* 'он косит сено'; *баран герїн хүгед тулгагчн хөджжэнн* 'дети из дома, что на правой стороне, гонятся за твоим теленком'.

Форма *-ө* (*-в*) употребляется редко; чаще встречается форма на *-джэ* (редко *-чэ*): *минї дүү таранд явджэ* 'мой младший брат отправился на уборку хлебов'; *мал хашгадан гарчэ* 'животные ушли из сарая'; *хүнї дөдөд асуджэ* 'позвали человека и спросили'; *сонн джүд джүлджэ* 'снился ему интересный сон'.

Деепричастия разнообразны и весьма употребительны. Часто используются удвоенные формы соединительного, слитного или разделительного деепричастия. Ср. несколько примеров из речи туметов: *ене хүн хелдж хелдж шадхүг*, *бгчїмджжэн* 'он говорит, говорит и ничего не может сказать, теряется'; *тер урт хїсен хергэн бодон бодон бїјен гемшн* 'он думает, думает о прошлом (поступке) и винит себя'; *ене хүнчнї юөд идөд тас шатхүг* 'этот человек ест, ест и никак не насытится'.

Условное деепричастие образуется при помощи суффикса *-вал*, (*-вал*). Однако в говоре встречается и чисто разговорная форма на *-үүл*, которая присоединяется к основам, оканчивающимся на долгий гласный: *чи менд сөгүүл бї сөхүгэ* 'если ты будешь сидеть здесь, я не стану сидеть'; *тер түлэ джбгүүл бї ус авга* 'если он будет носить дрова, я пойду за водой'.

В харчин-туметском говоре преимущественно распространено деепричастие цели на *-хүг*: *надхүг гарджэ* 'вышел, чтобы поиграть'; *үдер үджүүлхүг їрджэ* 'он приехал, чтобы определить благоприятный день (для свадьбы)'; *теден бада идхүг явджэ* 'они ушли, чтобы обедать'.

Уступительное деепричастие образуется присоединением к основе глагола нескольких суффиксов. Наряду с формой, совпадающей с формой СПМЯ, в говоре часто используются разговорные формы. К ним относятся: 1) *-үүл*:

ене εджлї хїҫм болн хїхүε болбоц болнб *эту работу хоть сделаешь, хоть не сделаешь — ничего не случится*; 2) —јӱч: хедї халуң үгүε болјӱч беден јад-джε *хотя было не так жарко, мы устали*; еј јагадж харјӱч бї мүне ічнē *как бы мать ни ругала, я иду*; хедї јаралтε болјӱч хурал нег хїчннē *как бы ни был занят, он соберет собрание*.

В харчин-туметском существует предварительное деепричастие на -нӱрӱн, встречающееся и в других говорах восточного диалекта: тер јирнӱрӱн бадагаң ідед јавджε *как только пришел, пообедал и ушел*; хотонд хурнӱрӱн ердӱн бї-чн јавүлджε *как только добрался до селения, тут же отправил письмо своей матери*; үл гарнӱрӱн борон орччε *как только появились облака, пошел дождь*; час орнорон дуларджε *как только пошел снег, потеплело*.

В оформлении деепричастия предела есть небольшая разница: в речи харчин деепричастие предела образуется при помощи суффикса -тар, а в речи туметов — -тал, например: борон джогстор чї мөнд сбджε *ты посиди тут, пока не перестанет дождь*; тер нар гартар унтджε *он спал до восхода солнца*; бї үд болтор чεмε хулѣдж (харч.) *я ждал тебя до полудня*; өрб болтол εдж-лӱн барјӱ (тум.) *закончим работу, пока не настал вечер*.

Как известно, в конструкции с деепричастием предела имя, передающее субъект, оформляется винительным падежом. В туметской же речи зафиксировано несколько фраз, где наименование агенса выражено местоимением в именительном падеже, ср.: чεмεгї јртел мнї бада болчннб *пока ты придешь, мой обед будет готов* и бї јртел чї мөнд хулѣджε *пока я приду, ты жди меня здесь*; чεмεгї чε бдж бартал бї теннε герт ічед јрјε *пока ты пьешь чай, я схожу к соседям* и чї таргаң үджед јртел бї үнн сачнја *пока ты осмотришь свои посевы, я подою корову*. Подобного типа построения редки и встречаются лишь в разговорной речи.

В отличие от соседнего с ним хорчинского говора в харчин-туметском встречается еще одна деепричастная форма — это -ман (-манджин). Данное деепричастие обозначает зависимое действие, которое предшествует главному, выраженному глаголом-сказуемым (указывает на причинную обусловленность действия): бї тер учрї соңсмон сε меджджε *так как я был наслышан о том (деле), я тут же (все) понял*; тер јрдж гујман бї дестрӱн сε өгджε *так как он пришел просить, я тут же отдал ему свою тетрадь*. Деепричастие на -ман (-манджин) по своему значению близко к значению предварительного деепричастия на -нӱрӱн. Слово сε *тут же* подчеркивает, что действие, передаваемое деепричастием на -ман (-манджин), и действие основного глагола-сказуемого могут быть связаны не только причинной и условной зависимостью, но и временной последовательностью: за первым действием немедленно следует другое.

В глагольном образовании замечается и такая особенность. У туметов записаны следующие фразы: одб үд болї болї геджӱн *вот-вот наступит полдень*; нар үнї үнї геджӱн *вот-вот зайдет солнце*; гал ночї ночї геджӱн *вот-вот зажжется огонь*. Здесь обращает на себя внимание следующее: эта конструкция не употребляется без глагола *гв-* в форме какого-либо времени; глагол *гв-* требует оформления предыдущего глагола показателем -ї; глагол на -ї должен быть удвоенным, ибо без этого разрушается конструкция. В це-

лом она употребляется для придания глаголу большей выразительности, усиливает значение начала, зарождения действия.

Послелог *во* во всех говорах и диалектах в основном одинаковы, но некоторые из них в харчин-туметском имеют такие отличия.

СПМЯ *dotora* 'в, внутри' в туметской речи соответствует *тотор* или *тор*: *хеден джил тотор (тор) овчинтэ болджэ* 'в течение нескольких лет он болел'; *улоин тотор (тор) самурджэ* 'среди многих (людей) сбился с толку'.

Послелог *хоронд* имеет параллельную форму *хонджир*: *бї хорор 1ер хоронд (хонджир) үйсёр ядчиджэ* 'я устал от беготни между двумя домами'; *ене хврегчин холлин хонджир болджэ* 'это дело исполнено посредственно, так себе'; *тер бүсчин холлин хонджир болджэ* 'этот пояс получился так себе, ни плохим, ни хорошим'.

СПМЯ *tursi* 'в течение' у туметов соответствует *дбсон* или *дбсон* (ср. *dayusun*): *бї үдер дбсон (дбсон) эджил хїд чолө гархүз* 'оттого что целый день работали, у меня не было свободного времени'; *терчин джил дбсон овчин тасархүз* 'в течение года он не может избавиться от болезни'.

Тулад(дан) 'для', 'ради', 'за', 'так как' встречается в туметской речи с совместным падежом, чем отличается от некоторых других говоров восточного диалекта, например: *бордн ус джөхромттэ туладан тарэ сэн* 'оттого что дождевая вода оказывает благотворное действие, пашня похорошела'; *тер хүн джөстэ туладан бардадж на* 'оттого что у него много денег, он зазнается'. В хорчинском также встречается *туладан*: *джаварт туладан јрсенү* 'он не пришел, так как дул сильный ветер'.

Союзы в говорах встречаются редко. В харчин-туметском зарегистрированы: *ба*, *болдд*, *бөгөд* 'и', *бују* 'или', *хервө* 'если', которые по своему значению и употреблению не отличаются от таких же союзов во всех остальных говорах восточного диалекта.

В харчин-туметском встречаются в основном те же частицы, что и в других говорах диалекта. Наиболее употребительны вопросительные частицы: а) *ү*, которая ставится после форм прошедшего времени или же причастия будущего времени: *чї 1ертөн херджү?* 'ты не ходил домой?'; *минт хелсен үөт чї меджджү?* 'ты понял то, что я тебе сказал?'; *тā ене бүөт авхиму үүз јимү?* 'вы купите эту ткань или нет?'; б) *Т*, которая присоединяется к форме настоящего-будущего времени, причастия прошедшего времени или к имени существительному: *чї ент меднт?* 'ты знаешь об этом?'; *чї тернэ јавсант метхүз јимі?* 'ты не знал, что он уехал?'; в) *ө*, *бї (өт)* — после имен и местоимений, к которым относится вопрос: *тер јү бї?* (*тер јү? тер јүө?*) 'что это такое?'; *ене хені өрвї?* (*ене хені өрөв?*) 'это чье место?'

Вместо СПМЯ *ја* или *бул ја* в говоре встречается частица *ба* со значением сомнения: *тернэ терег ене үдер јрен ба?* 'может, сегодня прибудет их повозка?'; *тер чині 1ер ба?* 'тот твой ли дом?'; *тā меден ба?* 'может быть, вы знаете?'. Изредка харчины и туметы вместо *ба* произносят *болү*: *тер чэмгас јү асүхїм болү* 'о чем он может спросить у тебя?'.
1

В харчин-туметском говоре употребляются те же отрицательные частицы, что и в других говорах: *үл*, *ес*, *үүз*, *дэ* 'не'. Ср.: *ене хүн үл бүтег јимі хїдө л бэн* 'этот человек продолжает делать трудно осуществимую работу'; *ес јаваж джамар гурав уда јаван* 'ездил трижды по дороге, по которой не ез-

дят; *терчин мессенгүз* 'он не понял'; *одд ч олуде* 'до сих пор не найдено'.
Имеется и отрицание *биши* 'не': *ене ножд мэнэ биши, өр хүн* 'эта собака не
наша, а другого человека'; *терчин мал биши, мөр* 'то не скот, а лошади'.

АРУХОРЧИН-БАРИНСКИЙ ГОВОР

Арухорчин-баринский говор распространен на территории Джоудаского аймака, граничащего на востоке с Джеримским, на юге с Джостуским, на западе с Чахарским, а на севере с Шилингольским аймаками Внутренней Монголии. Весь аймак делится на четыре хошуна: 1) Арухорчин, 2) Барин восточного крыла, 3) Барин Западного крыла и 4) Хешиктен.

Арухорчины родственны с хорчинами, живущими в Джеримском и Хулунбуирском аймаках. Однако многовековое пребывание на разных территориях и среди разных племен несколько отличает их друг от друга, и арухорчины ныне по своей речи стали близки к барин, особенно к племени барин восточного крыла. Хешиктены отличаются по речи и от арухорчин и от барин, поэтому к ним мы вернемся при рассмотрении речи чахар.

Монголы Джоудаского аймака занимаются частично скотоводством, частично земледелием. Общая численность населения составляет 160 000 человек.

Особенности фонетики. Состав гласных тот же, что и в двух других говорах восточного диалекта. Возникновение гласных переднего ряда ε , ξ , σ , δ и \bar{y} обусловлено теми же фонетическими условиями, что и в других говорах, поэтому ограничимся лишь некоторыми примерами: *tasiγur* 'кнут, плеть', *ullyasun* 'осина', *qumi-* 'собирать, подбирать', *doγugla-* 'насмеяться, дразнить', *üulle* 'дело, деяние' — арухорч.-барин. *тэшүр, улэс(ан), хоми-, дбгло-, үл.*

Для говора арухорчин характерны следующие фонетические соответствия с СПМЯ:

1) переход гласного ε в гласный i , например: *Yes* 'медь', *čereg* 'воин', *čenggel* 'веселье, развлечение' — арухорч.-барин *джис, чрег, ичел*;

2) замещение гласного δ гласным γ : *tögürtg* 'круглый', *öröme* 'пенка', *kölde-* 'замерзать' — арухорч.-барин *түргет, үрем, хүлде-*;

3) произношение y как α : *buča-* 'возвращаться', *sumu* 'стрела', *ungsi-* 'читать' — арухорч.-барин *бочо-, сом, оми-*.

Сопоставляя эти явления с данными других говоров и подговоров восточного диалекта, следует отметить, что в рассматриваемом говоре замечается меньшая их распространенность. Возможно, это связано с некоторым влиянием соседних говоров центрального диалекта, где такие соответствия не наблюдаются.

В области согласных наиболее характерной чертой арухорчинской речи по сравнению с хорчинской является то, что в арухорчинском СПМЯ аффриката \check{c} как перед гласной i , так и перед остальными гласными отражается в виде $ч$, тогда как в хорчинском говоре она развилась в спирант $ш$, ср.:

	Хорчин	Арухорчин-барин
<i>δllaγun</i> 'камень'	<i>шүлү(н)</i>	<i>чулү(н)</i>
<i>nabδl</i> 'листья'	<i>лэви</i>	<i>лэвч</i>
<i>čodl</i> 'испугаться'	<i>шодл</i>	<i>чодл</i>
<i>čyγla</i> 'собираться'	<i>шүгла</i>	<i>чугла</i>

Лишь в немногих словах аффриката *č* перед гласным /*l* переходит в спирант *ш*, например *δlda* 'мочь, быть в состоянии', *δlpa* 'варить', *δlker* 'сахар' — арухорч.-барин. *шадa*-, *шана*-, *шхер*.

Чисто локальным является в арухорчинской речи употребление взрывного согласного *δ* вместо спиранта *с*, например:

	Арухорчин	Барин
<i>nayad</i> 'играть'	<i>нāса-</i>	<i>нāда-</i>
<i>qabuda</i> 'отекасть'	<i>хавса-</i>	<i>хавда-</i>
<i>ābed</i> 'блзель'	<i>овсө-</i>	<i>өвдө-</i>

Под влиянием соседних говоров центрального диалекта в речи барин восточного крыла иногда заметно ослабление сильного начального согласного *т* соответственно в *δ*, например:

	Арухорчин	Барин	Чахар
<i>taqa</i> 'подкова'	<i>тах</i>	<i>дах</i>	<i>дах</i>
<i>taslyur</i> 'кнут'	<i>тэшүр</i>	<i>дэшүр, тэшүр</i>	<i>дашүр</i>

Согласным СПМЯ *γ*, *g* перед *t*, *s*, *š* и *č* в арухорчин-баринском говоре соответствует спирант *x* (тогда как, например, в калмыцком — смычный *x*). Однако в речи арухорчин спирантизация более заметна, чем в речи барин, ср.: *γayso* 'стоять', *γyγu* 'встречать' — арухорч. *джохсо*-, *ухта*-, барин *джогсо*-, *ухта*-.

Особенности морфологии. Множественное число имен существительных образуется посредством тех же суффиксов, что и в хорчинском и харчин-туметском говорах: *em* 'женщина' — *емс*; *mör* 'конь' — *мөрүд*; *ēl* 'группа юрт' — *ēлүд*; *ax* 'старший брат' — *ax нар*; *moγol* 'монгол' — *моγолчүд*.

Но тем не менее заметны небольшие отклонения: 1) в арухорчин-баринском говоре употребляется *-чүл* — вариант суффикса *-чүд*: *байан* 'богатый' — *байчүд*, *байчүл*; *бага* 'молодой' — *бахчүд*, *бахчүл*; *bysyγē* 'женщина' — *bysyγēчүд*, *bysyγēчүл*; 2) не встречается суффикс *-нүд*, его заменяет *-лүд*: *шрē* 'стол' — *шрēлүд*, *шрēд*; *нохō* 'собака' — *нохōлүд*, *нохōдүд* и др.

В отличие от арухорчин и барин восточного крыла в речи барин западного крыла встречаются имена в соединительном падеже с суффиксом *-лā* (-лē): *тер азлāлāн чул јавджēн* 'он идет вместе со своим старшим братом'; *Батнаст надлā чул јрджē* 'Батнаст пришел вместе со мной'. Соединительный падеж употребляется в говоре редко, заменяясь более распространенным во всем диалекте совместным падежом.

Вторым падежом, который имеет ограниченное распространение в говорах, является направительный падеж. Как в хорчинском говоре, в арухорчин-баринском имеется суффикс *-джү*: *манē мал голджү орлō* 'наш скот напра-

вился к реке; *тер баран* *Элджү жавла* 'он ушел в аил, что на правой стороне'. Однако характерным для данного говора следует считать использование послеложной конструкции с *урү* 'к; по направлению': *бид хориб урү жаван* 'мы пойдем по направлению к кооперативу'; *хбд гол урү орлб* 'овцы направились к реке'; *терчм ахн урү гарла* 'он направился к дому старшего брата'. В речи барин западного крыла зафиксировано: *мині толгб урү ус шутхатаг* 'полей-ка мне на голову'.

Числительные, так же как и в остальных говорах, образуются при соединении к количественному числительному соответствующего по значению суффикса: порядковые -*дугар*, разделительные -*ад*, собирательные -*ул*: *гурав* 'три' — *гуравдугар* 'третий', *гурвад* 'по три', *гурвул* 'втроем'.

Значение кратности в речи арухорчин и барин восточного крыла передается прибавлением к числительному слова *удā* 'раз': *хогор удā* 'два раза', *тав удā* 'пять раз'. Монголы хошуна Барин западного крыла используют в этом значении слово *таң* 'раз': *нег таң* 'один раз', *гурав таң* 'три раза'.

Склонение местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в речи монголов арухорчин и барин восточного крыла ничем не отличается. Небольшое отличие заметно лишь в склонении местоимений в речи барин западного крыла.

	Арухорчин	Барин восточного крыла	Барин западного крыла	
Им.	<i>би (бi)</i>	<i>чи (чi)</i>	<i>би (бi)</i>	<i>чи (чi)</i>
Род.	<i>минi</i>	<i>чинi</i>	<i>минi</i>	<i>чинi</i>
Дат. местн.	<i>надад, нāд</i>	<i>чамд</i>	<i>надад</i>	<i>чамд</i>
Вин.	<i>неме, немеi мехе, мехеi</i>	<i>чеме</i>	<i>мене</i>	<i>чеме</i>
Исх.	<i>надас</i>	<i>чамас</i>	<i>надас</i>	<i>чамас</i>
Орудн.	<i>надар</i>	<i>чамар</i>	<i>надар</i>	<i>чамар</i>
Совм.	<i>надте</i>	<i>чамте</i>	<i>надте</i>	<i>чамте</i>
Соед.	—	—	<i>надлэ</i>	<i>чамлэ</i>

Форма соединительного падежа сохраняется в речи барин западного крыла и в других разрядах местоимений: личное местоимени 1-го и 2-го лица множественного числа *манлэ* 'с нами', *таданлэ* 'с вами', указательные местоимения *ене, тер, еден, теден* (в роли личного местоимения 3-го лица) — *ененлэ, теренлэ, еденлэ* и *теденлэ*.

В арухорчин-баринском имеется возвратное местоимение *эс, эсэн* 'сам', которое изменяется лишь по нескольким падежам: *чи эсэн үджне* 'ты видишь только себя'. При образовании множественного числа присоединяется к *эсэн* суффикс -*а*: *эсэд* 'сами'.

Залоги образуются так же, как и в остальных диалектах, разница лишь в том, что некоторые из них оформляются иначе, в зависимости от фонетических процессов, типичных для говора.

Суффикс множественного числа субъекта действия в арухорчин-баринском говоре существует в двух вариантах, т.е. в речи арухорчин он произносится -*джайа*, тогда как в речи барин чаще -*чайа*: *ајанд жавтас урт терген хi-легджайаја* 'прежде чем отправиться в путь, отдадим наши телеги в ремонт'; *манэ Эл үсэ задчайаджен* 'наши (в аиле) косят сено'; *бид тер үдер нүджайаја*

гевү? *сказали, что надо кочевать в тот день?»; *герт орбд бада идчага* *входит в дом, отведайте пищи*.

Повелительно-желательные формы в арухорчин-баринском говоре имеют некоторые отличия по сравнению с другими говорами восточного диалекта. Это касается в основном форм пожелания всех трех лиц. Суффиксу *-ага* (*-ага*) речи хорчин и джарут в арухорчин-баринском соответствует суффикс *-атах* (*-атах*): *би нег сэн суратах да* *учиться бы мне хорошо*; *чи нег гал түлэтхэ* *ты развел бы огонь*; *тер хүүд унаатах бэн да* *не упал бы этот ребенок* (арухорчин); *би одб жаватах* *пойти бы мне теперь*; *чи мөрөн усла-тах* *напоил бы своего коня* (барин восточного крыла); *би чэ үгатах* *выпить бы мне чаю*; *чи аргал аватах* *принес бы ты несколько кизяков* (барин западного крыла).

В отличие от арухорчин в речи барин восточного и западного крыла имеется еще один суффикс, по значению соответствующий СПМЯ *-γvsuγai, -gesūgel*. Это суффикс *-асла*, который употребляется для обозначения намерения, желания, чтобы совершилось действие: *би сэн сурасла да* *учиться бы мне лучше*; *чи ирэслэ дэ* *приехать бы тебе*; *тер хүн одб жавасла да* *уехать бы теперь тому человеку*; *борон орбсдэ дэ* *пойти бы дождю*.

В экспедиционном материале встретился пример, где глагол с суффиксом *-асла* соответствует по значению иным формам, усложненным частицами. Ср. два примера: *би сэн сурасла да* и *би сэн сурсан бэл да* *учиться бы мне лучше*.

Повелительно-желательная форма 3-го лица на *-туга* почти не встречается. Нами записан пример: *үхер хэ бэн, үджтүгэ* *пусть посмотрят, где пасется скот*.

Изъявительные формы ничем не отличаются от таких же форм других говоров восточного диалекта. И в арухорчин-баринском говоре встречается весьма распространенная форма на *-джэнэ* (*-джэн*): *джүд эмги хэт джах шилги голтэ джах нлджэн* *Джоудаский аймак граничит на севере с Шилингольским аймаком*; *би үдер болон хон хэрүлджэнэ* *я ежедневно пасу овец*; *хаднас булаг гарджэн* *из скалы бьет родник*; *адү мал илх зрвн болджэн* *умножается количество табуна*; *э; үнэн саджэнэ* *мать доит корову*.

Изъявительная форма на *-е* нетипична для разговорной речи монголов Внутренней Монголии, поэтому она встречается реже других, в основном при вопросе: *чи хедилэ ирвэ?* *ты когда вернулся?*; *чи хэ жавба?* *где ты был?*

Наиболее часто употребляются формы прошедшего времени на *-ла* и *-джэ* (*-дж*): *би чөлөлсөн дар чирегт орджэ* *после освобождения страны я пошел служить в армию*; *чэмэ хелехлэ би сэ медлэ* *когда ты сказал, я сразу понял*. Нередки и сращенные формы: *би багасан авад мал хэрүлэдлэджэ* *я с детства пас скот*; *би ене хеден джл тэра тэрдлэла* *я эти годы занимался хлебопашеством*, где, например, *хэрүлэдлэджэ* состоит из *хэрүл* *пасты* + *-ад* (суффикс разделительного деепричастия) + *-л* (частица) + *-э* (< *бэ* - *быть*) + *-джэ* (суффикс глагола прошедшего времени).

Употребление соединительного, слитного или разделительного деепричастия в редуцированном виде замечено в разговорной речи всех монголов восточной части Внутренней Монголии: *би хол гаджир жавдж жавдж ирлэ*

‘я вернулся из далеких странствий’; *бид амран амран јирлѣ* ‘мы пришли, часто отдыхая в пути’; *мюрдѣн бзрѣд бзрѣд тзвѣдлѣн* ‘они ловят коней и тут же выпускают’. Несколько особняком от них стоит продолжительное деепричастие: при редупликации первый из них — в форме основы глагола, а второй принимает форму продолжительного деепричастия: *тед ол олсѣр ідчхїтї?* ‘что же они, по мере того как находят, тут же съедают?’; *тед ав авсѣр хүнд өгдөг іймѣ* ‘в какой мере они берут, в такой и возвращают’.

Следует отметить, что из всех деепричастных форм лишь разделительное, соединительное и продолжительное деепричастия чаще других присоединяют частицу *л* и глагол *бз-* ‘быть’: *ес медсен јүмї бү хеллѣдлѣ* ‘не говори о том, чего не знаешь’; *чэмѣ јрен гедж соңсѣд бид нүден члмлѣн харѣдлѣджѣ* ‘услышав о том, что ты приедешь, мы всматривались (в даль) до боли в глазах’; *мнї мѣрї тгѣл үгүѣ бзрѣдлѣ* ‘держи моего коня, не выпуская на волю’; *би арван хөден джїл енд сусѣрлѣджѣ* ‘я более десяти лет живу на этом месте’; *чамтѣ үлджан гед тер хүлѣсѣрлѣлѣ* ‘она продолжала ждать, чтобы встретиться с тобой’. Сравнительно частое употребление подобных форм глаголов монголами Внутренней Монголии несколько сближает их речь с речью ойратов, проживающих в провинции Ганьсу или в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В наших записях у торгутов Синьцзян-Уйгурского автономного района встречаются такие предложения: *нүүхдэн төстѣ, бүүхдэн утатѣ болтхѣ гідж јөрѣджднѣвдн* ‘мы (старшие) жѣлаем: при кочевках, чтобы пыль поднималась, а на остановках — дым клубился’; *бидн хасг ах-дүтѣгѣн хамдан сугѣдлѣнѣвдн* ‘мы продолжаем жить вместе со своими братьями-казахами’.

В арухорчин-баринском говоре предварительное деепричастие оформляется при помощи суффикса *-мч*: *нар гарамч би ендѣс јавсан* ‘я поехал отсюда, как только взошло солнце’; *чамтѣ хелчїдж барамч јавнѣ* ‘поеду, как только закончу разговор с тобой’; *үл гарамч борѣ орон* ‘как только появятся тучи, пойдет дождь’; *би чамтѣ үлджамч тѣнсангүз* ‘как только встретил тебя, я [сразу] не узнал’.

В говоре арухорчин-баринском, как и в двух других говорах восточного диалекта, существует более употребительный суффикс предварительного деепричастия *-нѣрѣн*, которого нет в остальных диалектах: *теднн моңол герѣс гардж јриѣрѣн бүслѣд авчїхлѣ* ‘как только они вышли из юрты, их [тут же] окружили [кольцом]’; *чэмѣ хелнѣрѣн би медлѣ* ‘как только ты сказал, я понял’; *бид тернї үджнѣрѣн бајаллѣ* ‘как только мы его увидели, обрадовались’; *үглѣ ерт боснѣрѣн гарѣд јавлѣ* ‘как только утром рано встал, [тут же] уехал’.

Мы уже отмечали, что форма на *-нѣрѣн* близка по своему значению к продолжительному деепричастию на *-сѣр*, ср.: *тер герт ордж јриѣрѣн усї учїхджѣ* и *тер герт ордж јрсѣр уої үчїхджѣ* ‘как только он вошел в дом, тут же напился воды’.

Характерную черту арухорчин-баринского говора составляет то, что глаголы на *-мч* и *-нѣрѣн* замещаются конструкцией, не зафиксированной в других говорах и состоящей из склоняемой формы причастия и послелога *дотор* со значением времени: *би Серегмѣ үджхїт тор (үджемч, үджнѣрѣн) тѣнсан* ‘как только увидел Серегму, узнал ее’; *бид үвсен хадхїт тор (хадамч, хаднѣрѣн) хзрѣд јрджѣ* ‘как только накосили сена, мы вернулись домой’; *би чэмѣ хелхїт тор (хелемч, хелнѣрѣн) медлѣ* ‘как только ты сказал, я тут же понял’.

Приведем еще несколько примеров, записанных у арухорчин: *нар гарзѣнт тор* (гарамч, гарнарѣн) *тер јавджѣ* *как только взошло солнце, он поехал*; *ѣј босзѣнт тор* (боснбрѣн, боссбр) *јадтѣ гарджѣ* *как только мать встала, она вышла на улицу*; *тер ордж јирзѣнт тор* (јирнѣрѣн, јирсѣр) *ханджан дѣр суджѣ* *как только вошел, он сел на кан*.

То, что последлог *дотор* может встречаться в некоторых случаях в сокращенном виде как *тор*, поддерживается и именами существительными, которые управляются этим последлогом: *манѣ суразчид тор сѣн сурхуд бѣнѣ* *среди наших учащихся имеются и те, которые учатся хорошо*; *гер модонд тор джохеджѣн* *дом стоит в лесу*.

Несмотря на тенденцию использовать данные сочетания во временном значении, преобладающей и часто употребляемой разговорной формой во всех говорах восточного диалекта остается деепричастие на *-нарѣн*.

Уступительное деепричастие и здесь имеет параллельную форму на *-јѣч*, обозначающую действие, вопреки которому осуществляется другое действие, передаваемое основным глаголом: *чи надад ѳјѣч ес ѳјѣч би енѣ аван* *дай ты мне ее или не дай, я возьму эту вещь*; *тер хедѣ екен канјѣч јѣч хелсенјѣ* *как бы она ни скучала по матери, ничего не говорила*; *манѣнт хедѣ час орјѣч би јаван* (арухорч.) *хотя завтра и пойдет снег, я поеду*; *хен јирјѣч би хѳдѣлхѣ* *кто бы ни приходил за мной, я не стану работать*; *тер гертѣн бѣјѣч ѳс хаддж шадхѣ* (барин) *хотя он и будет дома, он не сможет косить сено*. Эта разговорная форма уступительного деепричастия весьма распространена в говорах и предпочтительна остальным формам.

В арухорчин-баринском говоре употребляются все три формы деепричастия цели: 1) *-хѳр* (*тер ус дамалхѳр јавлѣ* *он ушел, чтобы принести воды*; *ѳв мод авхѳр гарлѣ* *отец вышел, чтобы принести дров*); 2) *-хѳ* (*бид тѳлѣ тѳхѣ јавнѣ* *мы поедem, чтобы перевезти топливо*; *чи тернѣ мал хѳрѳлѣ јавѳл* *ты отправь его, чтобы он пас скот*); 3) *-хѳс* (*тер хѳнѳн хѳдж јирхѳс јавджѣ* *он ушел, чтобы пригнать своих овец*; *ене хѳхед унтхѳс ѳледжѣн дѳ* *этот ребенок плачет потому, что хочет спать*. Это же значение может быть передано сочетанием слитного деепричастия основного глагола с формой *једж*: *ене хѳхед унтан једж ѳледжѣн дѳ*.)

В речи барин восточного крыла зафиксирован суффикс *-ман*, *-манджн*. Посредством этого суффикса образуется деепричастие, указывающее на причину совершения основного действия: *манѣ ѳв джѳс олмѳнджн сѣ ѳнѣ хулдадж авлѣ* *так как наш отец раздобыл деньги, он тут же купил корову*; *борѳн ормѳн бѳ сѣ герт орджѣ* *так как пошел дождь, мы тут же вбежали в дом*; *тернѣ јѳджмѳнджн сѣ медлѣ* *так как увидел его, он тут же все понял*. Деепричастие на *-ман*, *-манджн* отсутствует в хорчинском говоре, нет его и в подговорах. В восточном диалекте оно встречается в харчин-туметском и арухорчин-баринском говорах.

Весь инвентарь записанных последлогов тот же, что и в остальных говорах. Остановимся лишь на нескольких последлогах, встречающихся в речи барин западного крыла: 1) *шн* *подобно* управляет основой имени, но он имеет вариант *шѳ*: *чи јамар ѳхер шн тенеѣ ѣман јѳм* *какой ты бестолковый, словно скотина*; *тер харладж харалджѣх ѳхер шѳ јѳм дѳ* *то, что виднеется, чернея, [вдали], похоже на быка*; 2) *чѳчѳ*, *джчѳчѳ* *вровень, наравне* управляет

совместным падежом: *тер надтэ джүчү эджил хтн* 'он работает наравне со мной'; 3) *толө* (иногда и *-тлэ*) 'для', 'ради', 'за' управляет родительным падежом: *тер ардтн толө темчиджэнэ* 'он борется за простой народ'; *би хүдтн тэлэ джовджэ* 'я страдал ради детей'; 4) *члхэ, члнэ* 'подобно, величиною' управляет основной или же родительным падежом: *тохд члхэ бијетэ, түүлэн чнэ мдртэ* 'сам — с локоток, а конь его — с зайца'.

Союзов в говорах немного. В арухорчин-баринском говоре употребляются: 1) *бэ 'и'* (*тер хүн сэн бэ мүйтн бид медхүэ* 'мы не знаем того человека — хороший он или плохой'; *чи надад дең бэ чэс авад ир* 'ты принеси мне лампу и бумагу'); 2) *бөгөд 'и'* (*ене бүс үнтэ бөгөд бас јасан мү* 'эта ткань дорога и притом плоха по качеству'; *бид тант бүр гаднахтн шн бодло — өндөр бөгөд тарган, шар үстэ* 'мы представляли вас совсем иной национальности, высокой, полной и со светлыми волосами'); 3) *болд 'и'* (*моңол хүнэ гол идгэ — мах болд чаган идэ* 'основная пища монгольского населения — мясо и молочные продукты'; *чт тер тугал болд шгэн хвчх* 'ты отгони теленка и ягненка').

Во всех говорах употребляются разнообразные частицы. В арухорчин-баринском отрицание передается тремя частицами:

1) *үчэ*, которая чаще всего стоит после причастия будущего или же прошедшего времени: *дамаг үх меден, авхт метхүэ* 'знает, как курить, но не знает, как купить табак'; *тант нохтсэдт медсенүчэ* 'не знал, что у вас есть собака'. Только в речи арухорчин и барин зафиксировано отрицание *үчэ* со словом *өр* 'близкий' в виде *өриүчэ* (букв. 'близко не подходит', т.е. превосходит по своим качествам), которое употребляется при сопоставлении сходства или различий, например: *үл өриүчэ үндер хүн* '[такой] человек, который ростом выше, чем гора'; *лэнхуа өриүчэ сэхан ихен* '[такая] красивая девушка, что цветок лотоса с ней не сравнится'; *үхер өриүчэ бүдүн гата* '[такая] толстая свинья, что бычок в сравнении с ней уступает';

2) *дэ* 'еще не', которая следует лишь за формой причастия настоящего времени: *би нтм јүмт үдждэс* 'я такой вещи еще не видал'; *бадэ болүдэ* 'пища еще не готова'; *мал таргалүдэ* 'скот еще не упитан'; *тер хотос ирүдэ бэджэ* 'он, оказывается, еще не вернулся из города';

в) *бшт* (*бш, шт, ш*) 'не': *мдрчнтенд бэн бшт?* 'не там ли твой конь?'; *тер хүн чамд тус хтхэс бш хор хлхүс јлм* 'от того человека, кроме пользы, вреда тебе не будет'; *чт шатар наддашт?* 'ты не играешь в шахматы?'; *чт ене элтн хүнү, бштү?* 'ты из этого селения или нет?'.

Характерную черту речи арухорчин составляет использование двух утвердительных частиц, объединенных в одну, чего не бывает в хорчинском и харчин-туметском говорах: *мант эмдардж бэхчн-тмштэ (штэ < шү дэ)* 'вот так мы и живем'; *хен манд үлгер хелдж өгөх бол дэ?* — *тер хелештэ* 'кто нам расскажет былинку? — Конечно, он расскажет'.

Из других разрядов частиц отметим: 1) *беддэ* — несколько измененная модальная частица [ср. СПМЯ *bul ја да*, совр. монг. (халха) *буз*] с присоединенной к ней частицей *дэ*: *чт ене бичэт гарган беддэ?* 'ты, может быть, сумеешь прочесть это письмо?'; *чт ент меден беддэ?* 'ты, может быть, знаешь об этом?'; *та чэндэн даве хтсен беддэ?* 'вы, может быть, уже послали свой чай?';

2) \bar{I} — вопросительная частица, которая в речи арухорчин и барин часто произносится как \bar{E} (после сокращенного слова $iim, ium - m$): $mi javax i ed-jaxim?$ $i ad-jaxim?$ 'ты собираешься уезжать или как?'; $ci jamar учиртэ мене дууджэжмэ?$ 'по какому поводу меня вызываешь?'; $ed xedjé javxim?$ [$ed xedjé javxim (javximé)?$] 'когда они едут?'. Особенно употребительна она после причастной формы, тогда как после имен остается \bar{I} : $tercin mör jim?$ 'то-конь?'.
 Хотя частица \bar{I} известна во всех говорах восточного диалекта, но произносится как \bar{E} лишь в арухорчин-баринском и подговоре их-мянган.

Междометия во всех говорах в основном одинаковы. При выражении удивления или восторга в речи арухорчин и барин употребляются разные междометия: арухорчин $ix, xed\bar{I} s\bar{e}xan xuar jim\bar{I}$ 'ой, какой красивый цветок!'; барин восточного крыла $ada, ene xed\bar{I} s\bar{e}xan jim\bar{I}$ 'ой, какая это красивая вещь!'; барин западного крыла $xadda, end cim чулу бас бэхам шдä$ 'ой, и здесь встречаются такие камни!'. Общим для всего говора является \bar{I} , которое встречается и у арухорчин и у барин: $\bar{I} x\bar{e}ran jum\bar{I}$ $i ad-jaxid i\bar{e}che d\bar{e}$ 'ой, какая жалость! как вы потеряли его?'; $\bar{I} x\bar{e}rx\bar{I} xen\bar{I} xuxed jim\bar{I}$ 'ой, бедняжки, чьи это дети?'. Как видно из примеров, данное междометие приобретает несколько иной оттенок значения.

ОНЦЮТ-НАЙМАНСКИЙ ПОДГОВОР

Онцютов два хошуна — восточного и западного крыла, — которые территориально входят в состав Джоудаского аймака. Земли онцютов на севере граничат с баринами, на востоке — с найманами, на юге — с харчинами, а на западе — с хешиктенами.

Монголов-найман всего один хошун. Он находится в Джеримском аймаке, гранича на севере с онцютами и арухорчинами, на востоке — с аоханами. Аохан также один хошун, ныне он входит в состав онцютов. По своей речи аохане очень близки к онцютам.

Жители всех этих хошунов — онцюты, найманы и аохане — издавна занимаются земледелием.

Речь онцютов и найман, проживающих в разных аймаках Внутренней Монголии, мы выделяем в отдельный подговор потому, что он обладает чертами, общими как с восточным, так и с центральным диалектом. Переплетение особенностей разных диалектных групп дает возможность рассматривать его как самостоятельную единицу. Остановимся кратко лишь на некоторых его особенностях.

Особенности фонетики. Состав гласных такой же, как и в арухорчин-баринском говоре: помимо обычных во всех говорах и диалектах семи гласных имеются в нем переднерядные \bar{e} (\bar{i}), \bar{o} ($\bar{ö}$), \bar{y} : $taklya$ 'курица', $maylla$ 'блеять', $milaya$ 'сделать подарок ребенку, если ему купили что-либо новое', $qayla$ 'жалость, сожаление', $yarl-$ 'разговаривать', $soll-$ 'менять, сменять', $jacin$ 'гость', $qoni$ 'овца', $boylji-$ 'подрастать, вырастать', $sayuri$ 'основа'

ние, место° — оннют-найман *дэлэ, жэлэ, мэлэ, хэр, ієрл-, солл-, джолчн, хон, боджл-, сур.*

Речь оннютов несколько отличается от речи найман:

1) в речи оннютов древнему комплексу *ayu* соответствует иногда долгий гласный *ō*, в то время как в найманской — долгий *y*:

	Оннют	Найман
<i>ayula</i> 'гора'	ол	ул
<i>ʃayu-</i> 'держатъ в зубах'	джо-	джу-
<i>sayulya</i> 'ведро'	солот	сулат
<i>ayuski</i> анат. 'легкие'	оши.	уши.
<i>dayun</i> 'песня'	до(н)	до(н)

2) в речи найман там, где в СПМЯ в первом слоге находился гласный заднего ряда *u*, иногда встречается восходящий дифтонг *ya*:

	Найман	Оннют
<i>ulayan</i> 'красный'	улāн, уалāн	улāн
<i>usun</i> 'вода'	ус(ан), уас(ан)	ус(ан)
<i>urtu</i> 'длинный'	урт, уарт	урт
<i>utusun</i> 'нитка'	утас(ан), уатас(ан)	утас(ан)

Возможно, здесь сказалось влияние речи соседних с ними монголов, поскольку подобное отклонение было зафиксировано лишь в харчин-туметском говоре восточного диалекта.

Оннют-найманский подговор характерен тем, что в нем наблюдаются звуковые процессы, нетипичные для других говоров и подговоров восточного диалекта. Мы имеем в виду переход сильных начальных согласных в определенных фонетических условиях в слабые начальные согласные. Подобное диссимилятивное явление известно лишь в говорах центрального и южного диалектов.

1) шипящая аффриката СПМЯ *č* сохраняется в оннют-найманском подговоре, не теряя своего исконного качества: *čimki* 'шепотка', *čad* 'насыщаться', *čulbuγur* 'поводья' — оннют-найман *чимх, над-, молбур*. Однако сильная начальная аффриката *č* перед такими же сильными согласными второго слога слова (*č* или *q, k, s*) диссимилятивно отражается в виде слабой аффрикаты *дж*:

	Оннют-найман	Арухорчин-барин
<i>čiči-</i> 'колоть, пронизывать'	джичи-	чичи-
<i>čidqu-</i> 'лить, вливать'	джутга-	чутга-
<i>čidkür</i> 'дьявол'	джүтгер	чүтгер
<i>čarčayv-</i> 'охлаждать'	джарчд-	чарчд-
<i>čokl-</i> 'бить'	джохл-	чохл-

2) сильный начальный смычный СПМЯ *t* перед такими же сильными согласными второго слога в слове (*t* или *č, q, k, s*) диссимилятивно отражается в говоре в виде слабого смычного *д*:

<i>tata-</i> 'тянуть, тащить'	<i>тата-</i>	<i>тата-</i>
<i>tobdɪ</i> 'пуговица'	<i>дбвч</i>	<i>тбвч</i>
<i>toqum</i> 'потник'	<i>дохом</i>	<i>тохом</i>
<i>törküm</i> 'родня замужней женщины'	<i>дөрхөм</i>	<i>төрхөм</i>
<i>tuslyal</i> 'приказ'	<i>душал</i>	<i>тушал</i>

3) сильный начальный спирант СПМЯ *q* в положении перед такими же сильными согласными последующего слога (*q* или *t*, *č*, *s*) в оннют-найманском подговоре отражается в виде слабого смычного *v*:

Оннют-найман Арухорчин-барин

<i>qadqu-</i> 'колоть, уколоть'	<i>гата-</i>	<i>гата-</i>
<i>qaltar</i> 'мухортый (о масти)'	<i>галтар</i>	<i>галтар</i>
<i>qac̣ar</i> 'щека'	<i>гачыр</i>	<i>гачыр</i>
<i>qusum</i> 'пригорелая корка'	<i>гусам</i>	<i>гусам</i>
<i>qaslyala-</i> 'огораживать'	<i>гашала-</i>	<i>гашала-</i>

4) сильный начальный заднеязычный СПМЯ *k* перед такими же сильными согласными второго слога (*k* или *t*, *č*, *s*) отражается в виде слабого смычного *v*:

Оннют-найман Арухорчин-барин

<i>kökere-</i> 'зеленеть, синеть'	<i>гөхрө-</i>	<i>гөхрө-</i>
<i>kötul-</i> 'вести'	<i>гөтлө-</i>	<i>гөтлө-</i>
<i>küčir</i> 'трудный'	<i>гүчир</i>	<i>гүчир</i>
<i>küsel</i> 'желание'	<i>гүсел</i>	<i>гүсел</i>
<i>kisigtel</i> 'счастливый'	<i>гешигтэ</i>	<i>гешигтэ</i>

В оннют-найманском подговоре, как и во всех других подразделениях восточного диалекта, шипящая аффриката *j* перед *i*, а также и перед остальными гласными сохраняет свое исконное качество: *jiriken* 'сердце', *jalγa-* 'присоединять', *jaγdur* 'грива (например, у льва)', *jun* 'лето', *jusu-* 'резать ломтями', *jabseg* 'орудие' — оннют-найман *джурх(ен)*, *джалга-*, *джогдор*, *джун*, *джүсө-*, *джөсөг*.

В оннют-найманском носовому СПМЯ *n* соответствует латеральный *ɲ*: *noγtu* 'недоуздок' — *лохт*; *nabdi* 'листья' — *лэвч*; аффрикате *j* — взрывной *d*: *anjtsun* 'цлуг' — *эндад*; *degujile-* 'привесить' — *дүдлө-*.

Особенности морфологии. Личное местоимение 1-го и 2-го лица единственного числа в речи монголов-найман старшего поколения иногда встречается в соединительном падеже: *тер чамлэ ирсен хен илми?* 'кто тот, который пришел с тобой?'; *нэмлэ хамт јавхар хүлөдј сүнн* 'сидит и ждет, чтобы поехать вместе со мной'.

Глагол имеет следующие отличия:

1) в арухорчин-баринском говоре форма пожелания на *-āslā* отмечалась лишь в речи жителей двух хошунов. Эта форма имеет место и в речи оннютот:

беҗечнй сѣн болѡслѡ 'был бы здоров'; *тер маҗтар јірѣслѣ* 'приехал бы он завтра'; *хү җтгѣлн үлджәслә* 'встретился бы мальчик со своей матерью';

2) параллельно с формой глагола настояще-будущего времени на *-нә (-н)* в оннют-найманском подговоре существует и суффикс *-джәнә* для выражения действия, совершаемого в настоящее время: *мал хәнѣ* '(он) гонит скот'; *голд орон* '(он) входит в реку'; *бї. маҗтар јавнә* 'я поеду завтра'; *тер гер нутугтн хердженә* 'он возвращается в свои родные кочевья'. Однако следует заметить, что форма на *-джәнә* менее распространена в подговоре, замещаясь часто аналитической конструкцией с деепричастием на *-дж* и глаголом-связкой *бѣ-* 'быть': *бїден танї јирсенд јих бајлдженә* (чаще: *бајлдж бәнә*) 'мы радуемся вашему приходу'; *мөр ус үджәнә* (чаще: *ус үдж бәнә*) 'конь пьет воду'; *манѣ җї бада хїдженә* (чаще: *бада хїдж бән*) 'наша мать готовит пищу';

3) в отличие от всех говоров и подговоров восточного диалекта в оннют-найманском предварительное деепричастие на *-нәрән* используется реже. Хотя оннюты и найманы и говорят: *нар гарнәрән дуларч* 'как только взошло солнце, потеплело'; *герт орнбрн хелджѣ* 'как только вошел в дом, он сказал'; но более широкое распространение в их речи приобретает другой суффикс предварительного деепричастия *--магч*: *ахан дү гармагч соңсджѣ* 'как только брат сказал, тут же послушался'; *мәнѣвт сурмагч тер медлѣ* 'как только я спросил, он понял'; *джас ормогч мнї дү надхүҗ гарчїджѣ* 'как только выпал снег, мой братишка вышел играть'.

Однако между речью найман и оннютов наблюдаются и такие различия: иногда вместо суффиксов *-нәрән* и *-магч* в речи найман употребляется *-мт*, например: *тернї үджемт гарад јрджѣ* 'как только его увидел, вышел на встречу'.

В речи оннютов все эти суффиксы предварительного деепричастия иногда замещаются конструкцией с причастием и послелогом *тор* (сокращенный *дотор*). Так, в нем зафиксированы: *чнї јрхїнт тор бї јавсан* 'как только ты пришел, я ушел'; *јү хїхѣ јірвѣ? гедж джѣ хүгѣн үджхїнт тор хелнѣ* 'что ты явился? — спросила она своего племянника, как только увидела его'. С подобной конструкцией мы встречались в арухорчин-баринском говоре. Так же как и в нем, в оннютской речи *дотор* и при основе имени встречается в виде *тор*: *ене авдар тор дѣл бән* 'в этом сундуке хранится шуба'; *тернѣ гер тор җрвн хүн бән* 'у них в доме много народу'. Однако возможна и полная форма *дотор*: *гаша дотор туглн ујла* 'теленка привязала в сарае'.

ИХ-МЯНГАНСКИЙ ПОДГОВОР

Немногочисленное население монголов хошуна Их-мянган еще в середине XVIII в. было переселено из района Кобдо (МНР) в пределы бывшей Маньчжурской империи, в провинцию Хэйлунцзян. В литературе они известны еще и как маннай-ольт (олот, элот). О них писалось: «Население хошуна принадлежит к западной ветви монгол, называемой китайцами ольтами, олотами, элутами, а русскими калмыками. Ольты распадаются на несколько племен, ольты, населяющие этот хошун, принадлежат к племени хойтов, поколению Йехе-Минган» /4, с. 99/.

Их-мянганы составляют один хошун и территориально входят в район Фухай уезда Фуюй провинции Хэйлунцзян. Общая численность населения — 400 человек.

Фонетическая и морфологическая структура их-мянганского подговора за два с лишним века развития в другой среде несколько изменилась, и, согласно данным экспедиции, можно утверждать, что она сейчас ближе всего стоит к строю говора типа арухорчин-баринского восточного диалекта. Что касается лексики, то заметна следующая особенность: с одной стороны, сохраняются некоторые черты, общие с ойратскими говорами Синьцзян-Уйгурского автономного района, а с другой — общие с языком монголов Внутренней Монголии.

Особенности фонетики. В их-мянганском подговоре существуют те же самые гласные звуки, что и во всех говорах восточного диалекта, в частности гласные переднего ряда ξ , $\bar{\xi}$, \bar{o} , \bar{o} :

	Их-мянган	Арухорчин-барин
<i>tast</i> 'плеть, кнут'	<i>тэшүр</i>	<i>тэшүр</i>
<i>aylmtuyal</i> 'боязливый'	<i>эмтхэ</i>	<i>эмтхэ</i>
<i>morln</i> 'конь'	<i>мөр(тн)</i>	<i>мөр(тн)</i>
<i>qorlai</i> 'подол'	<i>хормб</i>	<i>хормб</i>

Гласный \bar{o} СПМЯ отражается в подговоре в виде узкого γ : *dörüge* 'стремя', *böglege* 'пробка', *möndür* 'град' — их-мянган *дүрб*, *бүглэ*, *мүндер*. Подобное замещение объединяет все говоры восточного диалекта.

В их-мянганском подговоре не имеют «перелома» гласного /i/ такие слова, как: *ʃıran* 'шестьдесят', *kilbar* 'легкий', *kıraγu* 'иной', *blın-* 'варить', *slıγa-* 'сжигать', *slıdun* 'зубы', *slıtaγ* 'повод, предлог' — *джіран*, *кілбар*, *кірү*, *шма-*, *штā-*, *шід(ен)*, *шлмат*.

Аффриката ξ СПМЯ как перед гласным /i/, так и перед остальными гласными сохраняет в подговоре свой исконный шипящий характер и отражается в виде ψ : *ξad-* 'наедаться, насыщаться', *ξerlg* 'воин, войско', *ξısun* 'кровь', *ξıγaγan* 'белый' — их-мянган *чад-*, *чрег*, *хус(ан)*, *чагән*.

Шипящая аффриката γ в положении перед гласным /i/, а также и перед другими гласными, сохраняя свое исконное качество, отражается в виде *дж*: *ʃegerde* 'рыжий (масть)', *ʃegüden* 'сон, сновидение', *ʃobu-* 'мучиться', *slıγa-ʃaγal* 'сорока', *ʃıγasun* 'рыба', *ʃıγaγan* 'толстый' — их-мянган *джёрд*, *джүд(ен)*, *джово-*, *шаджігә*, *джагас(ан)*, *джуджән*.

Отличительную черту подговора составляет то, что в нем одним из всех говоров восточного и центрального диалектов встречается заднеязычный смычный согласный *k*. Он известен в южном (ордосском) диалекте Внутренней Монголии, а из других монгольских языков — в СПМЯ, калмыцком и ойратских говорах провинций Ганьсу, Цинхай и Синьцзян-Уйгурского автономного района. Во всех других говорах Внутренней Монголии древний *k* слился со спирантом *x*.

<i>takiya</i> 'курица'	<i>тахā</i>	<i>тҁхā</i>
<i>ket e</i> 'огниво'	<i>кет</i>	<i>хет</i>
<i>kürgen</i> 'зять'	<i>күрген</i>	<i>хүрген</i>
<i>ebke-</i> 'свертывать'	<i>евке-</i>	<i>ебхө-</i>
<i>küre-</i> 'достичь'	<i>күре-</i>	<i>хүре-</i>
<i>·süke</i> 'топор'	<i>сүк</i>	<i>сүх</i>
<i>keregül</i> 'ссора'	<i>керүл</i>	<i>херүл</i>
<i>yeke</i> 'большой'	<i>лк</i>	<i>јлх</i>
<i>kesig</i> 'счастье'	<i>кешл</i>	<i>хешл</i>
<i>kegere</i> 'поле, степь'	<i>кёр</i>	<i>хёр</i>
<i>čikibdi</i> 'наушники'	<i>ч/кевч/</i>	<i>ч/хевч/</i>
<i>kümün</i> 'человек'	<i>күн</i>	<i>хүн</i>
<i>üker</i> 'крупный скот'	<i>үкер</i>	<i>үхер</i>
<i>kebter</i> 'лёжка скота'	<i>кестер</i>	<i>хестер</i>
<i>kürje</i> 'лопата'	<i>күрдж</i>	<i>хүрдж</i>
<i>kömske</i> 'брови'	<i>күмсөк</i>	<i>хөмсөк</i>
<i>kebte-</i> 'лежать'	<i>кесте-</i>	<i>хесте-</i>

В подговоре замечается озвончение переднеязычного смычного *т* в начале и середине слов, что несвойственно говорам восточного диалекта: их-мянган *дајал* 'трость, палка', *дзхлм* 'коленный сгиб', *дул* 'знамя', *двөдб-* 'размягчать' — хорчин *тајл/л*, *тзхлм*, *тул*, *дөстө-*.

Чередование согласных *л* и *н* известно всем говорам восточного диалекта. Оно заметно и в данном подговоре:

Их-мянган	Хорчин	Чахар
<i>лолт</i> 'недоуздок'	<i>лолт</i>	<i>нолт</i>
<i>лавч</i> 'листья'	<i>лзвч</i>	<i>навч</i>
<i>гамла-</i> 'экономить'	<i>гамла-</i>	<i>гамна-</i>
<i>лзда-</i> 'надеяться'	<i>лзда-</i>	<i>наёда-</i>
<i>дамла-</i> 'нести на коромысле'	<i>дамла-</i>	<i>дамна-</i>
<i>домло-</i> 'исцелять'	<i>домло-</i>	<i>домно-</i>

Однако в подговоре отмечается *р* вместо *л* СПМЯ или других говоров: *таулла-* 'блеть' — их-мянган *мзра-*, арухорч.-барин. *млла-*, нах. *маёла-*.

Особенностью их-мянганского подговора является метатеза согласных в тех словах, в которых нет ее в других говорах и диалектах:

	Их-мянган	Хорчин	Шиллингөл
<i>üllger</i> 'образец'	<i>үргел</i>	<i>үлгер</i>	<i>үлгер</i>
<i>malar</i> 'дикая кошка'	<i>марал</i>	<i>малар</i>	<i>малар</i>
<i>erbegekel</i> 'бабочка'	<i>еврехё</i>	<i>ербёхё</i>	<i>евёхтї</i>
<i>utasun</i> 'нитка'	<i>усад</i>	<i>утас(ан)</i>	<i>утас(ан)</i>

В немногих словах аффрикате *č* СПМЯ соответствует в подговоре спирант *ш*:

<i>čina</i> - 'варить'	<i>шна-</i>	<i>чана-</i>
<i>čimege</i> 'весть, известие'	<i>шимē</i>	<i>чимē</i>
<i>čidkür</i> 'демон'	<i>шүтиер</i>	<i>шүтиер, чүтиер</i>

Особенности морфологии. Образование множественного числа имен в основном совпадает с таковым же в арухорчин-баринском говоре. Мы лишь перечислим эти суффиксы: 1) *-с*: *емс* 'женщины', *ерс* 'мужчины'; 2) *-д*: *мбрүд* 'копи', *нохд* 'собаки', *шрэд* 'столы', *адүд* 'табуны'; 3) *-үд*: *улсүд* 'люди, народ', *дарханүд* 'кузнецы', *йхсүд* 'взрослые'; 4) *-чүд*: *багчүд* 'молодежь', *байачүд* 'богачи'; 5) *нар*: *нүхер нар* 'друзья', *емч нар* 'врачи'.

В их-мянган, так же как в арухорчин-баринском говоре, отсутствуют суффиксы *-нүд* и *-чүл*.

Падежи не отличаются от арухорчин-баринского говора, они имеют те же самые суффиксы образования.

Все разряды числительных образуются присоединением тех же суффиксов, что и в арухорчин-баринском говоре: *-үл* (собирательное числительное), *-ад* (разделительное числительное), *-дугар* (порядковое числительное).

Местоимения 1-го и 2-го лица единственного *би*, *чи* и множественно-го числа *биден*:

Им.	<i>би</i>	<i>биден</i>	—	<i>чи</i>
Род.	<i>мнī</i>	<i>биднē</i>	<i>менē</i>	<i>чнī</i>
Дат.-местн.	<i>нād</i>	<i>биденд</i>	<i>манд</i>	<i>чамд</i>
Вин.	<i>нэмэвī</i>	<i>биднт</i>	<i>мант</i>	<i>чэмэвт</i>
Исх.	<i>нādās</i>	<i>биднēs</i>	<i>манās</i>	<i>чамās</i>
Орудн.	<i>нādār</i>	<i>биднēr</i>	<i>манār</i>	<i>чамār</i>
Совм.	<i>нādтē</i>	<i>бидентē</i>	<i>мантē</i>	<i>чамтē</i>

В склонении личных местоимений отмечено: а) в именительном падеже *би* 'я', *чи* 'ты' не имеют долгих гласных; б) напротив, основа косвенных падежей приобретает долгую гласную — *и* (*д*); в) местоимение с основой на *ман* менее употребительно, чем местоимение *бид*.

Образование всех форм глаголов мало отличается от арухорчин-баринского говора.

В употреблении повелительно-желательных форм замечены следующие особенности: а) в подговоре отсутствуют формы пожелания на *-атаз* и *-асла*, которые характерны для арухорчин-баринского говора; б) в подговоре употребляется повелительно-просительная форма 2-го лица на *-ач* (иногда *-аш*): *жавач*, *йреш*.

Изъявительные формы не отличаются от аналогичных форм глаголов арухорчин-баринского говора, в их-мянганском употребляются те же формы времен. Из трех форм прошедшего времени наиболее употребительной остается и здесь форма на *-джэ*: *јēјē* *элд јавджэ* 'дед уехал в деревню'; *ене* *ик джовлоң үджджэ* 'она перенесла много горя'.

В подговоре отсутствует несколько суффиксов деепричастий, употребляющихся в арухорчин-баринском говоре параллельно с другими суффиксами,

например *-магч* (предварительное деепричастие), *-я̄ч* (уступительное деепричастие), *-х̄р* (деепричастие цели).

В остальных разрядах слов (наречие, послелоги, союзы, частицы) их-мянганский подговор не имеет особых отклонений от арухорчин-баринского говора, если не учитывать некоторые явления, связанные с фонетическими процессами в подговоре.

Фонетические и морфологические данные их-мянганского подговора больше всего совпадают с данными арухорчин-баринского говора. Можно допустить, что малочисленная группа ойратов, оказавшись много веков назад в другой языковой среде, постепенно усвоила и перешла на речь окружавшего ее местного населения — монголов восточной части Внутренней Монголии. Несмотря на малочисленность носителей, их-мянганский подговор функционирует как средство общения на узкоограниченной территории, сохраняя общие восточномонгольские черты.

Носителями центрального диалекта являются монголы, населяющие три аймака Автономного района Внутренняя Монголия — Чахарский, Шилингольский и Уланцабский, общей численностью немногим более 200 000 человек.

Центральный диалект делится на два говора — чахарский и шилингольский.

ЧАХАРСКИЙ ГОВОР

Данный говор распространен на всей территории Чахарского аймака, т.е. среди населения следующих хошунов: Гул хухэ, Мянган тайвас западного крыла, Мянган тайвас восточного крыла, Шанд хувет шар и Шу.лун хувет чаган¹. На этом говоре общаются и чахары, живущие в административном районе Пиндицюань. Здесь чахары проживают в трех хошунах (средний, передний и задний) западного крыла. Это монголы-чахары, земли которых более полувека назад были присоединены к китайской провинции. Они живут рядом с китайцами, занимаясь в основном земледелием, тогда как основная масса чахар в Чахарском аймаке занята скотоводством. По данным переписи, всех чахар насчитывается 47 000 человек, из них в Гиндицюане живет 10 000 человек.

К чахарскому говору близка речь части населения Уланцабского аймака. Это племена урат (население хошунов Урат переднего крыла и жители объединенного хошуна Урат среднего и заднего крыла) и дурбен хухет. Следует отметить, что речь дурбен хухет неоднородна: жители северной части хошуна по своей речи близки к монголам Шилингольского аймака, тогда как восточной части — к чахарам.

Если речь части племен (урат и дурбен хухет) Уланцабского аймака можно включить в чахарский говор, так как отличия между ними незначительны,

¹ Согласно военной организации при маньчжурской династии всему чахарскому населению вменялось в обязанность нести военную службу. Чахары были подразделены на восемь хошунов, каждый из которых имел особое, определенное цвета знамя — сплошное или обшитое каймой. Эти прежние наименования до сих пор сохраняются за хошунами. Следовательно, хошун Гул улан означает «хошун сплошь красного знамени», тогда как хошун Хувет улан — «хошун красного знамени с каймой».

то речь монголов-хешиктен (хошун Хешиктен в Джоудаском аймаке) мы рассматриваем отдельно как подговор чахарского говора.

Особенности фонетики. Общая характеристика говора строится на основе речи чахар хошуна Мянган тайвас западного крыла.

Гласные те же самые традиционно известные четырнадцать гласных звуков: *a* (*ā*), *y* (*yū*), *o* (*ō*), *ə* (*ē*), *γ* (*γū*), *e* (*ē*), *i* (*ī*). Там, где гласные *a* и *o* первого слога под влиянием гласного *i* второго слога развились в говорах восточного диалекта в гласные переднего ряда *ɛ*, *ɔ*, в чахарском заметна палатализация согласного перед *i*:

	Хорчин	Чахар
<i>ʃabl</i> 'послушник'	<i>шɛв</i>	<i>шав'</i>
<i>barɣul</i> 'ручка, черенок'	<i>бɛрʉл</i>	<i>барʉл</i>
<i>morin</i> 'конь'	<i>мɔр(ɪ)н</i>	<i>мор(ɪ)н</i>
<i>qoni</i> 'овца'	<i>хɔн</i>	<i>хон'</i>

В говоре на месте древнего комплекса *v + y + i* развились дифтонги *аё*, *оё*, *уё*, *γё*. То же самое имеет место и в речи урат и дурбен хухет:

	Чахар	Урат
<i>ayll</i> 'аил, группа юрт'	<i>аёл</i>	<i>аёл</i>
<i>boyɣl-</i> 'подрастать, расти'	<i>боёджл-</i>	<i>боёджл-</i>
<i>uylla-</i> 'плакать'	<i>уёла-</i>	<i>уёла-</i>
<i>üyle</i> 'дело'	<i>γёл</i>	<i>γёл</i>

Однако заметна тенденция к переходу дифтонгов в долгие монофтонги, особенно в непервых слогах: *ei* СПМЯ соответствует долгий гласный *ē*: *billg-tel* 'талантливый' — чах. *биллгтэ*.

Наиболее существенные отличия, которые обнаруживаются в чахарском говоре, касаются согласных, находящихоя в оппозиции «сильные—слабые». Сильными и слабыми могут быть как смычные и спиранты, так и аффрикаты.

Своеобразие противопоставления «сильные—слабые» состоит в том, что в чахарском прослеживается тенденция к ослаблению сильных начальных согласных, чего не наблюдается в говорах восточного диалекта (кроме оннют-найманского подговора арухорчин-баринского говора).

Ослабленную группу согласных монголисты находили в ордосском диалекте языка монголов Внутренней Монголии /15, с. 110/. Наши материалы расширяют рамки этого явления. Тенденция к ослаблению сильных начальных согласных прослеживается не только в южном (ордосском), но также в говорах центрального диалекта — чахарском и шилингольском (т.е. в речи монголов обширного ареала — Шилингольского, Чахарского и Уланцабского аймаков), а также в одном из подговоров восточного диалекта.

Сильная начальная шипящая аффриката СПМЯ *ɕ* в положении перед такими же сильными последующего слога в слове (*ɕ* или *q*, *k*, *s*) отражается в чахарском в виде слабой аффрикаты *дж*, например:

	Чахар	Харчин-гумет
<i>çabdi-</i> 'рубить'	<i>джачи-</i>	<i>чачи-</i>
<i>çaqal</i> 'чайка'	<i>джалл</i>	<i>чалл</i>
<i>çokl-</i> 'бить, ударять'	<i>джокл-</i>	<i>чокл-</i>
<i>ölsun</i> 'кровь'	<i>джуc(ан)</i>	<i>чус(ан)</i>
<i>çasun</i> 'снег'	<i>джас(ан)</i>	<i>час(ан)</i>

В других случаях ослабления сильной шипящей аффрикаты *ç* не происходит, т.е. *ç* сохраняет свое исконное качество и остается в виде *ç*:

	Чахар	Харчин-гумет
<i>çayasun</i> 'бумага'	<i>час(ан)</i>	<i>час(ан)</i>
<i>çulbuçur</i> 'поводья'	<i>чулуçур</i>	<i>чулуçур</i>
<i>çimkiçur</i> 'щипцы'	<i>чимкçур</i>	<i>чимкçур</i>
<i>çirliç, çerliç</i> 'воин'	<i>чирли</i>	<i>чирли</i>

Сильный начальный *t* СПИМЯ перед такими же сильными согласными второго слога (*t* или *ç*, *q*, *k*, *s*) диссимилятивно отражается в говоре в виде слабого смычного *ð*:

	Чахар	Харчин-гумет
<i>tatayü</i> 'недостаток'	<i>ðatü</i>	<i>татü</i>
<i>toqal</i> 'локоть'	<i>ðoçö</i>	<i>тоçö</i>
<i>tülkiçür</i> 'ключ'	<i>ðülkçür</i>	<i>түлкçүр</i>
<i>tasun</i> 'масло'	<i>ðos(он)</i>	<i>тос(он)</i>
<i>tusalamjï</i> 'помощь'	<i>ðuslamdž</i>	<i>тусламдж</i>
<i>tuslyä</i> 'путы-треноги'	<i>ðuñä</i>	<i>туñä</i>

В чахарском зафиксированы три глагольные основы, которые односложны и закрыты спирантом *s* и в которых начальный сильный согласный ослаблен, например:

	Чахар	Харчин-гумет
<i>tes-</i> 'терпеть'	<i>ðes-</i>	<i>тес-</i>
<i>tos-</i> 'встречать'	<i>ðos-</i>	<i>тос-</i>
<i>tus-</i> 'попадать'	<i>ðus-</i>	<i>тус-</i>

Сильный начальный спирант *q* в положении перед такими же сильными согласными последующего слога в слове (*q* или *ç*, *ç*, *s*) в чахарском говоре отражается в виде слабого смычного *g*:

	Чахар	Харчин-гумет
<i>qaqä-</i> 'поперхнуться'	<i>gaxä-</i>	<i>тата-</i>
<i>qatya-</i> 'сушить'	<i>gatä-</i>	<i>татä-</i>
<i>qubçasu</i> 'одежда'	<i>gubças(ан)</i>	<i>хóвçис(он)</i>
<i>qaçar</i> 'щека'	<i>gачар</i>	<i>гачар</i>
<i>qasü-</i> 'убавлять'	<i>gаса-</i>	<i>гаса-</i>
<i>qasıng</i> 'ленивый'	<i>gашıң</i>	<i>гашıң</i>

Сильный начальный заднеязычный *k* в положении перед такими же сильными согласными второго слога (*k* или *t*, *č*, *s*) в чахарском отражается в виде слабого *v*:

	Чахар	Харчин-тумет
<i>köke</i> 'сивий, зеленый'	<i>гох</i>	<i>гох</i>
<i>kabter</i> 'лежка (скота)'	<i>гевтер</i>	<i>хевтер</i>
<i>kälčiye-</i> 'согреваться'	<i>гөлчб-</i>	<i>хөлчб-</i>
<i>küse-</i> 'желать'	<i>гүсв-</i>	<i>хүсв-</i>
<i>kisig</i> 'счастье'	<i>гешиг</i>	<i>хешиг</i>

Собранный экспедициями материал у уландабских монголов (урат и дурбен хухет восточной части) свидетельствует о том, что в их речи не имеет места ослабление сильных начальных согласных, которое наблюдается в чахарском говоре. Речь урат и дурбен хухет объединяет с чахарами то, что древний консонант *č* сохраняет в них свое исконное качество не только перед гласным *i*, но и перед остальными гласными.

Относительная определенность и регулярность этого явления регрессивной диссимиляции, противопоставление сильного начального слабому начальному согласному — результат длительного развития. Возможно, что отдельные говоры и диалекты языка монголов Внутренней Монголии отличались этой чертой в более ранний период, примерно в XIII—XIV вв. (см. /2, с. 109—110/).

Шипящая аффриката *č* в положении перед гласным *i* и перед остальными гласными в чахарском сохраняет свое исконное качество и отражается в нем в виде *дж*:

č перед гласным *i*:

	Чахар	Арухорчин-барин
<i>čiyasun</i> 'рыба'	<i>джагас(ан)</i>	<i>джагас(ан)</i>
<i>čiyura-</i> 'месить'	<i>джура-</i>	<i>джура-</i>
<i>čibere-</i> 'ржаветь'	<i>джере-</i>	<i>джере-</i>

č перед остальными гласными:

<i>čiyayap</i> 'толстый'	<i>джуджән</i>	<i>джуджән</i>
<i>čamay</i> 'тина'	<i>джамаг</i>	<i>джамаг</i>
<i>čägel</i> 'пчела'	<i>джөгт</i>	<i>джөгт</i>
<i>čegü-</i> 'привешивать'	<i>джү-</i>	<i>джү-</i>
<i>čoba-</i> 'мучиться'	<i>джово-</i>	<i>джово-</i>
<i>čüg</i> 'направление'	<i>джүг</i>	<i>джүг</i>

В небольшом количестве слов в речи дурбен хухет замечается переход аффрикаты СПМЯ *č* перед гласным *i* в спирант *ш*: *čidur* 'путы-треноги', *čidal* 'сила, мощь', *čir-* 'тащить', *čina-* 'варить, готовить' — дурбен хухет *шөдөр*, *шадал*, *шрв-*, *шана-*.

Напротив, в речи уратов зарегистрировано несколько слов, где имеет место развитие взрывного согласного *d* в спирант *с*, например: *ebed-* 'болеть', *qabuda-* 'отекасть', *qayud-* 'играть' — урат *өвсө-*, *хавса-*, *наса-*. Подобные явления имеют место в арухорчин-баринском говоре восточного диалекта.

В речи чахар и дурбен хухет наблюдается перестановка согласных там, где не бывает ее в говорах других диалектов, например: *biʃiregü* 'сыпь' — дурбен хухет *бирджү; sibenegür* 'бабка (у лошади)' — чах. *шлеүр*.

Особенности морфологии. Образование имен во множественном числе не имеет отличий от других говоров. В чахарском заметно лишь широкое употребление параллельной формы множественного числа -*-чүл* и -*-чүд*: *джалүчүл, джалүчүд* 'молодежь', *моңолчүл, моңолчүд* 'монголы'.

Падеж и имен существительных имеют небольшие отличия, характерные для говора. Они в основном касаются образования родительного падежа. Здесь для чахарского говора зафиксированы: 1) -*ң*, присоединяемый к основам имен, оканчивающимся на дифтонг: *түлаё* 'заяц' — *түлаёң*; *нохоё* 'собака' — *нохоёң*; 2) -*ñ*, присоединяемый к основам, оканчивающимся на согласные: *үл* 'гора' — *үлñ*; *нүр* 'озеро' — *нүрñ*; *ав* 'отец' — *авñ*; 3) -*аё*, присоединяемый к основам, оканчивающимся на скрытый *н*: *мод(он)* 'дерево' — *модноё*; *адү(н)* 'табун лошадей' — *адүнаё*.

Винительный падеж образуется суффиксами -*и* (*хормоё* 'подол' — *хормоёи*) и -*ñ* (*мор* 'конь' — *морñ*). Однако в чахарском употребляется и суффикс -*ñ*, что сближает его с говорами восточного диалекта: *нас(ан)* 'возраст' — *настñ*; *үг* 'слово' — *үгñ*.

Образование удвоенных форм, присоединение частиц личного и возвратного притяжаний не отличается по всем говорам. Зафиксирована удвоенная форма дательного-местного и исходного падежей от слов *гартёс* 'из дома' и *гартас* 'из рук'. В наших записях у чахар хошуна Шанд хухет шармы находим: *Ролма гартасчн балга ад авчх* 'Ролма может [это] вырвать из твоей руки', но следует пометить: «*гартас... ене үгү арвн джархүё*», «*гартас...*» этим словом пользуются редко.

Только в чахарском говоре и в речи урат частица возвратного притяжания имеет на конце заднеязычный *ң*, т.е. встречается в виде -*аң*: *барүн аёлаё ахаң дүд ад ир* 'позови своего брата из аила, что на западной стороне'; *тер жүмн ёждёң атр ад өг* 'принеси ту вещь своей матери'.

В речи дурбен хухет встречается частица возвратного притяжания -*а* (*аң* редко): *аха дүд ад ир ёч* 'позови-ка своего старшего брата'; *ганд асүгё, гадна аргалгүё* 'в чане у него нет воды, а во дворе — аргала (кизяка)'.

В произношении количественного числительного «девять» чахары сближаются с харчинами, т.е. оно произносится *јис(ен)*: *арав јис* — 19, *гуч јис* — 39, *таё јис* — 59 и т.д. В речи урат и дурбен хухет «девять» будет *јас(өн)*. В остальном чахарский ничем не отличается от других говоров: 1) -*дугар* в порядковом числительном (*джургадугар* 'шестой', *дөрөвдүгёр* 'четвертый'); 2) -*үл* в собирательном числительном (*арсүл* 'вдесятером', *јисүл* 'вдвелятером'); 3) -*ад* в разделительном числительном (*гучад* 'по тридцать', *јирёд* 'по девяносто').

Личное местоимение 1-го лица единственного числа имеет две параллельные основы косвенных падежей — *над-* и *нам-*:

Им.	<i>би</i>
Род.	<i>мині</i>
Дат.-местн.	<i>надад, намаёд</i>
Вин.	<i>намаёг</i>
Исх.	<i>надас, намаёгас</i>
Орудн.	<i>надар, намаёгар</i>
Совм.	<i>надаё, намаётаё</i>

В речи чахар хошуна Шанд хувет шар мы записали наряду с *намаёг* (вин. пад. от *би*) и чередующуюся форму *манаёг* 'меня', например: *манаёг үнэ сартар тер хү сатүлджэ* 'пока я подою корову, понявчи того ребенка'.

Парадигма местоимений *бид(ен)* 'мы', *ми* 'ты', *та* 'вы' ничем не отличается от склонения их в других говорах. Лишь следует остановиться на указательных местоимениях *ене, тер* в значении личного местоимения 3-го лица. Свообразие чахарского говора в сравнении с теми говорами, о которых шла речь прежде, заключается в том, что эти местоимения в единичных случаях включают еще и основу *-үнэ*:

	Чахар		Арухорчин-барин	
Им.	<i>ене</i>	<i>тер</i>	<i>ене</i>	<i>тер</i>
Род.	<i>еннэ</i>	<i>терне</i>	<i>еннэ</i>	<i>тернэ</i>
Дат.-местн.	<i>ененд,</i>	<i>теренд, терүнд</i>	<i>ененд</i>	<i>теренд</i>
Вин.	<i>еннги</i>	<i>тернги</i>	<i>еннг</i>	<i>тернг</i>
Исх.	<i>еннэс</i>	<i>тернэс</i>	<i>еннэс</i>	<i>тернэс</i>
Орудн.	<i>еннэр</i>	<i>тернэр</i>	<i>еннэр</i>	<i>тернэр</i>
Сов.	<i>енентэ</i>	<i>терентэ, тертэ</i>	<i>енентэ</i>	<i>терентэ</i>
	<i>енүнтэ</i>	<i>терүнтэ</i>		

В речи чахар хошунов Гул хухэ и Шанд хувет шар наряду с *тернги* (вин. пад.) весьма часто употребляется параллельная ей форма *терги*: *терги хүлөөч ес хүлөөч дус үгүё* (Шанд хувет шар) 'что ждать, что не ждать его — все равно бесполезно'; *терги үнэгён санигут мах бучалла* (Гул хухэ) 'пока она доила свою корову, мясо закипело'.

Отличает речь чахар и употребление местоимений во множественном числе *еднүс* 'эти', *теднүс* 'те': *теднүс готбс бичи атрвал би үджнэ* 'если те привезут письмо из города, я прочту'; *еднүс бас хүрэд ирджэ* 'эти тоже приехали'.

В речи урат и дурбен хувет местоимения *ене* и *тер* имеют разные основы косвенных падежей: *ене-, енүн-, тер-, терүн-* (урат); *ене-, тер-* (дурбен хухет):

		Урат	Дурбен хухет
Дат.-местн.	<i>егүн-дүр</i>	<i>ененд, енүнд</i>	<i>ененд</i>
	<i>тегүн-дүр</i>	<i>теренд, терүнд</i>	<i>теренд</i>
Исх.	<i>егүн-эсе</i>	<i>еннэс, енүнэс</i>	<i>еннэс</i>
	<i>тегүн-эсе</i>	<i>тернэс, терүнэс</i>	<i>тернэс</i>

Повелительно-пригласительной формой 1-го лица обоих чисел является *-ја*: *би одб горшибнд очја* 'я сейчас поеду в кооператив'; *бид чаёгян үја*

‘выпьете-ка чай’; *ерт гарад үдлэ-ирдэ* ‘выедемте пораньше и вернемтесь-ка в полдень’.

К повелительной форме 2-го лица, как и в говорах восточного диалекта, часто присоединяется долгий гласный: *тā майттар: жавā* ‘вы поезжайте завтра’; *мтл дун ном сайн сурд* ‘мой братишка, учись хорошо’; *чл мамайд ене орд-ирд* ‘приходи к нам вечером’.

Последнюю фразу мы записали у чахара, жителя хошуна Гул хухэ. Согласно сведениям информанта, *-ирд* – *улам гүчтэ боллодж, их гүседж бабэйн медүлен*, т.е. информант поясняет: когда чахары произносят вместо *ир* словоформу *ирд*, то этим хотят подчеркнуть повеление, желание, приказание, отдаваемое в более настойчивой форме.

В речи дурбен хухет зафиксирована повелительно-просительная форма 2-го лица *-ач*, которая известна в соседнем шилингольском говоре: *хүхедмн чагайч үнч* ‘пейте, дети мои, свой чай’; *чл гертэ хурдан очач* ‘ты быстрее иди к себе домой’.

В 3-м лице используется известная и распространенная во всех гсчорах повелительно-желательная форма *-и*: *майттар готод Буянбат жавач* ‘завтра в город пусть едет Буянбат’. Суффикс 3-го лица *-тугай* (СПМЯ *-тугай*, *-тугай*) употребляется редко.

В чахарском говоре зафиксирован суффикс *-дсае*. Посредством этого суффикса образуется желательная форма: *чл борднбс түрү жавдсае* ‘поехал бы ты до дождя’; *бл Гаджимай усанд очдсое гэсенгүе* ‘я не сказал Гаджиме, чтобы пошла за водой’.

Часто эта форма употребляется с глаголом 3-го лица. Так, в речи чахар хошуна Шанд хувет шар нам встретился пример: *аргалджгайд жавдсае да* ‘приложил бы все старания и усилия, поехал бы’.

Как и все монголы Внутренней Монголии, чахары редко употребляют суффикс множественности субъектов действия. По признанию самих носителей говора, *«одд хамгайгүе хергелдэжн»* (т.е. словоформы типа *жавгай* и *жавчагай*) употребляются не строго).

Изывательная форма настоящего-будущего времени сохраняет суффикс *-нб* (*-н*): *майттар теңгер хүетен болон* ‘завтра будет холодная погода’; *бл өглэ суманд жавнā* ‘я утром поеду в сомон’; *та хашā жавнү?* ‘вы куда едете?’; *тад Баочанд жавач гедж баёнү?* ‘вы собираетесь в Баочан?’.

Обращает на себя внимание существование в диалектах Внутренней Монголии глагола ‘быть’ в двух формах, вместе с формой предшествующего деепричастия несущих значение настоящего времени. Для восточного диалекта это синтетическая форма *-джэн* (< *-дж* + *бэн*), а для центрального – аналитическая, состоящая из *-дж* и *баён*. Эти формы стали для каждого из диалектов нормой в передаче действия, совершаемого в настоящее время.

Форма глагола прошедшего времени на *-с* в функции сказуемого почти не встречается. Чахарский говор не является исключением. И в нем форма на *-с* употреблена в предложении с вопросительной частицей или вопросительным словом: *та ендэс жавд хā зонов?* ‘выехав отсюда, где вы ночевали?’; *өчидөр чл гошнд очивү?* ‘ты вчера не ездил в хошун?’.

Напротив, остальные две формы глаголов прошедшего времени — на *-лā* и *-джэ(-чэ)* — широко используются в говоре: *тер ху джочн серлэ* 'мальчик проснулся от испуга'; *егчн усанд очкнордн дүгн дагуллā* 'когда сестра пошла за водой, взяла с собой своего младшего брата'; *би одд долбн настā боллō* 'мне теперь исполнилось семь лет'; *орд би ичелн дастаджэ* 'вечером я повторил свои уроки'; *тернн тугалчн хүдн өгчэ* 'ту /вещь/ отдала мальчику — пастуху телят'.

Причастию прошедшего времени в чахарском несвойственно заменять конечный и заднеязычным *н*, как это наблюдается в шиллингальском говоре, т.е. в нем мы имеем суффикс *-сан*: *ни јазд тенд очсонгүё билэ дбэ* 'почему ты туда не пошел?'; *и ердем сурсан хүн* 'человек высокообразованный'; *урган авад мор бартар јавсан* 'ушел с урюком (шестом), чтобы ловить коня'; *би чни джадж өгсөн јосор хіасн* 'я сделал так, как ты меня учил'. Из всех причастных форм она употребительнее других, тогда как остальные, в особенности причастие на *-ā*, функционально более ограничены.

В образовании деепричастий сопутствующих, т.е. соединительного, слитного и разделительного, чахарский не отличается от других говоров и диалектов. Особенности говора заметны в другой группе деепричастий — обстоятельственных.

1. Последовательное деепричастие имеет два варианта суффикса *-хләр* (*-хнәр*): *јавхнәрн (јавхләрн) маһәгәр дадрәд гарā* 'когда поедешь, заезжай по дороге к нам'; *Гаджүмә јавхләр (јавхнәр) чи јавну?* 'когда поедет Гаджидма, ты с ней поедешь?'; *тад дивсн төхнрән (төхләрән) маһә тергн авад јавā* 'когда поедете за солью, берите нашу телегу'. Обе формы деепричастия одинаково распространены и употребительны.

2. В речи чахар хошуна Шанд хувет шар зарегистрирована параллельная форма деепричастия цели на *-хн* вместо *-хләр*, известного в речи чахар остальных хошунов: *ни усн дамхн (дамхләр) јавхнәрн маһәгәр дүдчх, ну јавјā* 'когда пойдешь за водой, позови меня, пойдем вместе'; *хојулам өне өдөр аргал түхн (түхләр) јавјā* 'пойдем вдвоем сегодня собирать аргал (кизяки)'; *ни үнөгн сәнхн (сәнхләр) гар* 'ты иди, чтобы подоить корову'; *Баяр адүгн усалхн (усалхләр) гертөсен ховогн авад гарлā* 'Баяр вышел из дому с колодезной бадьей, чтобы напоить табун лошадей'.

3. Уступительное деепричастие образуется посредством суффикса *-вач*: *харвач өс харвач болохүе* 'смотри не смотри — все равно'; *ни тенд очвач јүч болохүе* 'хотя ты и пойдешь, все равно ничего не получится'. Однако в речи жителей хошунов Шанд хувет шар и Гул хухэ бытует другая форма этого деепричастия, хорошо нам известная по говорам восточного диалекта. Это суффикс *-јāч*: *маһәгәр јрјәч (јрвөч) тер јрдж шадахүе* 'если ты и придешь, он не сможет прийти'; *та харјāч (харвөч) харсангүе и тер јрехүе* (Шанд хувет шар) 'смотри не смотри, он не придет'; *ни ерт јавјāч (јавбөч) надас түрү хүрехүе* 'хотя ты и раньше меня поедешь, но раньше меня не доберешься'; *јрјәч јрехүе болбоч би јавнā* (Гул хухэ) 'придет он или не придет, я поеду'.

4. Предварительное деепричастие на *-магч* в чахарском, как и во всем центральном диалекте, зафиксировано в следующих примерах: *джас ормогч теңгер муһә боллб* 'как только выпал снег, погода ухудшилась'; *Сарангерлн дүдмагч би хүрөд грлэ* 'как только позвала Сарангерел, я тут же явился'.

В подтверждение того, что это деепричастие обозначает действие, после осуществления которого следует тут же другое действие, в чахарском говоре наблюдается частая замена деепричастной формы причастием прошедшего времени со словом *мөртөң* 'как только, сразу' (ср. СПМЯ *mör tegeŋ*, совр. монг. *мөртөө*). Особенно это заметно в речи чахар хошунов Шанд хувет шар и Гул хухэ, например: *Джамса герт орсон мөртөң (ормогчон) гарад жавла* 'как только Джамса вошел в юрту, сразу вышел'; *ёдж гаднас ирсен мөртөң (ирмегчен) чаёгаң чанла* 'как только мать пришла, стала варить чай'; *тед адугаң хөдж ирсен мөртөң (ирмегчен) усалла* 'как только они пригнали табун, стали поить'; *Оролма баёшнд орсон мөртөң (ормогчон) гарад жавла* 'как только Оролма вошла в дом, тут же вышла'. Объяснение информанта: «*ордд удсангүё, дорн гарад жавла*» (т.е. вошел человек в дом — не задержался, тут же вышел).

5. Деепричастие предела в чахарском имеет параллельные формы на *-тал(-тар)*: *Оюнгерел иртел (иртер) чи ене чаёгаң чанд тавджг* 'пока придет Оюngerел, ты приготовь этот чай'; *сүсар баётар (баётал) Лубсан хүрөд ирлэ* 'пока сидели, пришел Лубсан'; *та бада бучалтар (бучалтал) енд сүдж баё (сүджг)* 'пока сварится еда, вы посидите тут'.

6. Деепричастие причины на *-манджин (-ман)* сохраняет за собой и значение условия осуществления действия: *чи очмон ене херег саё бүтнэ* 'если ты пойдешь, это дело тут же разрешится'; *чи хелмэн би саја медлэ* 'так как ты сказал, я тут же понял'. Форма на *-манджин* чаще встречается в речи чахар хошунов Шанд хувет шар и Гул хухэ. Нами зафиксированы следующие примеры: *чи жавманджин саё тер хүн ириё ба?* 'если ты поедешь, он тут же придет?'; *чи очмонджин тер херег бүтлэ шү* 'если ты пойдешь, то и дело наверняка совершится'.

Приведем два примера, записанные нами у информанта: *чи хелмэнджин їм болло ба да?* 'ведь так получилось оттого, что ты сказал?'. К этой фразе сохранилось в наших записях пояснение самого информанта: «*чи хелсенё їм болло, чи хелсенгүё бол їм болохгүё гесен мајагтаё*» (т.е. оттого что ты сказал, так получилось; если бы ты не сказал, такого не было бы); *чи үджмэнджин мордң саё тайла ба да* 'так как ты заметил, он распознал своего коня'. И здесь пояснение информанта: «*чи үджсенгүё бол тер мордн олохгүё гесен мајагтаё*» (т.е. если бы ты не увидел, он не нашел бы своего коня).

Эти два примера с деепричастием на *-манджин* указывают, что здесь сохраняется причинно-условная зависимость действий. Это подтверждается и пояснениями: в первом случае употребляется фраза, начинающаяся с *чи хелсенё...* (причина), а во втором информант пользуется другой конструкцией — *чи хелсенгүё бол...* (условие).

В речи чахар хошуна Шанд хувет шар деепричастие на *-манджин* иногда может соответствовать по значению предварительному деепричастию: *ене жавманджин би саё жавла* 'как только он пойдет, я тут же пойду'.

7. В чахарском говоре существует форма попутного деепричастия, которая не встречается в говорах восточного диалекта. Это деепричастие образуется присоединением к основе глагола суффикса *-ңи үт*. Оно обозначает действие, во время совершения которого попутно может произойти другое действие, передаваемое основным глаголом-сказуемым: *чи аёл төврөңи үтәң ма-*

лән үджи 'когда будешь разъезжать по аилам, присматривай и за скотом'; *тһиёң јавангүтәү манәә тәдмәнд кег бугад гар* 'когда будешь туда ехать, зайди и к нашим сватьям'; *тер туглән харулаңгүтәү аргал түлө* 'когда он пас своих телят, собирал и аргал (князя)'. Однако возможно и значение последовательности совершаемых действий: *тер хүн намағи іреңгүт джөрөд гарла* 'как только я пришел, он вышел навстречу'; *ёдж түлөғи ён авч іреңгүтёң чағиан чанла* 'как только мать принесла топливо, стада варить чай'.

Это значение чаще всего поддерживается значением и другого суффикса — *-қиә (-қиәң)*, заимствованного из халхаского диалекта: *Сепелмә терги үджиңгү танла* 'как только Сепелма увидела его, она узнала'; *тер адунәс іреңгүң дорн јавла* 'как только он вернулся из табуна, тут же ушел'; *ази морнос бунга герт орло* 'как только брат снешился, вошел в юрту'.

В наших записях встречаются примеры на *-қиә*, нередко заменяемые формами предварительного или последовательного деепричастия: *тер манәәд ороңгө (ормогчоң, орхибрөң) гарәд јавла* 'как только он вошел к нам, тут же вышел'.

Послелогии в чахарском говоре в основном те же, что и во всех остальных говорах и диалектах, лишь в некоторых случаях в употреблении их наблюдаются отличия, связанные с фонетическими явлениями, типичными для говора. Приведем несколько послелогов:

1) *улдәр* управляет исходным падежом и встречается во временном значении: *Јансан мануәс улдәр ірхисен* 'Янсан пришел раньше, чем мы'; *тер аджлән азәсәң улдәр хдже* 'он выполнил работу прежде своего брата';

2) *духаё* 'о, относительно' управляет родительным падежом: *өнөдөр мал адж-ахун духаё хурал хлө* 'сегодня устроили собрание относительно развития животноводства'; *Нима дугуёлан баёғулсанң духаё јарсан* 'Нима говорил относительно создания кружка';

3) *шн, шү* 'подобно, как' управляет основой имени: *дос шн борө* 'дождь, подобно маслу'; *горчин шү гтад үг јардж шадзигё* 'он не может говорить по-китайски, как хорчин'; однако в уподобительном значении он встречается только как *шн*: *чагргалвал сувраг шн, чаш јавбал дөс шн* 'свернется клубком — словно пирамида; двинется дальше — словно веревка' (загадка: змея).

4) *барам* встречается только с отрицанием *үл* (которое ему предшествует) с общим значением 'не только, но и ...'. Он управляет орудным падежом: *моңгол бичи медхөр үл барам гтад бичи бас меднө* 'он знает не только монгольское письмо, но и китайское'; *би терг медхөр үл барам бас хджд шаднә* 'я не только это знаю, но и могу сделать'; *еднүс үхәр үл барам ідедж юедж јавла* 'они не только пили, но и, наевшись, ушли'; *тер соңсхөр үл барам үд-жедж баёла* 'он не только слышал, но и видел'. Данный послелог распространен во всех говорах и диалектах;

5) несколько приближается к нему по своему значению и послелог *баёту-гаё* 'не только, но и ...', употребляющийся после причастия будущего времени, например: *енчн үджит баётугаё соңсох ч дургё* 'не только видеть его, но и слышать о нем не хочется'; *хүнг хелех баётугаё орон бас шадзигё* 'не только осуждает людей, но и сам тоже не может сделать'; *бид хојор танлчаз баёту-гаё үјертед удадж баёна* 'мы не только знакомы, но и дружим давно'.

Частицы в основном идентичны по значению и делятся на те же группы, что и в других говорах и диалектах, но в чахарском наблюдаются небольшие отличия.

1. Наиболее употребительной из отрицательных частиц является *-гүё* 'не': *ганчхан чүдең гал болохгүё, ганчхан хүн аёл болохгүё* 'одна спичка — не огонь, один человек — не семья'; *дамын джочин бүр үхгүё, нег — хојар сорбд, бучагад өгичид* 'гость до конца не курит трубку, после одной-двух затяжек возвращает хозяину'; *ха гаджиргүё гүч чөхөң* 'езде у них силы слабые'; *би гегер сахад тенд очсонгүё ба да* 'так как караулл дом, я не смог туда поехать'.

2. Чахары широко пользуются утвердительными частицами *шү, да*: *та тер-ри. үджсен шү* 'вы его видели'; *одб набрт јавна шү* 'сейчас идем на празднество'; *тер ерт босбд хондбң јавга да* 'пусть встанет пораньше и пойдет за овцами'; *чи гарад над да* 'иди на улицу, поиграй'; *тер гертен очсон шта* 'он пошел домой'; *тер хеджэ греё дё?* — *саё грлэ шта* 'когда он приехал? — Он недавно приехал'; *Дугима чин ене өглө трсен шта* 'Дугима вернулась утром'. В говоре заметно и объединение двух частиц в одну. Частица *шта* (< *шу + да*) подтверждает реальность высказывания и придает речи чахар своеобразный колорит. У чахар хошуна Шанд хувет шар нами зафиксировано: *Пунсаг чин гх саён дү дүлдаг хүн јим гелё, тјм шта* 'говорят, Пунсаг очень хорошо поет песни. Вот таков (он)'.

3. Усилительно-противопоставительная частица *ч* известна и в центральном диалекте. Ср. в чахарском: *елджнең джитенд ус хтсен ч баёга, дос хтсен ч баёга* 'в уши оола хоть воду налей, хоть масло — все бесполезно'; *нас ч би, бгч ч би, девтер шү* 'это не бумага, не книга, а тетрадь'.

По данным экспедиционной группы, посетившей чахар в административном районе Пиндицоань, заметна одна деталь: здешние чахары наряду с частицей *ч* используют в той же роли частицу *ја*: *горшонд јү ч дутхүё баён (горшонд јү ја дутхүё баён)* 'в кооперативе ни в чем недостатка нет'; *чи иде дё, чаё ч хөрчхджэ (чи иде дё, чаё ја хөрчхджэ)* 'ты ешь, не то чай остынет'; *теднн дүда, хл ч хөрчхлө (теднн дүда, хл ја хөрчхлө)* 'зови их, не то пища остынет'.

4. В значении запрета сохраняются две параллельные формы — *бтг* и *бгч*: *та готод бтг јавга* 'вы не ездите в город'; *чи бгч үёләд баё* 'ты не плачь'. С повелительно-желательными формами употребляется частица *бү*: *чи бү јар, джахаң сүгад јавга* 'ты не спеши, посиди немного и пойдешь'; *чи галар бү над* 'ты не играй с огнем'.

5. В говоре чахар хошуна Шанд хувет шар при вопросе часто употребляется глагол *ге* 'сказать, говорить' со связкой *баё*: *тад Баочанд јавга гедж баёну (геджтнү)?* 'вы собираетесь ехать в Баочан?'; *та морндбң јавга гедж баёну (геджтнү)?* 'вы собираетесь пойти за своим конем?'; *та хлбң. јдег гедж баёну (геджтнү)?* 'вы собираетесь кушать?'. Ср. еще пример на срощенные формы глагола *ге* с частицей *л*: *тер өвгөн үгер саён меддег јим гелё* (< *ге + нё + л*) 'говорят, тот старик знает много былин'.

Часто встречается в чахарском частица *бјдж* со значением вероятности, предположительности: *аг готбс бучадж грегүё бјдж* 'старший брат, наверное, не вернулся из города'; *чјмегүё сүхас дёр бјдж дё* 'должно быть, это лучше,

чем сидеть молча; *енчн мнн алчур бидж дэ* 'это, вероятно, мой платок'; *маттар та жавнā бидж дā* 'вы, вероятно, едете завтра'.

В чахарском говоре зафиксировано несколько междометий, которым нет соответствия в других говорах:

1) *лā-лā, хедī ловштоё јим!* 'ой, сколько у них хлама!'; *лā-лā, јамар му-хаё јим!* 'ой, какая некрасивая вещь!';

2) *хā-хā, ене ху јасан алā јим!* 'о! какой он шафун!'; *хā-хā, јамар савхан одер её!* 'о! какой прекрасный день!';

3) *ш-ш, ш јатхасан јим дё!* 'ой, что ты наделал!'; *ш-ш, ш јамар ам-тан јим!* 'ох, какой ты человек!';

4) *пā-пā, јамар омхī јим!* 'фу, какой неприятный запах!'; *пā-пā, јамар дуре мутаё јим!* 'фу, какой страшный на вид!'.

ХЕШИКТЕНСКИЙ ПОДГОВОР

Монголы-хешиктены населяют один хошун, который входит в состав Джоудаского аймака. Он граничит на севере с хучитами, на востоке — с баринами, на юге — с оннютами, а на западе — с чахарами. Земли хошуна еще в середине XVIII в. были колонизированы переселенцами, и местные монголы вынуждены были перекочевывать в пределы соседних хошунов в поисках лучших пастбищ.

По своей речи монголы-хешиктены относятся к подговору, промежуточно между центральным и восточным диалектами. Хотя черты тех и других говоров проявляются в нем в равной степени, рассматриваем мы его в составе чахарского говора, поскольку у них более тесны контакты с монголами центральных районов.

Особенности фонетики. Кроме известных всем говорам четырнадцати глагольных звуков в подговоре имеются еще гласные переднего ряда ε , $\bar{\varepsilon}$, \bar{o} , \bar{o} , \bar{y} : *allva* 'резвый, шаловливый', *ayimsly* 'боязнь', *dollr* 'менять', *sdyi-* 'выстаивать (лошадь)', *tūlmūr* 'пожар' — хешиктен *лā, эмир, дёл-, сд-, түмер*.

Как известно, эти гласные типичны для говоров и подговоров восточного диалекта.

В речи хешиктен замечается одна особенность: иногда вместо долгих гласных употребляются дифтонги. Так, зафиксированы примеры: *теден модон дотор төрджен (төрдж баен)* 'они гуляют в лесу'; *хучн үлādэх (уёлād баэх), гертен жавā* 'иди домой, сын заплачет'; *мөм јирхлёр чи манёд (манаёд) јир* 'когда вернется мать, ты приходи к нам'.

Речь хешиктен резко отличает (как и речь оннютов и найман) от речи монголов восточной части ослабление сильных начальных согласных в слабые начальные согласные. Это сближает подговор хешиктен с говорами центрального и южного диалектов.

Сильная начальная шипящая аффриката СПМЯ \mathcal{C} в положении перед такими же сильными последующего слога в слове (\mathcal{C} или q , k , s) отражается в подговоре в виде слабой аффрикаты $\mathcal{C}h$: *сеёег* 'цветок', *сагар* 'чахары', *ёлкыд*

'наушники', *časurqač* 'снежный' — хешиктен *джичи, джагар, джихевчи, джасаргаи*.

Сильный начальный согласный СПМЯ *t* перед сильными же согласными второго слога (*t* или *č, q, k, s*) соответствует в подговоре слабому начальному согласному *ä*: *toyta-* 'устанавливать', *tobči* 'пуговица', *taqala-* 'подковывать', *takim* 'коленный сгиб', *tasura-* 'рваться, отрываться', *tasıyu* 'косогор', 'склон' — хешиктен *дошто-, довчи, дахла-, дахлм, дасра-, дашү*.

Сильный начальный СПМЯ *q* в положении перед такими же сильными согласными второго слога в слове (*q* или *t, č, s*) в подговоре хешиктен отражается в виде слабого смычного *ü*: *qaqa-* 'поперхнуться', *qatsyu* 'твердый, жесткий', *quči-* 'накрывать', 'крыть', *qusu-* 'скоблить, соскабливать', *qasıng* 'ленивый' — *гата-, гатү, гучи-, гуса-, гаштү*.

Сильный начальный заднеязычный *k* в положении перед такими же сильными согласными второго слога (*k* или *t, č, s, š*) в подговоре хешиктен отражается в виде слабого согласного *ü*: *kökü-* 'сосать', *kelteyl-* 'коситься', 'наклониться', *köiči-* 'греть, согревать', *keseg* 'часть', 'кусок', *kösige* 'занавес' — *көхө-, келмї, көлчи-, кесег, көшл*.

Как и во всех говорах восточного диалекта, в подговоре хешиктен замечается:

1) переход *γ (g)* перед согласными *č, t, s (š)* в спирант *x*: *ogedı* 'старшая сестра', *noytula-* 'надевать недоуздок', *aysa-* 'привешивать (например, лук)', *ayst-* 'сокращаться' — *ехч, нохтло-, ахса-, ахшї*.

2) чередование в небольшом количестве слов начального *j* с нулем (перед *t*): *ire-* 'приходить' — *jpre-*; *jpre-, jlegü* 'лишний, излишний' — *jлү, jлү*; *ıstgen* 'козленок' — *ıштл*; *yeke* 'большой' — *jix, ix*; *ıkıre* 'близнецы' — *jхер, jхер*.

Весьма показательным в подговоре является отражение спиранта *s* в виде слабой аффрикаты *dz*: *salkın* 'ветер', *soqur* 'слепой', *soqura-* 'ослепнуть', *soyta-* 'опьянеть', *soytayu* 'пьяный' — хешиктен *селхлн, дзелхлн, сохор, дзохор, сохро-, дзохро-, сошто-, дзошто-, соштү, дзоштү*.

О параллельном употреблении слов с начальными *s* и *dz* свидетельствуют следующие фразы, записанные у хешиктен: *dzelxlnās xurđan sanātē* 'мысли у него быстрее ветра'; *borđn orsnđ darā selxln garlā* 'как только прошел дождь, поднялся ветер'; *selxlnıēd uqıas savđj bolxūš* 'в ветреную погоду нельзя трепать (бить) шерсть'; *esxul dzelxı garan, esxul xıteren* 'или поднимется ветер, или похолодает'.

Особенности морфологии. В склонении имен существительных хешиктенский подговор не имеет отличий от склонения существительных в арухорчин-баринском говоре. Однако в направительном падеже в подговоре встречается суффикс *-rū*: *manē adū golrū orlō* 'наш скот направился к реке'; *menērū neı xın jrle* 'к нам пришел какой-то человек'.

В склонении местоимения 1-го лица единственного числа *bı* 'я' подговор ближе к арухорчин-баринскому говору, чем к чахарскому:

	Хешиктен	Арухорчин-барин	Чахар
Дат.-местн.	нāд -	нāд, надад	надад, намаѐд
Вив.	нѐмѐ(г)	нѐмѐ(г), жѐнѐ(г)	намаѐг
Исх.	нада̄с	нада̄с	нада̄с, намаѐга̄с

В хешиктенском подговоре заметно существование черт, характерных для говоров разных диалектов, и в этом отношении он является переходным. Отличительные черты, присущие повелительно-желательным и изъявительным формам, сближают его с восточными говорами, тогда как в образовании и употреблении некоторых деепричастий — с говорами центрального диалекта.

Желательная форма на *-а̄сла̄*, встречающаяся нам ранее в баринском, употребляется и в хешиктен: *мед хōл идѐслѐ* 'поели бы они пищу'; *хўхед удāн на̄дасла̄ да̄* 'поиграли бы дети подольше'; *борōн орбслō* 'пойти бы дождю'; *чи сѐн сурасла̄* 'учился бы ты хорошо'.

В хешиктенском подговоре, как и во всем восточном диалекте, настоящее время глагола образуется суффиксом *-джѐнā (-джѐн)*. Он широко употребителен: *манѐ хўхед хōн жамā херўлджѐнā* 'наши ребята пасут овец и коз'; *мед намарджā бўхар јавджѐн* 'они едут, чтобы поселиться в зимниках'; *Чогто герѐн сўдерт јестджѐн* 'Чогто лежит в тени юрты'.

Деепричастие характеризуется следующими особенностями:

1) в хешиктенском подговоре нет суффикса предварительного деепричастия на *-нāрāн*, типичного для всех говоров восточного диалекта. В нем бытует разговорная форма на *-мч*: *би нар јарамч јрлѐ* 'я приехал, как только взошло солнце'; *тер ѐл герѐн бѐрмч галāн тўлджѐ* 'та семья, как только поставила юрту, так стала разводить огонь';

2) в наших записях у хешиктен встретились примеры, в которых наряду с *-хār* употребляется и показатель деепричастия цели *-хў*: *меден давс авхār (авхў) јавджѐ* 'они отправились, чтобы привезти соли'; *тер тѐрхѐр (тѐрхўѐ) јарāд јавджѐ* 'он вышел, чтобы погулять';

3) подобно харчин-туметскому и чахарскому говорам, в подговоре хешиктен деепричастие предела имеет варианты суффикса *-тар*, т.е.: *би үр јегѐртер хōн манлā* 'я охранял овец до рассвета'; *тер сохтогол ұлā* 'он напился допьяна'; *бид бадāгāн чадтар јдлѐ* 'мы поели досыта';

4) *-мāн, -мāнчн* в речи хешиктен встречается редко. Зафиксированы лишь единичные примеры: *мнī ѓвчн ем ұмāн (умāнчн) едеглѐ* 'так как я принимал (пил) лекарства, я вылечился от болезни'; *джас јхер ормōнчн бўд гертѐн сўлā* 'так как пошел сильный снег, мы сидели дома';

5) более распространенным в подговоре является суффикс *-нўт*, характерный для центрального диалекта: *тер ѓсѓн адўгāн хараңнўт олтѐ адўг харджѐн* 'когда он смотрел за своим табуном, он приглядывал и за общественным'; *чи ѓсѓн мōрōн ереңнўт мнī мōрī баса үджѐ* 'будешь искать своего коня, заодно поищи и моего'; *мед јреңнўт дзелхн јарлā* 'с их приходом поднялся ветер'. В наших записях у хешиктен попутное деепричастие на *-нўт* часто замещается другими формами, в частности деепричастием продолжительным или последовательным на *-хнār (-хлār)*: *мед јавнўт (јавсār, јавхнārāн) εджлн духā јарлчнā* 'когда они идут, говорят о работе'; *тер давсāн авад јреңнўт*

(*јрсѣр, јржѣрѣн*) мал *жхѣр јавл* 'когда вернулся из поездки за солью, пошел погнать скот'; борб *намджигут* (*намджисѣр, намджижѣрѣн*) бид *јавл* 'как только перестанет дождь, мы поедем'.

В последелогах заметны отклонения фонетического характера.

Последелог *тугај* произносится как *духа*: мал *малджиги духа јарджен* 'речь ведут о разведении животных'; последелог *турсј* встречается в виде *дури*: *ене сар дури борон орбдѣл* 'весь этот месяц щли дожди'.

Частицы в хешиктенском в основном те же, что и в говорах восточного диалекта. По нашим записям, особенность хешиктен составляет объединение некоторых частиц, например, утвердительных, какое мы наблюдаем в шилингольском говоре: на вопрос *чи аргал хурѣхѣр јавн?* 'пойдешь ли собирать топливо?' следует ответ: *би аргалд јаван штѣ* (*јаван*) 'я пойду за топливом'. Или еще примеры: *Саран хѣ бѣн?* 'где Саран?' — *би медхѣ штѣ* 'я не знаю'; *чи хеджѣ харлх јим?* 'когда ты едешь?' — *би магатар үдеш харн штѣ* 'я поеду завтра вечером'. Однако это не означает, что частицы *шү, дѣ* не употребляются самостоятельно: *чичи чѣ үсѣр бѣн дѣ?* 'ты все пьешь чай?' — *мон х, үсѣр бѣн дѣ* 'я продолжаю пить'; *би багдан јх слѣ бѣотм дѣ* 'я в молодости вел праздную жизнь'; *борб орвол тер јаважүѣ шү* 'если пойдет дождь, он не поедет'.

Так же как в арухорчин-баринском говоре, в речи хешиктен сохраняется частица *беддѣ*: *Гапалмѣ гертѣн бѣн беддѣ?* 'может, Гапалма дома?'; *чи мѣрѣн усалсан беддѣ?* 'ты, конечно, напоил коня?'; *та магатар јрен беддѣ?* 'может, вы завтра зайдете?'

ШИЛИНГОЛЬСКИЙ ГОВОР

К шилингольскому говору относится речь жителей четырех хошунов²:

1) хошуна восточного объединения (хошун Уджумчин восточного и западного крыла³, хошун Хучит восточного крыла), 2) хошуна западного объединения

² В аймаке насчитывалось десять хошунов, разных по численности населения и по занимаемой им площади: 1) хошун Уджумчин восточного крыла, 2) хошун Уджумчин западного крыла, 3) хошун Хучит восточного крыла, 4) хошун Хучит западного крыла, 5) хошун Авганар восточного крыла, 6) хошун Авганар западного крыла, 7) хошун Авга восточного крыла, 8) хошун Авга западного крыла, 9) хошун Сунит восточного крыла и 10) хошун Сунит западного крыла.

В целях улучшения кочевого скотоводства (раньше кочевое население жило разбросанно), для целесообразного и равномерного распределения разных по качеству пастбищных земель среди кочевого населения Шилингольского аймака из этих десяти хошунов были созданы крупные объединенные хошуны.

³ Мы не даем отдельной характеристики речи монголов-уджумчин, проживающих на территории Шилингольского аймака Внутренней Монголии. В 1962 и 1963 гг. были опубликованы работы известного венгерского ученого К. Кара, посвященные фонетике /10, с. 145-172/ и словарю уджумчин /11, с. 1-43/. Эти работы основаны на данных, собранных автором в 1958 г. среди уджумчин — выходцев из Шилингольского аймака Внутренней Монголии, которые в конце второй мировой войны переселились в Чойбалсановский и Сухэбаторский аймаки МНР.

(Авга восточного и западного крыла, Авганар восточного и западного крыла, Хучит западного крыла), 3) хошуна Сунит восточного крыла, 4) хошуна Сунит западного крыла.

Жители всех хошунов Шилингольского аймака занимаются кочевым скотоводством, этой ведущей отраслью хозяйства. Подсобным является добыча соли в многочисленных соляных озерах. Шилингольский аймак занимает восточную часть Гоби, на западе граничит с МНР. Здесь живут монголы-кочевники общей численностью 52 705 человек.

Для речи монголов Шилингольского аймака показательным является наибольшая близость к речи основного населения МНР (халха-монголов).

К носителям шилингольского говора близки по своей речи монголы-дарханы (прежнее название хошуна — хошун Правого халхаского крыла) и му-мянгане из Уланцабского аймака, в середине XVIII в. перекочевавшие в пределы Китая из Тушету-хановского аймака Внешней (халха) Монголии.

Особенности фонетики⁴. Звуковой состав речи шилингольских и уланцабских (дархан, му-мянган) монголов одинаков, хотя последние отделены от шилингольцев населением, принадлежащим по речи к другому говору.

В шилингольском говоре отсутствуют гласные переднего ряда ε , $\bar{\varepsilon}$, \bar{o} , \bar{o} , \bar{y} . (Так же как в чахарском говоре, в нем наблюдается палатализация согласных перед i : *qariyu* 'ответ', *tarlyan* 'пашня', *doklya* 'сигнал' — шилингол *харь*, *тарь(н)*, *дохь*.)

Древнему комплексу $v + y + l$ соответствуют дифтонги *авь*, *овь*, *увь*, *үв*: *sayiqan* 'красивый', *baytalg* 'дом, строение', *noylr* 'сон, сновидение', *oylrata-* 'приближаться', *uyida-* 'вызывать скуку', *üyime-* 'суетиться', *güyidel* 'бег' — *сайтан*, *байшиң*, *ноёр*, *оёрто-*, *уёда-*, *үёме-*, *гүёдел*.)

В шилингольском говоре те же гласные, что и в чахарском говоре центрального диалекта. Однако состав согласных звуков несколько отличается как от чахарского, так и от остальных говоров и диалектов Внутренней Монголии. Наиболее характерным для шилингольского говора является наличие в нем двух свистящих аффрикат *дз* и *ц*, которых нет в других говорах и диалектах. При этом следует пояснить, что аффрикаты *дз* и *ц* характерны для речи монголов сунит, авга, авганар (Шилингольский аймак), дархан и му-мянган (Уланцабский аймак), в то время как в речи монголов хучит (Шилингольских аймак), урат (Уланцабский аймак) они не зафиксированы.

Как уже известно, шипящая аффриката γ СПМЯ во всех остальных говорах и диалектах сохраняет свое исконное качество и отражается в виде *дж* (перед гласным i и перед другими гласными), тогда как в шилингольском говоре она в тех же позициях сохраняет свое качество шипящей аффрикаты или же отражается в виде свистящей аффрикаты *дз*:

⁴ Описание говора базируется на данных, записанных у монголов-сунитов, с привлечением материалов по авга, авганар, хучит, а также дархан и му-мянган (Уланцабский аймак).

	Харчин	Чахар	Шилингол
Yiyasun 'рыба'	джачас(ан)	джачас(ан)	дзачас(ан)
Yayso- 'стоять'	джохсо-	джохсо-	джохсо-
Yiriken 'сердце'	джурх(ен)	джурх(ен)	дзурх(ен)
YuYayan 'толстый'	джуджан	джуджан	дзуджан
Yagelen 'мягкий'	джблен	джблен	джблен
ejen 'хозяин'	еджин	еджин	едзен
Yayil- 'жевать'	джэджла-	джаджла-	джаджла-

Об образовании халхаской аффрикаты *з* Б.Я.Владимирцов писал: «Халх. *ц* < монг.-письм. *У* перед *л*, а халх. *з* < монг.-письм. *У* в других положениях... Встречается очень много исключений. Благодаря "перелому" гласных монг.-письм. *л* только в редких случаях удержалось на халхаской почве в первом слоге. Поэтому в случаях перелома гласных более древних *У* > халх. *з* + *У*, а при переломе более нового происхождения *У* > халх. *ц* + *У* ~ *ц* + *л*, напр.: *Yiruyun* > *зурга* 'шесть', *Yibe* > *зэ* 'племянник, сын сестры', *Yibe* > *зевэ* 'острые стрелы, стрела, острое оружие с двумя лезвиями', *Yuv-* > *зэ* 'указывать, показывать', *Yiyasun* ~ *зачас* 'рыба'. / *Yiruya* > *цорб* 'иноходец...'. /2, с. 399/.

При обращении к данным шилингольского говора следует учитывать те слова, в которых «перелом» имел место в более раннее время.

Шипящая аффриката *с* СПМЯ перед гласным *л* в говоре отражается в виде *ч*, тогда как в положении перед другими гласными она развилась в свистящую аффрикату *ч* или же сохранила исконный шипящий характер:

	Арухорчин-барин	Чахар	Шилингол
Yilayun 'камень'	шулу(н)	чулу(н)	чулу(н)
Yina- 'варить'	шена-	чана-	чана-
Yayasun 'бумага'	ша́с(ан)	ча́с(ан)	ца́с(ан)
Yeber 'чистый'	чивер	чивер	цевер
naYadl 'дядя'	нагч	нагч	натц
Yabldar 'игрневый'	чэвдар	чавдар	чавдар
Yuylayun 'сходка'	чула	чула	чула

Шилингольский говор принадлежит к тем говорам, в которых сильные начальные согласные переходят (диссимилятивно) в слабые начальные.

Мы уже рассматривали выше, в каких случаях сильные начальные становятся слабыми начальными согласными. Здесь мы не будем это повторять, потому что данное явление в шилингольском говоре, в сущности, совершенно адекватно аналогичному явлению в чахарском говоре. Ограничимся тем, что приведем данные из шилингольского говора в сравнении с СПМЯ и хорчинским говором восточного диалекта.

Сильная начальная аффриката *с* отражается в шилингольском говоре в виде слабой аффрикаты *дж*.

	Шилингол	Хорчин
<i>ḡeḡen</i> 'мудрый'	<i>ḡjɨɨn</i>	<i>ɨɨɨn</i>
<i>ḡlɨqɨla</i> 'важный'	<i>ḡжуxал</i>	<i>ɨжуxал</i>
<i>ḡakɨlɨγan</i> 'молния'	<i>ḡжаxлг ан</i>	<i>ɨxлг ан</i>
<i>ḡasun</i> 'снег'	<i>ḡжас(ан)</i>	<i>ɨас(ан)</i>

В отличие от чахарского говора в исследуемом говоре заметны некоторая ограниченность употребления слабого начального *ḡ* вместо сильного начального *ḡ* и переход последнего в аффрикату *ɨ*. Особенно это характерно для речи дархан и му-мянгав:

	Сунит	Дархан
<i>ḡtsun</i> 'кровь'	<i>ɨус(ан)</i>	<i>ɨус(ан)</i>
<i>ḡlɨdqu-</i> 'вливать'	<i>ɨутг а-</i>	<i>ɨутг а-</i>
<i>ḡarḡaqaɨl</i> 'саранча'	<i>ḡжарḡaxā</i>	<i>ɨарḡā</i>
<i>ḡasun</i> 'снег'	<i>ḡжас(ан)</i>	<i>ɨас(ан)</i>

Сильный начальный смычный *ɨ* отражается в данном говоре в виде слабого смычного *ḡ*:

	Шилингол	Хорчин
<i>tatayur</i> 'головное украшение'	<i>ḡатyр</i>	<i>татyр</i>
<i>toqu-</i> 'оседлать'	<i>ḡоxо-</i>	<i>тоxо-</i>
<i>tedkūɨɨl</i> 'пособие'	<i>ḡетг емḡж</i>	<i>тетг емḡж</i>
<i>tosa-</i> 'встречать'	<i>ḡосо-</i>	<i>тосо-</i>
<i>tūslg</i> 'опора'	<i>ḡyɨɨn</i>	<i>тyɨɨn</i>

Сильный начальный спирант *q* отражается в говоре в виде слабого *ɨ*:

	Шилингол	Хорчин
<i>qabqa</i> 'капкан'	<i>ɨавxа</i>	<i>хавxа</i>
<i>qatarɨl-</i> 'ехать рысью'	<i>ɨатар-</i>	<i>хатар-</i>
<i>qəḡar</i> 'щека'	<i>ɨачар</i>	<i>хəɨɨr</i>
<i>qusuɨur</i> 'скребок'	<i>ɨусyр</i>	<i>хусyр</i>
<i>qasiɨa</i> 'изгородь'	<i>ɨашā</i>	<i>хамā</i>

Сильный начальный *k* отражается в виде слабого *ɨ*:

	Шилингол	Хорчин
<i>kelki-</i> 'нанизывать'	<i>ɨелxо-</i>	<i>хелxо-</i>
<i>kituɨa</i> 'нож'	<i>ɨутаг</i>	<i>хутаг</i>
<i>kerḡl-</i> 'разрезать'	<i>ɨерḡl-</i>	<i>херḡl-</i>
<i>kūsel</i> 'желание'	<i>ɨүсел</i>	<i>хүсел</i>
<i>köslge</i> 'полог'	<i>ɨөшг</i>	<i>хөшг</i>

В центральном диалекте, следовательно, в шилингольском говоре в конце слова вместо переднеязычного согласного *n*, который в этом положении употребляется в говорах восточного диалекта, произносится заднеязычный *ɨ*: *ebüḡen* 'старик', *büḡḡün* 'толстый' — шгл. *өвөгөң*, *бүḡүн*, хорч. *өвөгөн*, *бүḡүн*.

К естественным случаям соответствий согласных относится замена взрывного переднеязычного *ð* спирантом *ð̣*:

	Шилингол	Хорчин
<i>ebed-</i> 'болеть'	<i>өвсө-</i>	<i>өөдө-</i>
<i>öðken</i> 'густой'	<i>өсгөн</i>	<i>өтгөн</i>
<i>qabuda-</i> 'отекает'	<i>хавса-</i>	<i>хавада-</i>

Переход согласного СПМЯ *ʏ* перед *t*, *ç*, *s* (*ʃ*) в шилингольском в *x* не так обязателен, как в говорах восточного диалекта:

	Шилингол	Хорчин
<i>təʏtəʏ</i> 'глубь'	<i>дагд̣</i>	<i>тагд̣</i>
<i>soʏtəʏ</i> 'пьяный'	<i>согт̣</i>	<i>согт̣</i>
<i>bəʏsi</i> 'учитель'	<i>багш</i>	<i>багш</i>
<i>uʏtu-</i> 'встречать'	<i>угта-</i>	<i>угта-</i>

Особенности морфологии. Образование имен существительных множественного числа в шилингольском говоре в основном такое же, как и в чахарском. Однако есть фонетическая особенность, отличающая шилингольский от других говоров: наряду с суффиксом *-чүд* распространен его вариант на *-цүд*. Это часто встречается в речи авга и авганар: *байан* 'богатый' — *бай-чүд*, *байцүд*; *дзаль* 'молодой' — *дзальчүд*, *дзальцүд*; *ежегтэ* 'женщина' — *ежегтэчүд*, *ежегтэцүд*; в речи авганар нами записано: *батар* 'герой' — *батар-цүд*; *ех* 'мать' — *ехцүд*.

В шилингольском говоре заметна попытка разграничения в употреблении некоторых суффиксов множественного числа. Так, в речи сунит зафиксировано: *хүхен* 'девушка' — *хүхед* 'дети' (мальчики и девочки), *хүхнүд* 'девушки'; *саён* 'хороший' — *саёд* 'должностные лица', но *саёчүд* 'отличники'. Безусловно, в разговорной речи не существует строгой нормы в употреблении тех или иных суффиксов, ср., например: *гер* 'юрта' — *герүд*, *гернүд*; *яду* 'неимущий' — *ядучүд*, *ядуцүд*, *ядучул* и т.д.

Склонение имен существительных не имеет существенных отличий. Имя в родительном падеже образуется так же, как и в чахарском говоре, т.е. присоединением к основе имени следующих суффиксов: а) *-н* (*нохоё* 'собака' — *нохоён*; *түлаё* 'заяц' — *түлаён*); б) *-гн* (*өөөл* 'зима' — *өөөлгн*; *үл* 'гора' — *үлгн*); в) *-аё*: (*гот* 'город' — *готтоё*; *амтан* 'народ' — *амтнанё*).

Винительный падеж образуется суффиксами: *-и* [*адүи(н)* 'табун' — *адүи*; *хормоё* 'подол' — *хормоёи*]; *-гн* [*мод(он)* 'дерево' — *модгн*; *нас(ан)* 'возраст' — *насгн*]. Для совместного падежа зафиксирован суффикс *-таё*: *ус(ан)* 'вода' — *устаё*; *гот* 'город' — *готтоё*.

Направительный падеж на *-рү* (*-лү*) встречается в речи сунит и авганар: *би одб худаг рү жаван* 'я сейчас пойду к кладцу' (сунит); *чи одб ендёсен худаг рүган жав* 'ты отсюда отправляйся к кладцу'; *магтар өвөлджөн рүган очн* (авганар) 'завтра отправлюсь к зимнику'.

Лишь в речи монголов хошуна Авганар восточного крыла нами зафиксирован суффикс предельного падежа *-ца* (*-цай*): *мон өбдөгчэ ус баён* '(в реке) во-

да только до колен (доходит); *өнөдөр шагайца нас орджэ* 'сегодня выпал снег до шиколотки'.

В числительных заметны лишь фонетические отличия, связанные с употреблением аффрикаты *дз* или другой огласовкой:

	Шилингол	Чахар
<i>Үгүүүн</i> 'шесть'	<i>дзурга(н)</i>	<i>джурга(н)</i>
<i>Үагун</i> 'сто'	<i>дзү(н)</i>	<i>джү(н)</i>
<i>үгүн</i> 'девять'	<i>јөс(өн)</i>	<i>јис(ен)</i>

Местоимение 1-го и 2-го лица единственного числа склоняется по чахарскому типу:

	1-е л.	2-е л.
Им.	<i>би</i>	<i>чи</i>
Род.	<i>мині</i>	<i>чині</i>
Дат.-местн.	<i>над, надад</i>	<i>чамд</i>
Вин.	<i>намағи</i>	<i>чамағи</i>
Исх.	<i>надас, намағиас</i>	<i>чамас</i>
Орудн.	<i>надар, намағидар</i>	<i>чамар</i>
Совм.	<i>надаб, намаб</i>	<i>чамтаб</i>

Шилингольский говор отличается тем, что указательные местоимения *ене* 'этот', *тер* 'тот' (в рдл личного местоимения 3-го лица единственного числа) имеют несколько вариантов основ косвенных падежей, которые не сохранились в говорах восточного диалекта.

Склонение местоимения *ене* 'он', 'этот':

	Шилингол	Хорчин
Им.	<i>ене</i>	<i>ене</i>
Род.	<i>енині, үні</i>	<i>енинэ</i>
Дат.-местн.	<i>енинд, енүнд, үнд</i>	<i>енинд</i>
Вин.	<i>ениги, енүниги, үниги</i>	<i>енини</i>
Исх.	<i>енинес, енүнес, үнес</i>	<i>енинес</i>
Орудн.	<i>енинер, енүнер, үнер</i>	<i>енинер</i>
Совм.	<i>енинтэ, енүнтэ, үнтэ</i>	<i>енинтэ</i>

Склонение местоимения *тер* 'он', 'тот':

	Шилингол	Хорчин
Им.	<i>тер</i>	<i>тер</i>
Род.	<i>терни, терүни, түни</i>	<i>тернэ</i>
Дат.-местн.	<i>теренд, терүнд, түнд</i>	<i>теренд</i>
Вин.	<i>терниги, терүниги, түниги</i>	<i>терни</i>
Исх.	<i>тернес, терүнес, түнес</i>	<i>тернес</i>
Орудн.	<i>тернер, терүнер, түнер</i>	<i>тернер</i>
Совм.	<i>теринтэ, терүнтэ, түнтэ</i>	<i>теринтэ</i>

В шилингольском говоре имеется несколько повелительно-желательных форм глагола, которые не представлены в других говорах и диалектах. К ним относятся:

1) повелительно-просительная форма 2-го лица единственного и множественного числа на *-āč*: *ч! одо хурдан јавач* 'иди же сейчас быстренько!'; *та тунте үлдзач да* 'вы встретитесь с ним!'; *ч! өглө ерт босбч* 'ты утром раньше вставай!'; *ч! тернн над өгач дө* 'это ты отдай же мне!'; *та туглан авад-преч дө* 'пригоните же своего теленка!';

2) повелительно-наставительная форма 2-го лица единственного и множественного числа на *-араэ*: *морнчн ујан гехер ч! намаег бтн ујугараэ* 'если нужно привязать твоего коня, ты мне не разрешай привязывать!'; *та үмөгөн сагараэ* 'подойте свою корову!'; *герт орбд дөшөн сугараэ* 'входите в юрту, садитесь на почетное место!'; *та хуруд, дос хидж баегд чаэ үгараэ* 'вы кладите в чашку хурут и масло, выпейте чай!';

3) форма опасения на *-үдзаэ* со значением предостережения, как бы не совершилось какое-нибудь действие: *тер архинд согтүдзаэ* 'как бы он не опьянел!'; *морбн алдүдзаэ, саен бар* 'как бы он не выпустил коня, держи крепче!'; *тер терген дөрес үнүдзаэ, бүлн* 'как бы он не упал с телеги, спусти его!'. (

Как и в соседнем чахарском говоре, в шилингольском употребляется форма пожелания для всех лиц на *-асай*: *би онц сурасай* 'учиться бы мне лучше!'; *өке аджнд бид оролцосөй* 'принять бы нам участие в этой работе!'; *намаег Бөджинд јавүласай* 'отправили бы меня в Пекин!'; *өндөр борд орбосөй* 'быть бы сегодня дождю!'; *би тер дзамар јавасай да* 'пойти бы мне по той дороге!'. (

Образование и оформление остальных повелительно-желательных форм глаголов трех лиц совпадает с таковыми же других говоров: 1) повелительно-пригласительная 1-го лица единственного и множественного числа на *-ја* (*јавја* 'пойду-ка, пойдете-ка!'); 2) повелительная 2-го лица — основа глагола (*ар, гар* 'выйди, выйдите!'); 3) повелительно-желательная 3-го лица единственного и множественного числа на *-и* (*үджей* 'пусть посмотрит, посмотрят!'). (

Перед всеми повелительно-желательными формами факультативно может употребляться *-цага* (показатель множественности субъектов действия): *бид магатар ајанд цугар јавцагаја* 'поедете-ка завтра все вместе путешествовать!'; *тер урдар јавбал јавдж баег, бид сүлөр морцагаја* 'если он желает поехать раньше нас, пусть едет, а мы отправимся позднее!'. (

Насколько можно судить по данным экспедиции, для шилингольского говора нехарактерна синтетическая форма на *-джэн(а)*, известная во всех говорах восточного диалекта, или на *-джн*, спорадически встречающаяся в чахарском говоре: обе восходят к соединительному деепричастию на *-дж* и глаголу бытия. В шилингольском встречается лишь аналитическая форма: *сүдж баен* '(он) живет!'; *медедж баен* '(он) знает!'; *јарлцадж баен* '(он) разговаривает!'. (

Из всех трех форм прошедшего времени реже всего в разговоре встречается форма на *-с*. Она используется преимущественно при вопросе: *өчгдөр та Батринд очиву?* 'вы вчера ездили к Батару?'; *тер гертөсөн грову?* 'он вернулся из дома?'. (

В наших записях сунитской речи сохранились замечания, связанные с употреблением формы прошедшего времени на *-с*. По сведениям информанта,

«ене төлөв жаранд баёхгүё, енгевел «ах ірев, бі javaв» — гедж бід хелехгүё. Гевеч асүх төлөв болдж болнб» («этой формы в разговорной речи нет. Поэтому мы не употребляем *ах ірев* «брат пришел» или *бі javaв* «я пошел». Однако она может сохраняться при вопросе»).

Следовательно, распространены две формы прошедшего времени — на -ла и -джё (-чё): *мині дү javaд тав хонлб* «прошло пять дней, как уехал мой младший брат»; *тер малан тугад javaл* «он погнал свой скот»; *хүхед туглан хурдхар гарла* «дети отправились, чтобы собрать телят»; *сумиң хүхед сургулд javджё* «дети [нашего] сомона отправились в школу»; *терчиң емегтеңүд дагад гарчё* «она, оказывается, вышла вместе с женщинами». При односложных ответах на вопросы иногда ставится суффикс -дж (-ч): *Дамба ірджү үгүёйү?* — *ірдж* «вернулся или не вернулся Дамба? — Вернулоя»; *терчиң сурчү ес сурчү?* — *сурч* «учился он или не учился? — [оң] Учился».

В говоре причастие на -а встречается в предложениях, содержащих вопро: *чи бичёйү?* «ты все пишешь?»; *тер одб ч javaйү?* «он до сих пор ходит?». Однако, как и во всех говорах и диалектах, в шидлингольском причастие на -а используется редко.

Из остальных причастных форм наиболее распространенной является форма на -саң: *үлнәс ірсең — мині дү* «приехавший с гор — мой младший брат»; *чи хелснёрён хелчи* «ты скажи так, как и ранее говорил»; *тер нохоёнбс аёхнарән герт орсоң* «так как он боялся собаки, он вошел в дом».

В шидлингольском типично употребление причастия прошедшего времени в качестве финитного сказуемого: *ах маланган горшёнбс хулдадж авсаң* «брат купил свою шапку в кооперативе»; *егч мині дергед сүсаң* «сестра села рядом со мной»; *ене өчөгдөр готбс ірсең* «он вчера вернулся из города». В речи монголов хошуна Авга западного крыла эта причастная форма предпочтительнее, чем простые формы прошедшего времени: *тер малан тугад javaл, javдж* «он погнал свой скот». При этом интересно, что в суффиксе причастия прошедшего времени гласный удлиняется, тем самым подчеркивая сказуемость функцию причастия. С подобным фактом мы встречались и у хучитов — монголов хошуна Хучит восточного крыла: *теден джил бүр давсан ајанд javсаң* «они ежегодно совершали поездки за солью».

Остановимся лишь на следующих формах деепричастий.

1. В речи сунит и авга зарегистрирован суффикс последовательного деепричастия на -хлар: *та готод очхлар надад хелё* «когда поедете в город, скажите мне»; *чи гертёсён гархларән үдён оёсол* «когда будешь выходить из дома, закрой дверь на замок»; *чи манай енд ірхлёрён егчтёгён ір* «когда приедешь к нам, приезжай вместе с сестрой».

В речи авга форма на -хлар нередко замещается формой условного деепричастия на -вал: *та тугалд javхлар манайд орбд гар (та тугалд javбал манайд орбд гар)* «если пойдете за телятами, заходите к нам».

В речи монголов авганар встречается и другой вариант суффикса последовательного деепричастия на -хлар: *та javхнарән манайг дүд* «когда пойдете, позовите меня с собой»; *ёджің ірхнёр танаёд очіја* «когда приедет мать, мы придем к вам».

2. Деепричастие цели образуется посредством суффикса -хар: *хүхен ус авчірхар гарла* «девушка вышла, чтобы принести воды»; *тер буда ідхёр javaл*

“он пошел, чтобы поехать”. В речи авганар бытует и усеченный вариант *-хд*: *ах ахд јавхд гарлā* “брат вышел, чтобы поехать в аил”. Зачастую деепричастие цели может замещаться причастием будущего времени и глаголом *гө*: *өвсөн адүгән ерех іед (ерхёр) гарлā* “старик вышел, чтобы искать свой табун”.

3. В речи авга зафиксирована параллельная форма уступительного деепричастия на *-јāч*, которая имеет широкое распространение в говорах восточного диалекта: *бі јавахјүе бол та јавјāч болнд* “если мне не удастся, хотя бы вам пойти”; *бі хелјāч тер соүсохјүе* “хотя и говорю, он не слушает”; *өнөдөр јавјāч дүсјүе* “хотя сегодня и поедешь, все равно без пользы”.

4. В речи монголов сунит зарегистрирована сокращенная форма предважительного деепричастия на *-мч*: *Дашнимн̄ тремч бі хој тахчлхәр јаван* “как только придет Дашнима, я пойду стричь овец”; *та тенд хуремч манаё дүтё үлд-заву?* “как только вы добрались туда, не встретились ли с нашим младшим братом?”.

Напротив, в речи авга и авганар сохраняется полная форма суффикса на *-магц*: *тенд хурмегц бі буцд л ирне* “как только доберусь туда, тут же вернусь”; *борд ордд дүсмагц бид готод јавлā* “как только перестал лить дождь, мы отправились в город”; *биден нар гармагц өвсөн хададж ехллэ* “как только взошло солнце, мы начали косить сено”.

5. Деепричастие причины на *-мāнджн* встречается в речи авга и авганар, тогда как у сунит оно не отмечено: *чї хелмēнджн бі медлэ, тгехјүе бол бі марджэ* “оттого что ты сказал, я понял, иначе я бы забыл”; *чї санүлмāнджн тер хүсджэ* “оттого что ты напомнил, он и заинтересовался”; *бі гот ормōнджн терүнтэ үлдзлā* “так как я поехал в город, встретился с ним”; *бі јавмāнджн саён медсең* “так как поехал, я хорошо понял”. Как и в чахарском говоре, форма на *-мāнджн* может быть заменена причастием прошедшего времени в дательном-местном падеже с частицей возвратного притяжания: *бі дулāтан гув-час үсмēнджн (үссесүдөн) дәрхан медсеңјүе* “я не мерз, так как был тепло одет”.

В речи хучит встречается усеченная форма деепричастия причины на *-мāн*: *Нансалма горшōнд ирмөн торог, дурд ж, нисчү худалдадж авчэ* “так как Нансалма поехала в кооператив, она купила шелк, креп и чесучу”; *тер хорнд ормон тулүд гестедж баёхн үджлэ* “так как она вошла в сарай, то увидела, как лежат телята”. Параллельно этой форме в речи хучит употребляется причастие прошедшего времени в исходном падеже (как в чахарском говоре): *тер гертёсөн гармāн (гарснас) даве ачх терег јавдж баёхн үджлэ* “так как он вышел из дома, он увидел, как шли подводки за солью”.

6. В шилингольском говоре имеется суффикс попутного деепричастия на *-ңүт*. В речи авга и авганар существуют как полные, так и усеченные формы данного деепричастия, т.е. на *-ңүт* и *-үт*: *бі тендөгүр јаваңүт ахнār ордд гарјā* “когда буду ездить по тем местам, заеду и к старшему брату”; *чї ирүт тенүгүер ордорё* “когда приедешь, загляни и к нему”. Монголы авганары вместо деепричастия с этим суффиксом используют причастие будущего времени в совместном падеже и слово *дзерег* “разом, одновременно”: *чї гадā нāдаңүт (нāдатэ дзерег) дүгён харād јав* “когда ты будешь играть на улице, приглядывай и за своим младшим братом”; *герт орңүт (орохтэ дзерег) аргал авад ир* “когда будешь возвращаться в дом, захвати немного топлива”. Суф-

фикс-*нлаң* встречается в речи монголов сунит: *би чамадг үдзэнгү танга* 'как только увидел, я узнал тебя'.

Глагол *бае* 'есть, имеется, находится' зафиксирован в форме *бī* лишь в шидингольском говоре: *та манаг энд бī, јарч јах вее?* 'побудьте у нас, что торопиться?'; *аёлн дараг манагд-ірэд бī* 'начальник аила находится у нас'; *хоёт говнд тежэ бī јү?* — *олон бī* 'имеются ли верблюды в Северной Гоби? — Много?'; *манаг тугалуд өлн ард бī* 'наши телята находятся за горой'; *Содном гертэн бī* 'Содном находится дома'.

Глагол *а* 'быть' представлен в говоре лишь одной формой *санджэ*, которая встречается после именной связки *јум*: *ар дүрөң аё түмен адутаё, өвөр дүрөң үё түмен адутаё, их булагтаё јум санджэ* (из сказки) 'у него бесчисленный табун, заплодивший пространство с севера до юга, у него множество родников'; *хојор настаё хүтё јум санджэ* 'у него, оказывается, был двухлетний сын'.

Последлоги в шидингольском имеют лишь некоторые отличия фонетического характера:

дури 'в течение' управляет основой имени: *тер нег джл дурн готод јавад баёсан* 'он в течение года ездил в город'; однако примечательным является то, что в говоре он произносится иначе, а именно *тудж*, иногда и *туш*: *өдөр тудж морн нурнас бүхгүё* 'в течение всего дня не слезает с лошади'; *сар туш бичи үджедж баёла* 'в течение месяца учился грамоте';

духаё 'о, относительно, насчет': *турал дер јунаё духаё јарлцсаң вее?* 'о чем говорилось на собрании?'; *горшб баёгулах духаё јардж өглө* 'рассказал о создании кооператива';

цана 'на той стороне' управляет именем в родительном падеже: *дзамтн цана хон баён* 'за дорогой пасутся овцы'; *тер харагдаж баёга үлн цана бī* 'он находится на той стороне горы, что виднеется отсюда'.

Во всем остальном — ни по значению, ни по формам падежей, которыми они управляют, — последлоги в шидингольском говоре не отличаются от таковых чахарского говора.

Частицы в говоре в основном те же, что и в других диалектах и говорах языка монголов Внутренней Монголии, а именно:

1) вопросительные: а) *ү* (*саён намаршидж баёнү?* 'хорошо ли проводите осень?'; *чи одб јават гедж баёнү?* 'ты собираешься сейчас уезжать?'). В речи авганар зафиксировано: *сонн јү баёнү? — таг (јү ч баёхгүё)* 'что нового? — Совершенно ничего (ничего[нового] нет)'; *та гертэн сүвү? — јаг (гарсангүё)* 'вы были дома? — Точно (не выходил)'; б) *ө, вё* (*ал аёлн улс вё?* 'вы из какого аила?'; *та јунас аёдаг вё?* 'отчего вы испугались?'; *чи хентё-ірсең бё* 'с кем ты приехал?');

2) отрицательные: а) *үл* (*үл медсең баёдалтаё баён* 'делает вид, что ничего не знает'; *үл бүтөх јум јарад хереггүё* 'не дело говорить о том, что неосуществимо'; *асүдж баёхад үл медөх шү баён* 'когда его спрашиваешь, делает вид, будто не понимает'); б) *бү* (*магатар чи бү јава* 'ты завтра не уезжай'; *гертэн үлдө, Батрн адү бү харулад баё* 'останься дома, не паси табун Батара'); в) *гүё* (*манаё шг аёлд тм бер өдрөр дең бард олдохгүё шү* 'такой невестки в таком аиле, как наш, и днем с огнем не найдешь');

3) утвердительные: а) *дā* [ен̄г̄ тугалч̄н̄ х̄д̄ ав̄д̄ өг̄ д̄ө] *это отдай мальчику — пастуху телят*; *ч̄* *ене* *ш̄рдег̄ д̄өр̄ с̄ү̄ д̄ā* *ты садись на этой подстилке (из кошмы)*; *ч̄* *нāшāн̄ тр̄еч̄ д̄ө* *ты приходи к нам*; б) *ш̄* (*терч̄н̄ морг̄өдж̄, сөг̄-дөдж̄-ирен̄ ш̄* *он теперь придет с поклоном*; *ч̄* *од̄д̄ герт̄ орон̄ ш̄* *ты сейчас войдешь в юрту*; *та м̄н̄т̄ д̄ү̄г̄ үдж̄сең̄ ш̄* *вы видели моего младшего брата*); в) *л* (*тед̄ нāдамд̄ јаваг̄ л̄ д̄ā* *пусть они идут на игры — надом*; *бор̄д̄ орд̄ л̄ баён̄* *дождь продолжает идти*; *тер̄ хүн̄ јавд̄ж̄ л̄ баён̄* *тот все продолжает идти*);

4) запрета *б̄ич̄* (*б̄ит̄*) *не*: *од̄д̄ м̄н̄т̄ хоён̄ос̄ б̄ич̄ оч̄* *ты теперь не ходи за мной*; *ене худагна̄е хөв̄ө д̄өр̄ б̄ит̄ с̄үд̄ж̄ ба̄* *не садись на краю этого ко-лодца*; *гарцага̄, б̄ит̄ герт̄ дотор̄ үёмелд̄өд̄ ба̄* *выйдите, не толпитесь в комнате*; *б̄ич̄ үл̄ медег̄ч̄ бол̄д̄ с̄үг̄ад̄ ба̄* *не сиди, словно ничего не понимаешь*;

5) усилительно-противопоставительная -ч: *мана̄е дзурга̄н̄ хүрген̄ саён̄ ч̄ улс̄үд̄, са̄хтан̄ ч̄ улс̄үд̄ гед̄ж̄* *сказал: наши шестеро зятьев и хорошие и красивые люди*;

6) сомнения, предположения *б̄идз̄*: *тер̄ адуг̄а̄н̄ хура̄га̄д̄-ирех̄ б̄идз̄* *он, должен быть, пригонит сюда табун*; *терч̄н̄ номон̄ чамд̄ өг̄сөң̄ б̄идз̄* *он книгу свою, наверное, тебе отдал*; *ч̄* *мага̄тар̄ мана̄өд̄ јрӣн̄ б̄идз̄* *наверное, завтра зайдешь к нам*. В речи авганар частица *б̄идз̄* иногда может быть заменена вопроситель-но-отрицательной формой: *б̄иден̄ јавах̄ б̄идз̄?* (*б̄ид̄ јавн̄ү̄ үг̄үг̄јү?*) *мы, может, поедем?*

Наиболее употребительны междометия:

- 1) *ај-ја̄*: *ај-ја̄, м̄н̄т̄ тольо̄ өвд̄өд̄ ба̄гна̄!* *ой, болит моя голова!*
- 2) *х̄ө*: *х̄ө, тер̄ цецег̄ч̄н̄ јамар̄ са̄хтан̄ цецег̄ өг̄!* *ой, какой это красивый цветок!*
- 3) *хо̄*: *хо̄, н̄ нāша харчих̄ д̄ā!* *ой, посмотри в эту сторону!*
- 4) *ад-д̄ā*: *ад-д̄ā, ј̄м̄ уд̄āн̄ јавсам̄ б̄ө?* *ай, так долго шли?*
- 5) *х̄ā-ј̄ā*, *енч̄н̄-іх̄ хол̄ ј̄м̄ д̄ā* *ох, это так далеко!*
- 6) *ө̄т̄*: *ө̄т̄, терч̄н̄ туг̄ла̄н̄ алд̄ч̄х̄д̄ж̄!* *ай, она выпустила теленка!*
- 7) *т̄т̄-т̄т̄*: *т̄т̄-т̄т̄, м̄н̄т̄ гар̄ д̄арч̄іх̄л̄!* *ой-ой, у меня замерзли руки!*
- 8) *ја̄*: *ја̄, та харсаңг̄ үг̄ јү?* *ой, вы еще не уехали?*

На южном диалекте говорит население Иехе-Чжоуского⁵ аймака Внутренней Монголии. Это монголы племени ордос, проживающие в семи хошунах: Хангин, Далат, Джунгар, Джасак, Джунван, Оток и Ушин⁶. Аймак на севере граничит с Уланцабским аймаком, а на востоке — с землями Хухэ-Хотоских туметов. Всех ордосцев насчитывается более 64 000 человек.

Особенности фонетики. Состав гласных отличается от восточного, и от центрального диалектов: в ордосском есть смягченные ε , $\bar{\varepsilon}$, \bar{o} , \bar{o} , \bar{y} и дифтонги. Однако в экспедиционных материалах некоторые слова даны в двух вариантах, например: *aylmaγ* 'аймак', *oylra* 'близкий', *gūyi* 'бегать' — ордос 'аемаг (Ėмаг), оёро (ёро), гүѳ- (гү-). Возможно, в результате более тесных контактов ордосцев северо-восточных хошунов с монголами соседних аймаков за последнее полувековье наметились некоторые отклонения в произносительной норме диалекта.

В некоторых словах СПМЯ *e* в первом слоге в ордосском соответствует / первого слога слова (после начальных аффрикат *ч* и *дж*): *čeber* 'чистый', *čeng-gir* 'светло-голубой', *čečen*, *sečen* 'мудрый', *čečeg* 'цветок' — южный *ч/бер*, *ч/кжер*, *дж/чн*, *дж/чк*.

Выделяет южный (ордосский) и то, что в немногих словах там, где в СПМЯ во втором слоге имеется гласный *u*, в нем и в первом слоге будет *y*, тогда как в остальных говорах и диалектах Внутренней Монголии в той же позиции сохраняется *o*:

⁵ Он часто именуется и Ордосским аймаком. Наименование Иехе-Чжоуский (< *Иехе-цзу* 'великая кумирня') этот аймак получил в силу того, что на его территории находится могила Чингисхана и при ней кумирня, для наблюдения за которыми и была закреплена издавна часть местного населения /4, с. 74/.

⁶ Ордосский диалект известен в литературе благодаря трудам А. Мостарта. Свои работы он строил на основе изучения речи ордосцев двух южных хошунов — Отога и Ушина. В экспедициях 1955 и 1956 гг. ордосский обследовался повсеместно, но в данном очерке мы опираемся на материалы северо-восточных хошунов Иехе-Чжоуского (Ордосского) аймака, собранные экспедиционной группой. Автор этих строк не имел возможности посетить места поселения ордосцев.

	Восточный	Южный
<i>tosun</i> "магло"	<i>тос(он)</i>	<i>дусу(н)</i>
<i>modun</i> "дерево"	<i>мод(он)</i>	<i>муду(н)</i>
<i>odun</i> "звезда"	<i>од(он)</i>	<i>уду(н)</i>
<i>ordos</i> "ордос"	<i>ордос</i>	<i>урдус</i>
<i>oturuu</i> "ключица"	<i>омру</i>	<i>умру</i>
<i>ordu</i> "дворец"	<i>орд(он)</i>	<i>урду(н)</i>

Следует отметить, что из всех диалектов лишь в ордосском сохраняется наибольшее количество слов, где «перелом» гласного / не имеет места, например:

	Восточный (хорчин)	Южный
<i>ʃida</i> "копье, пика"	<i>джэд</i>	<i>джйда</i>
<i>ʃiran</i> "шестьдесят"	<i>джер(ан)</i>	<i>джйран</i>
<i>ʃiryal</i> "счастье"	<i>джаргал</i>	<i>джйргал</i>
<i>ʃingna-</i> "слушать"	<i>шанла-</i>	<i>чйгна-</i>
<i>ʃinar</i> "качество"	<i>шанар</i>	<i>чйнар</i>
<i>ʃina-</i> "варить"	<i>шина-</i>	<i>чина-</i>
<i>ʃirmayl-</i> "стараться"	<i>шармэ-</i>	<i>чйрмэ-</i>
<i>ʃilayun</i> "камень"	<i>шулу(н)</i>	<i>чйлу(н)</i>
<i>ʃidal</i> "сила, мощь"	<i>шадал</i>	<i>чйдал</i>
<i>ʃilʃa</i> "клевц (накожный)"	<i>шалдж</i>	<i>шйлджа</i>
<i>ʃinaya</i> "разливательная ложка"	<i>шйна</i>	<i>шйна</i>
<i>ʃitaya-</i> "сжигать"	<i>шта-</i>	<i>штэ-</i>
<i>ʃibayun</i> "птица"	<i>шуву(н)</i>	<i>шйву(н)</i>
<i>billegü</i> "точильный камень"	<i>билү</i>	<i>бйлү</i>
<i>bltegü</i> "канун Нового года"	<i>бүтү</i>	<i>бтү</i>
<i>ʃlregün</i> "грубый"	<i>шрүн</i>	<i>шйрүн</i>
<i>ʃlluya</i> "поводья"	<i>джоло</i>	<i>джйло</i>
<i>ʃlruya</i> "иноходь"	<i>джорд</i>	<i>джйрд</i>
<i>simuʃul</i> "комар"	<i>шумул</i>	<i>шймул</i>
<i>kiʃarlang</i> "четырёхгодовалый" (о животных)	<i>хэджэлан</i>	<i>кйджэлан</i>
<i>kilbar</i> "легкий"	<i>хэлбар</i>	<i>кйлбар</i>
<i>kirayu</i> "иной"	<i>херү</i>	<i>кйрү</i>
<i>kitad</i> "китайский"	<i>хэтад</i>	<i>кйтад</i>
<i>kilyasun</i> "волос" (например, конский)	<i>хэлас(ан)</i>	<i>кйласу(н)</i>

Одной из характерных черт южного (ордосского) диалекта является то, что в нем заметна слабо выраженная редукция гласных непервых слогов. При этом следует отметить сохранение гласного второго и конечного слогов.

1. В многосложных словах гласный второго слога артикулируется ясно, тогда как в остальных диалектах он ослабляется и полностью выпадает:

	Южный	Центральный
<i>yomuda-</i> 'обижаться'	<i>yumuda-</i>	<i>гомдо-</i>
<i>qabudar</i> 'опухоль'	<i>xavudur</i>	<i>xавдар</i>
<i>amuyulang</i> 'спокойствие'	<i>амугулаң</i>	<i>амгалаң</i>
<i>quluуuna</i> 'мышь'	<i>xулгууна</i>	<i>xулган</i>
<i>kimusun</i> 'ноготь, коготь'	<i>xумусу(н)</i>	<i>xумс(ан)</i>

2. Наиболее слабо заметна редукция гласных в конце слова, что отличает ордосский от всех остальных диалектов, но сближает с СПМЯ:

	Южный	Центральный
<i>albatu</i> 'подданный'	<i>албату</i>	<i>албат</i>
<i>dabusun</i> 'соль'	<i>давусу(н)</i>	<i>давс(ан)</i>
<i>nidün</i> 'глаза'	<i>нүдү(н)</i>	<i>нүд(ен)</i>
<i>'sumu</i> 'стрела'	<i>суму</i>	<i>сум</i>
<i>časun</i> 'снег'	<i>джасу(н)</i>	<i>джас(ан), час(ан)</i>
<i>nere</i> 'имя'	<i>нере(н)</i>	<i>нер(ен)</i>
<i>ula</i> 'подошва'	<i>ула</i>	<i>ул</i>
<i>boro</i> 'серый'	<i>боро</i>	<i>бор</i>
<i>arasun</i> 'мех'	<i>арусу(н)</i>	<i>арс(ан)</i>
<i>jiyasun</i> 'рыба'	<i>джагусу(н)</i>	<i>джагас(ан)</i>
<i>tegerme</i> 'мельница'	<i>тёрме</i>	<i>тёрем</i>
<i>usan</i> 'вода'	<i>усу(н)</i>	<i>ус(ан)</i>

Так же как и в центральном диалекте, в южном (ордосском) на месте древних комплексов V-y-i и V-l произносятся дифтонги *аё, оё, уё, үё*: *aylmaу* 'аймак', *yaylqa-* 'удивляться', *oyira* 'близкий, ближний', *güyi-* 'бежать, бегать', *uylla-* 'плакать', *balaraqal* 'неясный, смутный' — южный *аёмаг, гаёха-, оёрө, үё-, уёла-, балархаё, балархя*.

Тенденция к развитию некоторых дифтонгов в долгие монофтонги прослеживается и в южном (ордосском). Монофтонгизации чаще подвергаются дифтонги, которые находятся в непервых слогах. СПМЯ *ei* переходит в долгий гласный *ē*. В отличие от других диалектов суффикс совместного падежа *-tei* развился в ордосском в *-тē* или *-тī*: *keregtei* 'нужный, необходимый' — ордос *xeregtē (xeregtī)*. Южный (ордосский) принадлежит к тому диалекту, где в некоторых словах сохраняется древний *к*, причем не только в позиции после заднеязычного *ң*; наблюдаемого изредка в остальных диалектах. Однако если судить по данным экспедиционных групп, то в речи монголов-ордосцев северо-восточных хошунов замечается параллельное употребление в одном и том же слове *к* и спиранта *х*:

	Ордос	Чахар
<i>köbege</i> 'край, берег'	<i>көвө, хөвө</i>	<i>хөвө</i>
<i>keyid</i> 'скит, монастырь'	<i>кїд, хїд</i>	<i>хїд</i>
<i>kir</i> 'грязь'	<i>кїр, хїр</i>	<i>хїр</i>
<i>kiyegü</i> 'шея'	<i>күджү, хүджү</i>	<i>хүджү</i>
<i>kirayu</i> 'ивей'	<i>кїрү, хїрү</i>	<i>хїрү</i>

Аффриката *ʃ* в южном (ордосском) диалекте как перед гласным *i*, так и перед остальными гласными сохраняет свое исконное качество шипящей аффрикаты. Мы уже отмечали, что лишь в шилингольском говоре центрального диалекта аффриката *ʃ* в положении перед другими гласными, кроме *i*, развилась в свистящую аффрикату *ʒ* (как, например, в халхаском диалекте):

	Ордос	Чахар	Шилингол
<i>ʃiriken</i> 'сердце'	<i>джүрете</i>	<i>джүрх(ен)</i>	<i>дзүрх(ен)</i>
<i>ʃisum</i> 'ломоть, кусок'	<i>джүсүм</i>	<i>джүсем</i>	<i>дзүсем</i>
<i>ʃabalang</i> 'мучение'	<i>джоволоң</i>	<i>джовлоң</i>	<i>дзовлоң</i>
<i>geʃige</i> 'коса (волосы)'	<i>геджиге</i>	<i>геджиги</i>	<i>гедзег</i>
<i>ʃuʃayara-</i> 'утолщаться'	<i>джуджара-</i>	<i>джуджара-</i>	<i>дзуджара-</i>
<i>ʃagerde</i> 'рыжий (о масти)'	<i>джерде</i>	<i>джерд</i>	<i>дзёрд</i>

Южный (ордосский) относится к тем диалектам, в которых конечный носовой *n* чередуется с нулём. Однако он не развился в заднеязычный *ɲ*, как это нередко бывает в говорах центрального диалекта:

	Южный	Центральный
<i>qurdun</i> 'быстрый'	<i>хурдун</i>	<i>хурдун</i>
<i>ʃeʃen</i> 'мудрый'	<i>джичин</i>	<i>джичиң,</i>
<i>eʃen</i> 'хозяин'	<i>еджин</i>	<i>еджиң, едзег</i>
<i>ulaɣan</i> 'красный'	<i>улан</i>	<i>улаң</i>

Весьма существенным расхождением между восточным диалектом, с одной стороны, и центральным и южным (ордосским) диалектами — с другой, является то, что сильные начальные согласные СПМЯ *ʃ*, *t*, *q* и *k* (в определенных условиях) диссимилятивно отражаются в ордосском соответственно в виде слабых согласных *дж*, *д* и *в*:

1) *ʃ* отражается в виде *дж*: *ʃidi-* 'колоть, пронизывать', *ʃalʃi-* 'болтать, пустословить', *ʃbkiire-* 'отчаиваться', *ʃasutu* 'снежный', *ʃuqura-* 'пятиться' — южный *джичи-*, *джалчи-*, *джохоро-*, *джасути*, *джутура-*.

В остальных случаях ослабления сильного начального *ʃ* не наблюдается, аффриката *ʃ* неизменно сохраняет свой первоначальный шипящий характер: *ʃabidar* 'игривый (о масти)', *ʃerig*, *ʃirig* 'воин', *ʃuyta-* 'собираться', *ʃambʃa* 'сорочка', *ʃoɣ* 'горячий уголь', *ʃaɣaɣan* 'белый' — ордос *чабидар*, *чирик*, *нулла*, *намча*, *хог*, *каган*.

2) *t* отражается в ордосском в виде *д*: *toti* 'попугай', *toɣtaɣul* 'решение', *tobɣilla-* 'застегивать (пуговицу)', *toqu-* 'седлать, оседлать', *taqa* 'подкова', *takir* 'кривой, изогнутый', *tasama* 'тесемка', *tasɣur* 'кнут, плетень', *tebsi* 'корыто' — ордос *доти*, *догтол*, *довчило-*, *дохо-*, *дата*, *дазир*, *дасма*, *дашур*, *дебши*.

Как и в центральном диалекте, в остальных случаях ослабления начального *t* не наблюдается;

3) *q* отражается в виде слабого *в*: *qatquɣur* 'шпилька, закладка', *qota* 'город', *qabtasu* 'папка для бумаг', *qibʃasu* 'одежда', *qurʃa* 'острый', 'наточен-

ный; *qusum* 'береза', *qostγun* 'клюв' — ордос. *γатхур*, *γото*, *γавтасу(н)*, *γубтасу(н)*, *γурча*, *γусу*, *γушγ(н)*;

4) *к* соответствует в ордосском диалекте слабому согласному *γ*: *kükür* 'сера', *kekte-* 'лежать', *kete* 'огниво', *keceγü* 'трудный', 'тяжелый', *keγälm* 'кусок', 'ломоть', *küsel* 'желание', *köslgele-* 'крошить' — ордос. *γухур*, *γевте-*, *γет*, *γечү*, *γерчим*, *γүсел*, *γөшγоло-*.

Метатеза, как и в других диалектах, встречается редко и почти в одних и тех же словах. Однако южный (ордосский) сохраняет два слова, в которых произошла перестановка согласных, тогда как в подобных словах других диалектов ее нет:

	Ордос	Шилингол
<i>kögsin</i> 'старый'	<i>γөштөн</i>	<i>γөштин</i>
<i>daγsin</i> 'жестокий'	<i>доштин</i>	<i>догшин</i>

Особенности морфологии. Имя существительное во множественном числе образуется посредством тех же суффиксов, что и в центральном диалекте.

Здесь ограничимся лишь примерами:

а) -с (*хүмүн* 'человек' — *хүмүс*); б) -үд (*улус* 'люди' — *улсүд*); в) -нүд (*хөрө* 'ворон' — *хөрөнүд*); г) -д (*еджин* 'хозяин' — *еджид*); д) -чүд (*ядү* 'неимущий' — *ядүчүд*); е) нар (*аха* 'старший брат' — *аха нар*); ж) -тан (*сүджүг* 'вера' — *сүджүгтен*).

Склонение имен существительных в южном (ордосском) диалекте характеризуется следующими особенностями.

1. В речи монголов северо-восточных хошунов не зарегистрирован суффикс дательного-местного падежа, оканчивающийся на гласный, т.е. «архаический» *-ду*, *-дү*, который встречается в ордосских материалах А. Мостарта.

2. Совместный падеж имеет суффикс двух типов огласовки: а) на долгие гласные *-тэ*, *-тэ* (*бичиг* 'письмо' — *бичигтэ*, *бичигтэ*); б) на дифтонги *-таё* (*жамā* 'коза' — *жаматаё*).

3. Соединительный падеж образуется при помощи суффикса *-ла*: *чаг* 'время' — *чагла*.

4. Направительный падеж образуется двумя вариантами суффикса *-лу* и *-рү*. Основным является *-лу*, тогда как *-рү* ограничен в своем употреблении тем, что он ставится после основ имен, оканчивающихся на некоторые согласные: *джам* 'дорога' — *джамлу*; *гол* 'река' — *голлү*, *голрү*.

5. Зафиксированный в диалекте предельный падеж имеет суффикс *-чэ*: *тер голн усу хүджүчэ баёна* 'вода в той реке доходит до шеи'; *манаё тарā өвдөгчэ үндүр* 'наш урожай высотой до колен'.

Южный (ордосский) диалект примечателен тем, что в нем зафиксировано десять падежей. Те падежи, которые в других диалектах имеют ограниченное распространение, в ордосском употребляются значительно шире. Исключением может служить предельный падеж, который образуется от основ немногих слов, по своей семантике допускающих подобное образование.

Как и во всех диалектах, частица возвратного притяжания в диалекте имеет на конце согласный *н*: *гертён харіја гедж јавдж баён* 'шагает, чтобы добраться до своего дома'; *тер гертл҃гён харад сүджт* 'он сидел, уставившись на свою юрту'; *одб адүгән услад ір* 'пойди сейчас и напои свой табун лошадей'; *джоволоғдн арлгә* 'освободись от своих мучений'; *үлдёрён нег джавчәд алджт* 'убил, разрубив своим мечом'.

Частицами личного притяжания служат *мн, мн, н*. Ордосский различает формы для 2-го лица единственного и множественного числа. В этом случае в нем форма *чн* замещается более вежливой *тан*: *ахатан хә сүдж баён?* 'где живет ваш брат?'; *егечтан манаёд баёнә* 'ваша сестра находится у нас'.

Числительное в южном (ордосском) отличается от числительных диалектов в основном фонетическими особенностями. Для сравнения приведем счет от одного до десяти:

	Ордос	Чахар
<i>nigen</i> 'один'	<i>нпег(н)</i>	<i>нег(ен)</i>
<i>qoyar</i> 'два'	<i>хојор</i>	<i>хојор</i>
<i>γurba</i> 'три'	<i>γурва(н)</i>	<i>γурав, γурван</i>
<i>dörben</i> 'четыре'	<i>дөрво(н)</i>	<i>дөрөв, дөрвөн</i>
<i>tabun</i> 'пять'	<i>таву(н)</i>	<i>тав(ан)</i>
<i>γiγuyap</i> 'шесть'	<i>джурга(н)</i>	<i>джурга(н)</i>
<i>doluyap</i> 'семь'	<i>долд(н)</i>	<i>долд(н)</i>
<i>nylman</i> 'восемь'	<i>наём(ан)</i>	<i>наём(ан)</i>
<i>jlsun</i> 'девять'	<i>јису(н), јусу(н)</i>	<i>јис(ен)</i>
<i>arban</i> 'десять'	<i>арав, арван</i>	<i>арав, арван</i>

Образование остальных разрядов числительных — порядковых (суффикс *-дугәр*), собирательных (суффикс *-дл*), разделительных (суффикс *-ад*) — совершенно идентично подобным образованиям в других диалектах.

Склонение личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа:

	1-е л.	2-е л.
Им.	<i>би</i>	<i>чи</i>
Род.	<i>мнн</i>	<i>чнн</i>
Дат.-местн.	<i>надад, намаёд</i>	<i>чмад, чмаёд</i>
Вин.	<i>надт, намаё</i>	<i>чмаё, чмаёт</i>
Исх.	<i>надәс, намаётәс</i>	<i>чмаёс, чмаётәс</i>
Орудн.	<i>надәр, намаётәр</i>	<i>чмаәр, чмаётәр</i>
Совм.	<i>надтаё, намаётаяё</i>	<i>чамтаё, чмаётаяё</i>
Соед.	<i>надлә, намаёлә</i>	<i>чамлә, чмаёлә</i>
Напр.	<i>надлү, намаёлү</i>	<i>чамлү, чмаёлү</i>

Хотя в речи ордосцев и встречаются формы косвенных падежей *намәр* 'мною', *намәс* 'от меня', *чамәр* 'тобою', *чамәс* 'от тебя', но они используются редко.

Парадигма местоимений *ене* и *тере* интересна тем, что они содержат разные основы косвенных падежей (*енүн-, үн-, терүн-, түн-*), эти основы извест-

ны лишь в центральном диалекте, в говорах восточного диалекта они не зафиксированы.

Склонение указательных местоимений:

Им.	<i>ене</i>	<i>тере</i>
Род.	<i>ен̄н̄е̄, ̄н̄е̄</i>	<i>тер̄н̄ӣ, т̄н̄е</i>
Дат.-местн.	<i>ен̄нд̄, ̄нд̄, енед</i>	<i>тер̄нд̄, т̄нд̄, теред</i>
Вин.	<i>ен̄н̄ӣ, ̄н̄ӣ, енӣ</i>	<i>тер̄н̄ӣ, т̄н̄ӣ, тері̄</i>
Исх.	<i>ен̄н̄ес̄, ̄н̄ес̄, енес̄</i>	<i>тер̄н̄ес̄, т̄н̄ес̄, терес̄</i>
Орудн.	<i>ен̄н̄ер̄, ̄н̄ер̄, енер̄</i>	<i>тер̄н̄ер̄, т̄н̄ер̄, терер̄</i>
Совм.	<i>ен̄н̄т̄е̄, ̄н̄т̄е̄, ент̄е̄</i>	<i>тер̄н̄т̄е̄, т̄н̄т̄е̄, терте̄</i>
Соед.	<i>ен̄н̄л̄е̄, ̄н̄л̄е̄, енл̄е̄</i>	<i>тер̄н̄л̄е̄, т̄н̄л̄е̄</i>
Напр.	<i>ен̄н̄л̄ӯ</i>	<i>тер̄н̄л̄ӯ</i>

Повелительно-желательные формы глаголов не отличаются разнообразием. Образование глаголов трех лиц обоих чисел осуществляется посредством тех же суффиксов, что и в других диалектах:

1) повелительно-пригласительная форма 1-го лица единственного и множественного числа на *-j, -jā*: *би хэл идејē* 'я поем'; *бид јавчагајā* 'пойдемте'; *би мицган джилд хан сүј гедж бододжī* 'я мечтал: проживу-ка ханом тысячу лет';

2) повелительная форма 2-го лица — основа глагола, например: *ор* 'войди', 'войдите'; *ӯ* 'пей', 'пейте'; *унта* 'спи', 'спите'; *чэхи* 'бей', 'бейте'; *меде* 'знай', 'знайте';

3) повелительно-желательная форма 3-го лица единственного и множественного числа на: а) *-и*: *јаваг* 'пусть идет, идут'; *үджел* 'пусть видит, видят'; *сүг* 'пусть живет, живут'; б) *-тугаē*: *джндмүнī ердени мет бадаран джргатугаē* 'пусть процветает и распространяется, словно драгоценность Чиндamani'.

В экспедиционных материалах зарегистрирована повелительно-просительная форма 2-го лица на *-а̄ч*: *та нар одд јавач* 'теперь вы идите'; *чи говшијнд хурэч* 'ты добирайся до кооператива'. Суффикс *-а̄ч* появился в южном (ордосском) под влиянием речи монголов соседних (Шилингольского и Уланшабского) аймаков и не получил там широкого распространения.

В диалекте употребляется форма опасения на *-үджин*: *тер унтуджин* 'как бы он не заснул'; *та согтүджин, бага ӯ* 'как бы вы не опьянели, пейте меньше'; *хүхед серүджин, та бичиге јарлча* 'как бы ребенок не проснулся, не разговаривайте'. По сохранению конечного согласного *н* южный (ордосский) сближается с калмыцким языком, в котором в устной речи часто можно услышать параллельные формы: *тер ирузэ (ирузэн)* 'как бы он не пришел'.

Изывительная форма настоящего-будущего времени имеет суффикс *-нā (-н)*. Для глаголов со значением настоящего времени предпочтительна аналитическая форма с соединительным деепричастием и глаголом-связкой *баē* 'быть'.

В диалекте существуют все три изывительные формы прошедшего времени: 1) *-в (-вā)*. Форма прошедшего времени с этим суффиксом распространена шире, чем в говорах других диалектов. В речи ордосцев северо-восточной

части аймака чаще можно услышать: *тер жавас* 'он ушел'; *Батл ирвэ* 'Бата пришел'; *герт орбд сүвэ* 'он вошел в дом и сел', т.е. эта форма не осложняется частицами (особенно вопросительными), как это наблюдается в других диалектах; 2) -лэ. Этот суффикс часто встречается в диалекте: *тернэв гурван сар боллэ* 'с тех пор прошло три месяца'; *би енкэ учир медлэ* 'я понял причину этого'; *тер гертэн харлэ* 'он уехал домой'; 3) -джл (-дж), -чл (-ч). Форма прошедшего времени с такой огласовкой типична лишь для южного (ордосского) диалекта, в остальных данный суффикс не получает в исходе узкий гласный: *тер герэс гарчл* 'он вышел из дома'; *манаэ багшл аёл орхор жавджл* 'наш учитель собрался ехать в аил'; *тер надад бичлг бичлджл* 'он написал мне письмо'; *би терүнэс асуджл* 'я у него спросил'; *борбн орджл* 'пошел дождь'.

Причастие будущего времени образуется суффиксом -ху: *түнл жавуху сүху хуртер мантаэ адл* 'он ходит и сидит, точно как мы'; *та үндүр гушүнд ечлхү жү?* 'сегодня вы едете в хошун?'.

Среди обстоятельственных деепричастий следует отметить следующие:

1) предварительное деепричастие на -магча: *чл гертэн тарлмагча надад бичлн лгэ* 'как только вернешься домой, напиши мне письмо'; *тер малн хэмэгчэ худаглү гарав* 'как только отогнал скот, он направился к колодцу'; *би жавамагча чл гарэ* 'как только я уйду, ты выходи';

2) деепричастие предела на -тар (-тал): *би жастар (жастал) чл хулэдж баэ* 'ты жди, пока я поеду'; *чл ортор (ортол) би үджедж баэ* 'я посмотрю, пока ты не войдешь [в дом]';

3) в речи ордосцев северо-восточных районов зафиксировано уступительное деепричастие на -вач, передающее действие, вопреки которому может осуществиться другое действие: *чамаэй асүвач терчлн хелеххүэ* 'хотя ты и спросишь, он ничего не скажет'; *би борбн орвооч есе орвооч готод жаван* 'пойдет дождь или не пойдет, я съезжу в город'.

4) в южном (ордосском) употребительна вторая, параллельная форме -вал, -бал (известной всем говорам и диалектам Внутренней Монголии) форма условного деепричастия на -хулэ: *джасу арвн орохулэ манаэ таранд саён болнэ* 'если выпадет много снега, это на пользу нашим посевам'; *чл есе ирехулэ би ечлхүэ* 'если ты не придешь, я не пойду'. Она используется так же широко, как и форма -вал.

Послелогии в основном те же, что и во всех диалектах, если не считать отклонений фонетического характера. Остановимся лишь на следующих: *члнэн* (иногда встречается и как *члдэн*) управляет родительным падежом: *үхертн (үхертн) члдэн хада* 'камень величиною с быка'; *гертн члнэн үндүр муду* 'дерево высотой с дом';

душ, туш с основой имени (во временном значении): *хогор үдүр туш* 'в течение двух дней'; *тер сөнө душ аджлджл* 'он работал всю ночь'; однако встречается и полная форма этого послелoga — *дури*: *долн хоног дури* 'течение семи суток';

хуртел, гуртел (*хуртер, гуртер*) с основой и родительным падежом: *тер ху аёл гуртел гүлэ* 'тот мальчик бежал до селения'; *манаэ ахлнд гуртер сөнө болов* 'пока мы добрались до дома нашего старшего брата, наступила ночь';

шн, шнтӀ, шӱ с основой: *төмөр шн гатӱ* 'тверда, словно железо'; *дөт-гөр шнтӀ хүн* 'человек, словно черт'; *нохоё шӱ хурдун* 'быстрый, словно собака (гончая)';

хӱронд управляет родительным падежом со значением 'между', 'з момент': *усу авазӀн хӱронд тер жавав* 'он уехал в момент, пока я ходила за водой'; *зон харӱлхӀн хӱронд минӀ дӱ ирӱд жавдж ечи* 'пока я пас овец, приезжал мой младший брат и тут же уехал'. Этот послелог встречается в речи ордосцев северной части, тогда как на юге сохраняется известный во всех остальных диалектах *хӱронд*: *тер хожортӀн хӱронд бичӀге сӱ* 'не усаживайся между ними';

ожичӱ управляет соединительным падежом или основой имени: *тер чамла джичӱ насутаё* 'он тебе ровесник'; *нӱртӀн усу урусӱд ирмеглӱ джичӱ болон гедж байн* 'при стремительном течении вода озера может заполнить берега (букв. быть на уровне берегов)';

В южном (ордосском) диалекте употребляются разнообразные частицы, в основном уже известные по говорам других диалектов. Однако иной фонетический состав некоторых из частиц и существование других, неупотребительных в ареале распространения близлежащих говоров придают речи ордосцев северо-восточной части аймака своеобразную окраску.

1. Вопросительная частица *Ӏ* присоединяется главным образом к форме настоящего-будущего времени: *та ендӱс хеджӱ жавнӀ?* 'когда вы отсюда поедете?'; *чи терӱнӀ ӱдженӀ?* 'ты его видишь?'. Вопросительные *бӀ* (*сӀ*) ставятся отдельно, после именных и причастных форм: *ирегӱё байӱд жаӱд ирлӱ гедж хелдег бӀ?* 'как это можно говорить, что приехал, когда он еще не приехал?'; *та хӱ сӱдж байсан сӀ?* 'где вы жили?'; *тер жавдж байху хем бӀ?* 'кто тот, который идет?';

В употреблении частиц *Ӏ*, *бӀ* (*сӀ*) ордосский сближается с говорами восточного диалекта, где распространены эти частицы, тогда как в соседних с ордосским говорах центрального диалекта — чахарском и шилингольском — они неупотребительны.

2. Частица запрета *бичӀге* ставится перед повелительно-желательными формами: *чи намаёг бичӀге джодо* 'ты не бей меня'; *ӱндӱр та готод бичӀге жавӱ* 'сегодня вы не ездите в город'; *чи ӱдӱр душ гадӱ бичӀге нӱда* 'ты не играй целый день на улице'. В говорах центрального диалекта она употребляется в виде *бичӀ* (*битӀ*). Ордосская частица *бичӀге* совпадает с калмыцкой *бичкӱ*: *та тулан худг тал бичкӱ йовулн* 'вы не пускайте своего теленка к колодцу'; *чи нэмэг эс үзсн болад бичкӱ бӱ* 'ты не делай вида, что не замечаешь меня';

3. Уступительная частица *ч* распространена и в ордосском: *ӱндӱр ч, мар-гӱт ч чамаяг жавӱлахкӱё* 'ни сегодня, ни завтра тебе не разрешат поехать'. В речи ордосцев северо-восточной части заметна одна особенность: иногда вместо частицы *ч* они используют *жӱ*, подобное замещение не меняет значения: *саён ч, мӱ ч хамагӱё* (*саён жӱ, мӱ жӱ хамагӱё*) 'безразлично — плохой или хороший'; *багшӀн герт жӱ ч байн* (*багшӀн герт жӱ жӱ байн*) 'в доме учителя всего полно';

4. Частица сомнения *биджэ* замыкает все предложение: *тер одб̄ унтасан биджэ* 'он, наверное, теперь заснул'; *танаб̄ эджтан јавсан биджэ* 'ваша мать, вероятно, уже уехала'. Параллельно с ней встречается и другая частица, которая употребляется с тем же значением. Это частица *ба*: *ене үдүр борбн орохкүб̄ ба?* 'наверное, сегодня будет дождь?'; *тер готбс ірсен ба?* 'может быть, он вернулся из города?'. Она употребляется также в харчин-туметском говоре восточного диалекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многовековая изолированная жизнь внутренних монголов в пределах Китая, несомненно, сказалась на развитии их говоров и диалектов. Для них, хотя они и обнаруживают черты общности со всеми остальными монгольскими языками, характерны свои сугубо специфические признаки, существенным образом дифференцирующие их друг от друга.

Восточный диалект, занимая северо-восточную часть территории Внутренней Монголии, гранича на западе с центральным диалектом, по своим фонетическим, морфологическим и лексическим особенностям значительно обособлен от двух остальных диалектов. Восточный диалект, наиболее пестрый и сложный по числу и составу племен — носителей различных подговоров и говоров, как бы лоскутками разбросанных по всей его территории, устойчиво сохраняет ряд характерных признаков, придающих ему своеобразный облик. Однако, несмотря на существование исконных черт и возникновение ряда новообразований, усиливающих дифференциацию восточного диалекта, все же носители данного и других диалектов общаются друг с другом, хотя испытывают при этом известные затруднения.

Центральный диалект, будучи во многом противопоставленным восточному диалекту, в большей мере сближается с южным (ордосским) диалектом, а также с территориально граничащим с ним халхаским диалектом МНР.

Южный (ордосский) диалект стоит несколько особняком. Слабая редукция гласных непервых слогов в слове резко отличает его как от восточного и центрального, так и от халхаского, но в то же время сближает с СПМЯ. По другим аспектам он ближе к чахарскому говору центрального диалекта, чем к говорам восточного диалекта.

Основываясь на данных, полученных в ходе широкого экспедиционного обследования, мы описали все типичные черты фонетики и морфологии восточного, центрального и южного (ордосского) диалектов с учетом основных особенностей их говоров и подговоров.

Из фонетических явлений, наиболее четко характеризующих восточный, центральный и южный диалекты, следует отметить такие черты.

1. Наличие в восточном диалекте долгих гласных, образованных в результате постепенного исчезновения интервокального согласного из древних комплексов $v + c + v$ и последующего слияния оставшихся двух гласных в один долгий. В центральном и южном диалектах эти долготные комплексы

приводят к развитию в них разных звуков — соответственно долгих гласных и дифтонгов.

2. Замещение гласного *ө* гласным среднего ряда *ү* в анлауте в восточном диалекте.

3. Развитие узкого гласного заднего ряда *у* в широкий огубленный гласный *о* в некоторых говорах восточного диалекта, чего нет в центральном и южном диалектах.

4. Развитие аффрикат *с̣* и *й̣*, обусловленное их позицией по отношению к гласному *і*. Изменение и неодинаковое отражение их в говорах и диалектах Внутренней Монголии, несомненно, повлияло на фонетический строй этих говоров и диалектов.

В восточном диалекте развитие аффрикаты *с̣* шло в двух направлениях: а) в хорчинском говоре и джалайт-дурбетском подговоре шипящая аффриката *с̣* как перед гласным *і*, так и перед остальными гласными развивается в спирант *ш*, т.е. в них произошла деаффрикация; б) в харчин-туметском и ару-хорчин-баринском говорах (а также в подговорах оннют-найман и их-мянган) аффриката СПМЯ *с̣* отражается в виде аффрикаты *ч* и сохраняет свой исконный шипящий характер.

В центральном диалекте мы находим следующее: а) в чахарском говоре аффриката *с̣* в положении перед гласным *і* и перед прочими гласными сохраняет свое прежнее качество шипящей аффрикаты *ч*; б) в шилингольском говоре (исключая речь урат и хучит) аффриката *с̣* перед гласным *і* сохраняет шипящий характер, в то время как в положении перед остальными гласными она развивается в свистящую аффрикату *ц*.

В южном (ордосском) диалекте аффриката *с̣* как перед гласным *і*, так и перед остальными гласными удерживает свое исконное качество, отражаясь в виде аффрикаты *ч*.

В восточном и южном диалектах, а также в чахарском говоре центрального диалекта шипящая аффриката *с̣* остается в своем первоначальном качестве как перед гласным *і*, так и перед остальными гласными, отражаясь в виде шипящей же аффрикаты *дж*; однако шилингольский говор (исключая речь урат) центрального диалекта стоит несколько особняком: в нем аффриката *с̣* в положении как перед гласным *і*, так и перед остальными гласными в одних словах сохраняет свой исконный шипящий характер и отражается в виде *дж*, тогда как в других словах развивается в свистящую аффрикату *дз*. Таким образом, дальнейшее развитие древних шипящих аффрикат *с̣* и *й̣* привело к образованию новых фонем — свистящих аффрикат *ц* и *дз* в шилингольском говоре центрального диалекта, наиболее близкого к халхаскому диалекту монголов МНР.

5. Существенны отличия, связанные с явлением регрессивной диссимиляции — ослаблением сильных начальных согласных и переходом их в слабые. Регулярность явления регрессивной диссимиляции типична для центрального и южного диалектов, а также для оннют-найманского подговора восточного диалекта.

6. Слабо выраженная редукция гласных непервых слогов в слове характерна для южного (ордосского) диалекта. В этом отношении он сближается с языком письменных памятников.

Помимо этих фонетических явлений следует указать и на другие черты, свойственные отдельным говорам и подговорам и являющиеся их дополнитель-

ной характеристикой (ср., например, употребление на месте спиранта *c* в других говорах взрывного согласного *т* в речи джалайтов и дурбетов).

Морфологический строй в целом сохраняет наиболее общие свойства, унаследованные от более древнего состояния. Основные грамматические категории совпадают с теми, которые зафиксированы в дошедших до нас памятниках и существуют в современных монгольских языках и диалектах. Различия и изменения, наблюдаемые в настоящее время в диалектах Внутренней Монголии, касаются в основном более частных категорий и выступают как результат их последующего самобытного развития.

Примерами расхождений в системе падежей могут служить: 1) напавительный падеж с суффиксом *-джү* (в джалайт-дурбетском подговоре хорчинского говора и в арухорчин-баринском говоре восточного диалекта) и суффиксом *-рү* (в шилингольском говоре центрального диалекта, а также в ордосском диалекте); 2) соединительный падеж на *-лэ* в харчин-туметском и арухорчин-баринском говорах восточного диалекта, а также в южном (ордосском) диалекте. В центральном диалекте он не зафиксирован.

В области собственно глагольных форм наиболее существенными являются следующие расхождения: 1) повелительно-наставительная форма на *-арае* в шилингольском говоре центрального диалекта, сближающая этот говор с халхаским диалектом; в остальных говорах и диалектах Внутренней Монголии она не встречается; 2) желательная форма на *-асае* имеет ограниченное распространение. Она известна лишь в центральном диалекте. Параллельно с ней в восточном диалекте (в речи барин и оннют) возникла новая форма — на *-асла*; 3) изъявительная форма настоящего времени на *-джинэ*, которая представляет новообразование в говорах восточного диалекта.

Однако самые заметные изменения произошли в системе деепричастных форм. В этом отношении особенно выделяется восточный диалект, так как только в нем параллельно с известными наблюдается образование новых форм деепричастий. К ним мы относим: а) предварительное деепричастие с суффиксом *-нарэн*. Несмотря на то что существует параллельная ей форма предварительного деепричастия на *-магч* (*-магш*), форма на *-нарэн* употребляется чаще и более распространена; б) деепричастие цели на *-хүе* (наряду с *-хэ*, *-хэр*) является достоянием лишь восточного диалекта, в других оно не встречается.

Употребляются еще две формы деепричастий, а именно: а) уступительное на *-яч* (*-яш* в хорчинском говоре), которое в отличие от двух первых зафиксировано на более широкой территории и встречается в восточном диалекте, а также в чахарском, частично и в шилингольском говорах центрального диалекта, тогда как в южном диалекте его нет; б) деепричастие причины на *-манджин* (*-ман*). Напротив, это деепричастие используется чаще в центральном диалекте, чем в восточном. В последнем форма на *-манджин* зафиксирована в харчин-туметском говоре и в речи барин. Сугубо ограниченный ареал распространения имеют деепричастия — условное на *-хулэ* (только в ордосском диалекте) и попутное деепричастие на *-үгүт* (лишь в центральном диалекте).

Суммируя основные фонетические и морфологические явления, можно указать, что многие из них строго локализованы, не распространяются на другие территории и тем самым не выступают в функции различительных признаков

для какого-то другого говора или диалекта. Ср. такие контрастные явления, как наличие дифтонгов, ослабление сильных начальных согласных, существование четырех аффрикат (*ч, ц, дж, дз*) в центральном диалекте. Или же наличие только долгих гласных, аффрикат *ч, дж*, замещение *ө* гласным *ү* или аффрикаты *ч* спирантом *ш* (в хорчинском говоре), отсутствие спиранта *с* (в джалайт-дурбетском подговоре) и т.д. в восточном диалекте.

В языковом отношении Внутренняя Монголия разделена как бы на две части. С одной стороны, это носители восточного диалекта, которые живут на сравнительно небольшой территории, отличаясь экономическим укладом (оседлость и занятие земледелием) и культурой. Преобладая количественно, они тесно контактируют с иноязычной средой; с другой – носители центрального диалекта, расселенные на обширном пространстве, малочисленные, отличающиеся от монголов восточной части типом хозяйственной деятельности (кочевое скотоводство) и в силу сложившихся условий культурным уровнем. К последним примыкают и носители южного диалекта, исторически имевшие тесные контакты с иноязычным окружением. Но при этом нельзя забывать и о взаимосвязях внутренних монголов, особенно носителей центрального диалекта, с монголами МНР.

Диалекты Внутренней Монголии и халхаский диалект (МНР) – это диалекты одного языка, монгольского, носители которого в силу разных обстоятельств и причин оказались надолго разобщенными, живя на территориях разных государств – КНР и МНР. Однако относительно раздельное существование диалектов Внутренней Монголии в течение нескольких веков способствовало их самостоятельному и весьма своеобразному развитию, консервации в них некоторых диалектных различий.

СОКРАЩЕНИЯ

арухорч.	арухорчин, арухорчинский	орудн. пад.	орудный падеж
арухорч.-барин.	арухорчин-баринский говор	род. пад.	родительный падеж
бур.	бурятский язык	совм. пад.	совместный падеж
вин. пад.	винительный падеж	совр. монг.	современный (халха) монгольский язык
вост.	восточный диалект	СПМЯ	старописьменный монгольский язык
даг.	дагурский язык	ср.	сравни
дат.-местн.пад.	дательно-местный падеж	тиб.	тибетский язык
джал.	джалайтский	тум.	тумет, туметский
джал.-дурб.	джалайт-дурбетский разговор	харч.	харчин, харчинский
дурб.	дурбетский	харч.-тум.	харчин-туметский
им. пад.	именительный падеж	хорч.	хорчин, хорчинский говор
исх. пад.	исходный падеж	центр.	центральный диалект
калм.	калмыцкий язык	чах.	чахар, чахарский говор
кит.	китайский язык	шгол.	шилингол, шилингольский говор
орд.	ордос, ордосский диалект		

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобровников А. Монгольско-калмыцкая грамматика. Казань, 1849.
2. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.
3. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962.
4. Материалы по Маньчжурии и Монголии. Выпуск одиннадцатый. Словарь монгольских терминов. А—Н. Составил Заамурского округа ротмистр Баранов. Харбин, 1907.
5. Москалев А.А. Политика КНР в национально-языковом вопросе. М., 1981.
6. Рамсгедт Г.И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб., 1908.
7. Руднев А.Д. Материалы по говорам восточной Монголии. СПб., 1911.
8. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. I. М., 1953.
9. Годаева Б.Х. Чингэлтэй, Насанбаяр, Содном. Предварительные итоги работы монгольской лингвистической экспедиции в КНР. Пекин, 1955.
10. Kara G. . Sur la dialecte Üjümüčin. — «Acta Orientalia Hungarica», T. XIV. Fasc. 2. Budapest, 1962.
11. Kara I. Un glossaire Üjümüčin. — «Acta Orientalia Hungarica», T. XVI. Fasc. 1. Budapest, 1963.
12. Mostaert A. Le Dialecte des Mongols Urdus. — «Anthropos», T. XXII, 1927.
13. Mostaert A. Textes oraux ordos. — «Monumenta serica. Monograph series». 1937, № 1.
14. Mostaert A. Dictionnaire Ordos. Seconde edition. Johnson Reprint Corporation. New York—London, 1968.
15. Poppe N.N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955.
16. Cenggeltei. Dumdadu ulus-taki mongyol törül-ün kele-nügüd ba mongyol kelen-ü ayalju-nuyud-un yeronkei baydal. — Mongyol kele bičig. 1957, № 11; Mongyol teüke kele bičig. Хүхэ-хото, 1958, № 2, 3, 6, 7, 12.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Восточный диалект	14
Хорчинский говор	14
Фонетика	14
Морфология	26
Джасагтуский подговор	58
Джалайт-дурбетский подговор	63
Харчин-гуметский говор	68
Арухорчин-баринский говор	77
Оннют-найманский подговор	84
Иж-мянганский подговор	87
Центральный диалект	92
Чахарский говор	92
Хешиктенский подговор	103
Шилингольский говор	106
Южный (ордосский) диалект	116
Заключение	127
Сокращения	131
Литература	132

Булли Хойчиевна Тодаева

ЯЗЫК МОНГОЛОВ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ

Очерк диалектов

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Г.А. Давыдова*
Младший редактор *Д.Ш. Хесина*
Художник *А.Г. Кобрин*
Художественный редактор *Б.Л. Резников*
Технический редактор *Л.Н. Кузьмина*
Корректор *Т.А. Алаева*

ИБ № 15256

Сдано в набор 29.10.84

Подписано к печати 14.06.85

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная

Усл. п.л. 8,5. Усл. кр.-отт. 8,75. Уч.-изд.л. 9,13

Тираж 900 экз. Изд. №4968. Зак. № 216. Цена 1 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Офсетное производство типографии № 3
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАУКА"

Выдет книга:

Монгольский лингвистический сборник
11 л. 1 р. 80 к.

Сборник исследований советских и монгольских авторов, посвященных актуальным проблемам монгольского языкознания — современным монгольским языкам, их истории и родственным связям монгольского языка. В сборник вошли статьи таких известных монголистов, как Г.Д. Санжеев, А. Лувсандэндэв, В.И. Рассадин. Авторы исследуют вопросы фонологии, грамматики, лексической семантики, а также проблемы русско-бурятского, русско-калмыцкого и русско-монгольского двуязычия.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книоторгов и "Академкниги", а также по адресу: 117192, Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 ("Книга — почтой") "Академкниги".

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАУКА"

Выйдет книга:

*Н.А. Баскаков. Северные диалекты алтайского языка:
Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кыжи). 16 л. 2 р. 90 к.*

Первое в тюркологии всестороннее описание чалканского диалекта алтайского языка, выполненное одним из ведущих советских тюркологов и завершающее его обширное и весьма ценное исследование "Северные диалекты алтайского (ойротского) языка" (И., 1965, 1966, 1972). Книга содержит грамматический очерк, текст и словарь. Наблюдения автора и фиксированные им ныне исчезающие грамматические формы и лексические единицы представляют несомненный вклад в изучение сравнительно-исторической грамматики тюркских языков.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книжной торговли и "Академкниги", а также по адресу: 117192, Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 ("Книга — почтой") "Академкниги".

8

1 р. 40 к.

15